

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 (73)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Карнишина Н. Г.** Имперский опыт Российской Империи: Великое княжество Финляндское во второй половине XIX – начале XX в.5
- Кусаинов Т. А.** Административно-хозяйственная деятельность Тюремного отделения по содержанию арестантов в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в конце XIX в.14
- Шошкина М. Н.** Судебная и полицейская деятельность земских начальников Пензенской губернии в конце XIX – начале XX в.26
- Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.** Жена для работы (многоженство в экономике тюрок-мусульман Зауралья начала XX в.).....35
- Ганин А. В., Голдин В. И.** О научной и ненаучной критике: размышления на полях рецензий51
- Тетерин П. В., Конев Н. С.** Причины принятия плана Маршалла в современной российской историографии64
- Митрофанов В. П.** Правительственные расследования огораживаний в Англии кануна революции середины XVII в.76

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

- Коблова Н. А.** Благотворительная инициатива и формирование образовательной среды в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Пензенской губернии)89
- Домнин С. В.** Революционные события начала XX в. глазами православного духовенства (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» 1905–1910 гг.).....100

Белоусов С. В. Выпускники и учащиеся Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне	110
Поляков Р. Ю. Проблемы развития здравоохранения Пензенской области в 1939–1940 гг.	124
Аншаков Е. А., Барина Е. П. Развитие Пензенской художественной школы в 1938–1964 гг.: роль регионального отделения Союза художников	139
Паршина В. Н., Каширский А. В. Советская модель раздельного обучения (на примере Пензенской области).....	151

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 1 (73)

2025

CONTENTS

HISTORY

- Karnishina N.G.** The imperial experience of the Russian empire:
the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th –
early 20th centuries.....5
- Kusainov T.A.** Administrative and economic activities of the Prison
department for the detention of prisoners in penitentiary institutions
of Saratov province at the end of the 19th century14
- Shoshkina M.N.** Judicial and police activities of the zemstvo chiefs
of the Penza province in the late 19th – early 20th centuries26
- Rodnov M.I., Tagirova L.F.** Wife for work (polygamy in the economy
of the Muslim Turks of the Trans-Urals at the beginning
of the 20th century)35
- Ganin A.V., Goldin V.I.** On scientific and non-scientific criticism:
reflections on the margins of reviews.....51
- Teterin P.V., Konev N.S.** Reasons for the adoption of the Marshall Plan
in modern Russian historiography64
- Mitrofanov V.P.** Government investigations into enclosures in England
on the eve of the revolution in the mid – 17th century76

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

- Koblova N.A.** Charitable initiative and formation of educational
environment in Russia in the second half of the 19th –
early 20th centuries (by the materials of Penza province)89

Domnin S.V. Revolutionary events of the early 20 th century through the eyes of the orthodox clergy (by the materials of Penza diocesan journal 1905–1910)	100
Belousov S.V. Graduates and students of Penza teachers' seminary in the First World War	110
Polyakov R.Yu. Problems of development of healthcare in Penza region in 1939–1940.....	124
Anshakov E.A., Barinova E.P. Development of Penza art school in 1938–1964: the role of the regional branch of the Union of Painters.....	139
Parshina V.N., Kashirskiy A.V. Soviet model of separate education (by the example of Penza region).....	151

УДК 94(47)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

Имперский опыт Российской империи: Великое княжество Финляндское во второй половине XIX – начале XX в.

Н. Г. Карнишина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

karnishins@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность работы определяется необходимостью с новых позиций переосмыслить имперский опыт проведения национальной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. в Великом княжестве Финляндском. *Цель исследования* – изучить особенности и результаты проведения национальной политики Российской империи на примере Великого княжества Финляндского во второй половине XIX – начале XX в. через призму взглядов и оценок современников. *Материалы и методы.* Исследование проведено на базе принципов исторической науки: объективности, историзма и системности. Системно-структурный метод использован автором для изучения принципов и методов проведения национальной политики на примере Великого княжества Финляндского. Историко-антропологический подход применен при изучении записок и публикаций современников – российских и финских политиков, историков, правоведов, представителей высшей бюрократии по поводу статуса Финляндии в составе империи. Применение сравнительно-исторического метода исследования позволило проанализировать особенности положения Финляндии в составе Российской империи. При анализе материалов периодической печати был использован метод контент-анализа прессы. *Результаты.* Решена основная задача – на основе широкого комплекса источников изучить опыт проведения национальной политики правителей Российской империи второй половины XIX – начала XX в. на территории Великого княжества Финляндского и его оценку современниками. *Выводы.* Вторая половина XIX в. характеризовалась изменениями во внутренней политике, выразившихся не только в проведении широкомасштабных реформ, но и в изменении подходов к национальной политике царского правительства. События 1860-х гг. и последовавшие за ними изменения коснулись и положения Великого княжества Финляндского. Период от начала реформ Александра II до проектов преобразований П. А. Столыпина был знаковым для Западного края в плане поиска царским правительством оптимальной модели управления этими территориями. Полемика по этому вопросу вышла из министерских кабинетов на страницы периодической печати. Анализ мнений представителей образованного общества по поводу статуса Финляндии в составе империи позволил составить представление о подходах к реализации национальной политики на окраинах государства и совокупности факторов, влиявших на формы и методы ее проведения.

Ключевые слова: национальная политика, имперский опыт, Великое княжество Финляндское, автономия, статус русского языка

Для цитирования: Карнишина Н. Г. Имперский опыт Российской империи: Великое княжество Финляндское во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 5–13. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

The imperial experience of the Russian empire: the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries

N.G. Karnishina

Penza State University, Penza, Russia

karnishins@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the work is determined by the need to rethink the imperial experience of the national policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries from a new perspective in the Grand Duchy of Finland. The purpose of the work is to study the features and results of the national policy of the Russian Empire using the example of the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries through the prism of the views and assessments of contemporaries. *Materials and methods.* The research is based on the principles of historical science: objectivity, historicism and consistency. The system-structural method is used by the author to study the principles and methods of conducting national policy on the example of the Grand Duchy of Finland. The historical and anthropological approach is applied to the study of notes and publications of contemporaries – Russian and Finnish politicians, historians, jurists, representatives of the highest bureaucracy regarding the status of Finland within the empire. The application of the comparative historical research method made it possible to analyze the peculiarities of Finland's position within the Russian Empire. When analyzing the materials of the periodical press, the method of content analysis of the press was used. *Results.* During the writing of the article, the main task was solved – based on a wide range of sources to study the experience of the national policy of the rulers of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries on the territory of the Grand Duchy of Finland and its assessment by contemporaries. *Conclusions.* The second half of the 19th century was characterized by changes in domestic policy, expressed not only in the implementation of large-scale reforms, but also in changing approaches to the national policy of the tsarist government. The events of the 1860s and the subsequent changes affected the position of the Grand Duchy of Finland. The period from the beginning of Alexander II reforms to P.A. Stolypin's transformation projects was a landmark for the Western Region in terms of the tsarist government's search for an optimal management model for these territories. The controversy on this issue has spread from the ministerial offices to the pages of the periodical press. The analysis of the opinions of representatives of educated society about the status of Finland within the empire allowed us to get an idea of the approaches to the implementation of national policy on the outskirts of the state and the totality of factors that influenced the forms and methods of its implementation.

Keywords: national policy, imperial experience, Grand Duchy of Finland, autonomy, status of the Russian language

For citation: Karnishina N.G. The imperial experience of the Russian empire: the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):5–13. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

Попытки исследования имперского опыта Российской империи периода XIX – начала XX в. неизбежно приводят исследователя к необходимости учета исторического контекста при проведении национальной политики царским правительством. Кроме того, факт неоднородности территории империи во всех ее составляющих (политической, конфессиональной, экономической, географической, социокультурной) требует изучения положения каждой национальной окраины в историческом и правовом контексте с учетом времени и обстоятельств ее вхождения в состав Российской империи. Кроме того, феномен персонализации царской власти в России проявляется в данном контексте в необходимости учета позиции правителя в национальном вопросе, его взглядов и убеждений, а также характеристик представителей бюрократии как в столице, так и на национальных окраинах.

Пример Великого княжества Финляндского, на наш взгляд, является для исследователя весьма показательным с точки зрения как правового статуса территории, так и динамики развития и изменения национальной политики России в рассматриваемый период. Положение Финляндии в составе империи было всегда в центре внимания политиков и правоведов XIX в., подчас вызывая полемику как в среде высшей бюрократии, так и на страницах периодических изданий.

Присоединение Финляндии к России было закреплено Фридрихсгамским мирным договором от 5 (17) сентября 1809 г., в первой статье которого было записано: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между его Величеством императором Всероссийским и его Величеством королем Шведским» [1, с. 5]. Александр I подчеркивал: «Намерение мое при устройстве Финляндии состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое, чтобы он не считался поработленным Россией, но привязанным к ней собственными его очевидными пользами, для чего сохранены ему не только гражданские, но и политические его законы» [2, с. 35–36]. Александр I обязался не назначать в Финляндию русских чиновников, сохранять в ней собственный законодательный орган и сложившуюся правовую систему, в том числе прежнюю конституцию Швеции. Шведский язык в качестве государственного продолжал действовать, сохранялась прежняя денежная единица – марка. Финляндия получила право иметь свою полицию и вооруженные силы. Многие исследователи на основании этих данных утверждали, что Финляндия, формально признаваемая автономией в составе Российской империи, на самом деле находилась в унии с Россией.

Так, Р. Эрх писал: «Актом, врученным торжественно Земским Чинам Финляндии в Боргоском соборе в 1809 г., основной закон Шведского королевства был утвержден как финляндская конституция для сохранения его в полной и непоколебимой силе. В течение почти всего XIX в. в Финляндии даже не знали, что это может подлежать сомнению» [3, с. 95].

Сословное представительство в лице Сейма сохранилось после присоединения Финляндии к России. Александр I получил титул Великого князя Финляндского, русские цари ни разу не созывали Сейм вплоть до 1863 г. Начиная с 1863 г. Сейм стал регулярно созываться сначала раз в пять лет, а затем – раз в три года [4, с. 9].

На фоне проходившей в России судебной реформы сенатор А. А. Половцов в середине 1860-х гг. особо отмечал, например, тот факт, что «по особым

политическим обстоятельствам Генерал-губернаторам Северо-Западного и Юго-Западного края предоставлены Высочайшей властью права на управление подведомственными им губерниями, а в том числе право увольнять от должности мировых посредников, назначенных на вакантные должности по своему избирию, вполне благонадежных лиц, как из кандидатов на юридические должности, так и из других лиц военного и гражданского ведомств. Однако начальникам губерний, входящих в состав этого края, отдано Генерал-губернатором распоряжение по предмету назначения и увольнения мировых посредников и кандидатов передать Правительственному Сенату» [5, с. 1]. Сенатор подчеркивал, что в этом вопросе в ходе введения новых Судебных Уставов генерал-губернатор сделал исключение для Великого княжества Финляндского, сохранив полномочия высшего органа западной окраины.

Новый Сеймовый устав был принят в 1869 г., тогда же произошла реорганизация представительных собраний в лютеранской церкви Финляндии и общинной представительной системы. Сейм в таком виде сохранялся до 1906 г. В годы правления Николая II был издан указ 1899 г., предусматривавший применение к Финляндии общероссийского законодательства, если тот или иной вопрос затрагивал общероссийские интересы, что выражало стремление царского правительства ограничить автономию Финляндии, привести финляндскую государственно-правовую систему в соответствие с российской, в том числе в административном, законодательном, военном и языковом отношениях, что вызвало неоднозначную реакцию и в русском, и в финском обществе. В 1906 г. Николай II подписал Сеймовый устав, которым предусматривалось образование однопалатного сейма, избираемого на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Большинство финляндских и российских ученых определяли статус Финляндии в составе России как автономный. Так, Ю. Бромsted отмечал, что хотя с того времени, как был, наконец, собран и начал постоянно функционировать Сейм, Финляндия получила государство в виде Великого княжества, но в «период патриархального правления императоров Александра I и Николая I этот статус оставался декларацией», так как зависел от воли царя. Только при «либеральном правлении Александра II была создана возможность для подлинной автономии», поскольку регулярно стало созываться четырехсословное представительное учреждение [6, с. 10–11].

Р. Германсон в статье «Соображение относительно нынешнего положения Финляндии» от 19 ноября 1907 г. высказал свое мнение о положении княжества в составе Российской империи. Он отмечал: «Никто не утверждал серьезно, что Финляндия находится в личной унии с Россией, т.е. связана с ней единственно личностью монарха. Вопрос о том, оставил ли император Александр I шведские основные законы в силе как основные законы Финляндии, может быть разрешен независимо от научной проблемы о характере связи между Россией и Финляндией. Наконец, земские чины Финляндии прямо признали, что Финляндия является частью Российского государства. Я со своей стороны признаю, что Финляндия благодаря утверждению своих основных законов получила в Российском государстве положение страны с собственной конституцией, которая может быть изменена и отменена не иначе, как в порядке, предписываемом той же конституцией» [7, с. 3]. «Финский народ, – продолжает Р. Германсон, – твердо придерживается точки

зрения, что он составляет отдельную нацию, созданную минувшими веками независимости от человеческих планов и расчетов» [7, с. 5].

Р. Германсон признавал, что по поводу правового положения Финляндии в составе Российской империи у авторов и политиков нет единодушия. Автор указывал: «В Финляндии известно, что в некоторых кругах в России не сочувствуют финской автономии и не признают основных законов Финляндии, а, наоборот, считают усилия, направляемые к отмене их, патриотическим делом. В России неоднократно порицали способ толкования финнами их законов. Но подчас финны прямо поражены толкованием противной стороны» [7, с. 12–13].

Не только финские, но и русские государствоведы И. Е. Энгельман и А. В. Романович-Славатинский признавали Финляндию государством, находящимся с Россией в реальной унии. Русские государствоведы положительно оценивали опыт Финляндии в окраинной политике Российской империи. Например, М. Н. Ступин в работе «Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем; Новая Государственная дума», изданной в 1905 г., выразил взгляды части сторонников широкомасштабных реформ. По его мнению, «современное государственное устройство страны может быть в полном соответствии с прошлым, т.е. являться лишь естественным развитием прежнего устройства. Самобытный идеал русской народности – это исторически врожденное ей сознание полной возможности государственного сожительства под одной общей властью совершенно автономных государственных тел» [8, с. 24–25].

Н. Авинов в статье в «Московском еженедельнике» высказывал свое мнение: «Государственное единство – это политический признак, который легко провозгласить, но который провести в жизнь очень сложно. Государственное единство в таком огромном политическом целом, как Россия, достигается не подчинением всего административного строя одному установленному для центра шаблону, а приспособлением его к культурным особенностям отдельных частей государства, без ущерба высшим политическим интересам империи. Это положение в отношении Финляндии ясно осознавалось русскими государями, что не раз подтверждено было манифестами и другими актами, заключавшими в себе выражение высочайшей воли» [9, с. 9–10].

В материалах периодической печати, в официальных записках представителей высшей бюрократии часто можно встретить критику отдельных направлений окраинной политики центральной и местных властей. Российскую администрацию критиковали за либерализм, космополитизм, чиновничье равнодушие к интересам империи и забвение русских интересов. Например, консервативная публицистика конца XIX – начала XX в. содержит критику всех аспектов внутренней политики российских властей на западных окраинах империи, обвиняя их в так и не состоявшейся русификации западных русских окраин [10, с. 574].

Именно в отношении Финляндии многие авторы критиковали проводимую правительством национальную политику. Профессор В. М. Грибовский в своей работе «Государственное устройство и управление Российской империи (из лекции по русскому государственному и административному праву)», изданной в 1912 г., по поводу правового статуса Финляндии в составе Российской империи писал: «В составе Российской империи до настоящего

времени существовала особая привилегированная часть русского государства. Сущствующее деление империи имеет лишь административный характер, за исключением Финляндии, обладающей своеобразным привилегированным положением» [11, с. 33–34].

Автор с одобрением отнесся к изменениям, введенным законом от 17 июня 1910 г., согласно которому были установлены разряды общеимперских дел и порядка их разрешения при посредстве имперского парламента, в котором введены данным законом представители от Финляндии. Этим законом было резко подчеркнуто подчиненное положение Финляндского княжества, «законодательству которого отныне отводится тесный круг нормирования чисто местных интересов из единства империи, представляющей собой единое государственное тело, единство территории русского государства» [11, с. 35].

Л. Мелехин в своих многочисленных публикациях проводил тезис, весьма широко распространенный в кругах финских политиков и публицистов. По его мнению, «главный представитель государственной власти в крае есть не генерал-губернатор, а Императорский Финляндский Сенат, генерал-губернатор – председатель Сената и, вместе с тем, начальник гражданской исполнительной власти, а также на тех отношениях, в которых он фактически находится к особе монарха. В области законодательной, а также в других делах внутренней государственной жизни власть государства выполняется в Финляндии согласно с основными законами стран без подчинения суверенитету империи» [12, с. 2].

Критикуя все попытки царского правительства распространить на Финляндию общеимперское законодательство, Л. Мелехин писал: «Финляндский закон не может быть заменен русским или общеимперским законом, т.к. тут дело идет об удовлетворении интересов и охране правовой обеспеченности финляндского общества» [13, с. 16].

М. Горенберг в статье «Запрос о действиях финляндского министра статс-секретаря» был еще более категоричен: «Законодательство русской империи не находится к законодательству финляндскому в таких отношениях как законодательство общее к местному. Законы русские не только не имеют преимущественной силы перед законами финляндскими, но за некоторыми исключениями и не действуют вовсе по общему правилу на финляндской территории. Имперские законы не имеют преимуществ перед законами финляндскими» [14, с. 417–418].

Б. Э. Нольде в работе «Очерки русского государственного права» довольно подробно остановился на анализе данного подхода финских правоведов. По его мнению, «когда в законе говорится, что Финляндия находится в державном обладании Российской империи, то складывается представление, будто она стоит вне империи, что империя противопоставляется Великому Княжеству как особому подчиненному государству. Автономия Финляндии возникла гораздо позднее других автономий, и она пережила такую историческую грань, которую другие автономии не переходили – грань между старым политическим кругозором и кругозором современным. Это не могло не отразиться на ней. Из реформ 1860-х гг. выдвинута была в России совершенно новая программа по финляндскому вопросу, программа так называемого общеимперского законодательства. Русский законодатель до 1910 г.

шел классическим путем отмены прав и привилегий автономных русских областей» [15, с. 469, 547, 552].

Известный российский юрист С. А. Котляревский в статье «Финляндские дела» констатировал: «Открытие комиссии по русско-финляндским делам, которая должна была выработать порядок рассмотрения общих дел, лишний раз подчеркнула всю чрезвычайную трудность, чтобы не сказать безнадежность компромисса между взглядами, широко распространенными в русской правительственной среде, и взглядами, еще более широко распространенными в Финляндии» [16, с. 4–5].

По сути, полемика пореформенного периода по поводу положения Финляндии в составе Российской империи демонстрировала противостояние просвещенной бюрократии и консервативно настроенной части русского общества относительно статуса национальных окраин империи и в целом государственного устройства страны [17, с. 144].

А. П. Владимиров в своей статье в «Русском обозрении» в 1894 г. выразил мнение части высшей бюрократии, отмечая, что «слабость правительственной политики на западных окраинах состоит в ее непоследовательности, отсутствии строгой системы, зависимости от личных взглядов правителей края, вследствие чего одним правителем отменялось и разрушалось то, что было сделано его предшественником» [18, с. 223].

Некоторые авторы рассматривали статус Финляндии как пример для последующих изменений национально-государственного устройства страны. В то же время ряд политиков и правоведов считали предоставление автономии данной территории ошибкой, выступая за унификацию статуса всех национальных окраин Российской империи. Полемика то разгоралась, то затихала, но не прекращалась на протяжении всего XIX в. и особенно усилилась во время премьерства П. А. Столыпина. На наш взгляд, существование в составе Российской империи на протяжении более ста лет национальной окраины с широкой автономией с сохранением конфессиональной и языковой самостоятельности подтверждает отсутствие в национальной политике Российской империи жестких принципов тотальной унификации и русификации.

Список литературы

1. Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. М. : Международные отношения, 1985. 572 с.
2. Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. СПб. : Слово, 1908. 86 с.
3. Эрих Р. Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов. СПб., 1908. 95 с.
4. Могунова М. А. Государственное право Финляндии. М. : Городец, 2005. 368 с.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 600. № 777.
6. The Finnish legal system / ed. by J. Uotila. Helsinki : Union of Finnish Lawyers Publishing Company, 1966. 263 p.
7. Германсон Р. Соображение относительно нынешнего положения Финляндии. СПб. : Тип. Ю. Мансфельд, 1907. 15 с.
8. Ступин М. Н. Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем; Новая Государственная дума. СПб. : Н. К. Мартынов, 1905. 123 с.

9. Авинов Н. Финляндский вопрос в Государственной Думе // Московский еженедельник. 1908. № 7 (3). С. 8–17.
10. Иванов А. А., Котов А. Э., Степанов В. Л. [и др.]. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 660 с.
11. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса : Техник, 1912. 258 с.
12. Мелехин Л. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры К. Д. Сергеевского : пер. со швед. Берлин : Тип. Розенталя и К°, 1903. 170 с.
13. Мелехин Л. К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией : пер. со швед. Гельсингфорс : Акционерное общество Г. В. Эдлунд, 1909. 142 с.
14. Горенберг М. Запрос о действиях финляндского министра статс-секретаря // Право. 1908. № 8. С. 417–421.
15. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. : Правда, 1911. 554 с.
16. Котляревский С. А. Финляндские дела // Московский еженедельник. 1909. № 25. С. 1–7.
17. Карнишина Н. Г. Концепция национального государства в теории российского конституционализма начала XX в. // Вестник Академии права и управления. 2011. № 25. С. 141–147.
18. Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 176–226.

References

1. *Rossiya i Shvetsiya. Dokumenty i materialy. 1809–1818 = Russia and Sweden. Documents and materials. 1809–1818.* Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1985:572. (In Russ.)
2. *Akty dlya vyясneniya politicheskogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo = Acts to clarify the political situation of the Grand Duchy of Finland.* Saint Petersburg: Slovo, 1908:86. (In Russ.)
3. Erikh R. *Gosudarstvenno-pravovoye polozheniye Finlyandii v osveshchenii inostrannykh yuristov = The state and legal position of Finland in the light of foreign lawyers.* Saint Petersburg, 1908:95. (In Russ.)
4. Mogunova M.A. *Gosudarstvennoye pravo Finlyandii = State law of Finland.* Moscow: Gorodets, 2005:368. (In Russ.)
5. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB). F. 600. № 777 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 600. No. 777.* (In Russ.)
6. Uotila J. (ed.). *The Finnish legal system.* Helsinki: Union of Finnish Lawyers Publishing Company, 1966:263.
7. Germanson R. *Soobrazheniye otnositel'no nyneshnego polozheniya Finlyandii = Considerations regarding the current situation in Finland.* Saint Petersburg: Tip. Yu. Mansfel'd, 1907:15. (In Russ.)
8. Stupin M.N. *Osnovy gosudarstvennogo ustroystva Rossii i gosudarstvennogo prava russkogo naroda v proshlom i nastoyashchem; Novaya Gosudarstvennaya дума = Fundamentals of the state structure of Russia and the state law of the Russian people in the past and present; New State Duma.* Saint Petersburg: N.K. Martynov, 1905:123. (In Russ.)
9. Avinov N. The Finnish question in the State Duma. *Moskovskiy yezhenedel'nik = Moscow Weekly.* 1908;(7):8–17. (In Russ.)

10. Ivanov A.A., Kotov A.E., Stepanov V.L. et al. *Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917) = Center and regions: government economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*. 2nd ed. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021:660. (In Russ.)
11. Gribovskiy V.M. *Gosudarstvennoye ustroystvo i upravleniye Rossiyskoy imperii (iz lektsiy po russkomu gosudarstvennomu i administrativnomu pravu) = State structure and governance of the Russian Empire (from lectures on Russian state and administrative law)*. Odessa: Tekhnik, 1912:258. (In Russ.)
12. Melekhin L. *K voprosu o finlyandskoy avtonomii i osnovnykh zakonakh. Kritika broshyury K.D. Sergeevskogo: per. so shved. = On the issue of Finnish autonomy and fundamental laws. Criticism of K.D. Sergeevsky's brochure: translated from Swedish*. Berlin: Tip. Rozentalya i K°, 1903:170. (In Russ.)
13. Melekhin L. *K voprosu o blizhayshe opredelenii pravovykh otnosheniy mezhdru Ros-siyey i Finlyandiyey: per. so shved. = On the issue of the immediate definition of legal relations between Russia and Finland: translated from Swedish*. Gel'singfors: Aktsion-ernoye obshchestvo G.V. Edlund, 1909:142. (In Russ.)
14. Gorenberg M. Inquiry into the actions of the Finnish Minister of State Secretary. *Pravo = Law*. 1908;(8):417–421. (In Russ.)
15. Nol'de B.E. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava = Essays on Russian State Law*. Saint Petersburg: Pravda, 1911:554. (In Russ.)
16. Kotlyarevskiy S.A. Finnish affairs. *Moskovskiy yezhenedel'nik = Moscow Weekly*. 1909;(25):1–7. (In Russ.)
17. Karnishina N.G. The concept of the national state in the theory of Russian constitution-alism of the early 20th century. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2011;(25):141–147. (In Russ.)
18. Vladimirov A.P. On Russian land ownership in the North-West region. *Russkoye oboz-reniye = Russian review*. 1894;(7):176–226. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Геннадьевна Карнишина
доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Natalia G. Karnishina
Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of the history of Russia,
state and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: karnishins@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no con-flicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.01.2025

Принята к публикации / Accepted 15.02.2025

УДК 347 965(410+571) (09)+929
doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-2

Административно-хозяйственная деятельность Тюремного отделения по содержанию арестантов в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в конце XIX в.

Т. А. Кусаинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

timkusainov86@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено актуальной проблематике организации работы и деятельности руководящих органов уголовно-исполнительной системы России XIX в. в сфере тылового обеспечения пенитенциарных учреждений на примере Саратовской губернии. Актуальность изучения исторического опыта административно-хозяйственной деятельности Тюремного отделения Саратовского губернского правления как одного из крупных региональных подразделений пенитенциарной системы Российской империи обусловлена, во-первых, необходимостью переосмысления и использования практических наработок в области тылового обеспечения мест заключения, а во-вторых, изучением условий содержания арестантов, которые, в свою очередь, влияли на их поведение, в частности на выражение насильственных и ненасильственных форм протеста. Целью исследования стало изучение деятельности Саратовского губернского тюремного инспектора и начальников тюрем, направленной на проведение комплекса мероприятий по тыловому обеспечению пенитенциарных учреждений региона, а также оценка их эффективности. *Материалы и методы.* Автор, основываясь на архивных материалах, исследует различные аспекты финансово-хозяйственной деятельности, материального снабжения и условий содержания заключенных в тюрьмах Саратовской губернии. *Результаты.* Изучены отдельные вопросы работы Тюремного отделения по организации и проведению административно-хозяйственных мероприятий в сфере тылового обеспечения пенитенциарных учреждений Саратовской губернии. *Выводы.* Расходы правительства Российской империи в конце XIX в. на тюремную систему были недостаточны, что сказывалось прежде всего на строительстве новых и ремонте существующих тюрем, а это, в свою очередь, вело к проблемам с переполненностью мест заключения и условиями содержания арестантов. На примере деятельности Тюремного отделения Саратовской губернии видно, что оно предпринимало меры для рационального использования материальных ресурсов и не допускало нецелевого использования материальных и денежных средств.

Ключевые слова: Тюремное отделение, пенитенциарные учреждения, административно-хозяйственная деятельность, Саратовская губерния

Для цитирования: Кусаинов Т. А. Административно-хозяйственная деятельность Тюремного отделения по содержанию арестантов в пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии в конце XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 14–25. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-2

Administrative and economic activities of the Prison department for the detention of prisoners in penitentiary institutions of Saratov province at the end of the 19th century

T.A. Kusainov

Saratov State University, Saratov, Russia

timkusainov86@mail.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the actual problems of organizing the work and activities of the governing bodies of the penal enforcement system of Russia in the 19th century in the field of logistics of penitentiary institutions on the example of Saratov province. The relevance of studying the historical experience of the administrative and economic activities of the Prison Department of Saratov Provincial Government, as one of the major regional divisions of the penitentiary system of the Russian Empire, is due to: firstly, the need to rethink and use practical developments in the field of logistics of places of detention, and secondly, the study of the conditions of detention of prisoners, which, in turn, influenced their behavior, in particular, the expression of violent and non-violent forms of protest. The purpose of the research is to study the activities of the Saratov provincial prison inspector and prison chiefs aimed at carrying out a set of measures for the logistical support of penitentiary institutions in the region, as well as evaluating their effectiveness. *Materials and methods.* The author, based on archival materials, explores various aspects of financial and economic activities, material supply and conditions of detention of prisoners in prisons of the Saratov province. *Results.* The article examines certain issues of the work of the Prison Department on the organization and conduct of administrative and economic measures in the field of logistics of penitentiary institutions of the Saratov province. *Conclusions.* Expenses of the Government of the Russian Empire in the con. In the 19th century, the prison system was insufficient, which affected, first of all, the construction of new and repair of existing prisons, and this, in turn, led to overcrowding of places of detention and conditions of detention of prisoners. Using the example of the activities of the Prison Department of Saratov province, it can be seen that it took measures for the rational use of material resources and did not allow the misuse of material and monetary funds.

Keywords: Prison department, penitentiary institutions, administrative and economic activities, Saratov province

For citation: Kusainov T.A. Administrative and economic activities of the Prison department for the detention of prisoners in penitentiary institutions of Saratov province at the end of the 19th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(1):14–25. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-2

Введение

Актуальность исследуемой темы обосновывается необходимостью всестороннего изучения пенитенциарной системы России в целях обобщения и использования в современных условиях исторического опыта деятельности органов власти и уголовно-исполнительных учреждений российского государства, накопленного в период реализации тюремной реформы с 1879 по 1917 г. В данной статье предпринято исследование одной из важных, но малоизученных сторон этой проблематики – административно-хозяйственных мер по обеспечению условий содержания и материального снабжения заключенных в российских тюрьмах на примере деятельности регионального

подразделения Государственного тюремного управления империи – Тюремного отделения Саратовского губернского правления, которое было образовано 26 июля 1890 г. на основании царского Указа от 21 марта 1890 г. «Об учреждении губернской тюремной инспекции». С этого времени в составе Губернского правления появлялась новая структура – Тюремное отделение, состоявшее из Губернского тюремного инспектора и его помощника. «К ближайшей обязанности Губернского тюремного инспектора, – значилось в Указе, – относится наблюдение за благоустройством в местах заключения гражданского ведомства, исправительных приютах и колониях и арестных домах, а равно за исполнением всех постановлений закона о порядке содержания арестантов»¹. В контексте этого положения «ближайшую», т.е. первоочередную обязанность руководителя Тюремного отделения губернии следует понимать, по нашему мнению, как задачу организации условий содержания, быта и материального обеспечения арестантов, т.е. те стороны деятельности губернского тюремного инспектора, которые относятся к административно-хозяйственным функциям.

На данный момент, судя по имеющейся историографии, научное осмысление административно-хозяйственного аспекта в деятельности пенитенциарных учреждений находится на начальной стадии, поэтому автор статьи сосредоточил свое внимание на наиболее близкой к заявленной теме научной литературе. Здесь прежде всего следует назвать обобщающий труд дореволюционного историка права С. В. Познышева «Очерки тюремоведения», в котором ученый, в частности, рассмотрел наиболее общие вопросы функционирования тюрем в Российской империи, организации труда арестантов, необходимости развития системы тюремного патроната (попечительства) и важности внимания к проблемам пенитенциарных учреждений со стороны общества [1]. В научных работах дореволюционного периода вопросам материального обеспечения и административно-хозяйственной деятельности тюремных органов практически не уделялось внимания, и среди немногих работ, близких к этой проблематике, исследовались, в основном, различные аспекты тюремного быта и повседневности. Так, например, в трудах Н. М. Ядринцева [2], С. В. Максимова [3], А. С. Пругавина [4], В. А. Мякотина [5] и А. В. Пешехонова [6] в наиболее общем виде были рассмотрены сложившиеся на тот момент характерные черты быта и повседневной жизни арестантов. Однако стоит заметить, что в работах общественных деятелей, таких как Н. М. Ядринцев, А. С. Пругавин, В. А. Мякотин, интерес к тюремной повседневности предопределялся прежде всего политическими пристрастиями и в связи с этим их взгляд на исследуемые проблемы был резко критичным и крайне субъективным по отношению к царскому правительству. Этот же подход можно наблюдать и в работах известного пенитолога М. Н. Гернета, в частности в его обобщающем многотомном труде «История царской тюрьмы», в котором наряду со многими аспектами изучения тюремной системы дореволюционной России в небольшой степени затрагиваются административно-хозяйственные вопросы деятельности пенитенциарных учреждений [7].

¹ Об учреждении губернской тюремной инспекции : указ от 21 марта 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 48 т. Т. 10 (1890). Отделение 1. СПб. : Государственная типография, 1893. С. 243.

В современный период, начиная с 90-х гг. прошлого века, заявленная в данной работе проблематика начинает привлекать определенный интерес исследователей. Но так как эта тема имеет междисциплинарный характер (история и юриспруденция), то и ее разработка в той или иной степени находит отражение, с одной стороны, в трудах по юридическим научным специальностям, среди которых можно назвать исследования М. Г. Деткова [8], Н. И. Петренко [9], а также редакционную статью в ведомственном научном издании Федеральной службы исполнения наказаний об этапах становления и развития тылового обеспечения (читай – административно-хозяйственной деятельности – *прим. авт.*) пенитенциарной системы России [10]. С другой стороны, изучение этой темы нашло отражение и в исторических исследованиях. Здесь следует отметить работы А. Н. Косикова [11], Ю. В. Варфоломеева [12, 13], И. П. Еременко [14, 15], а также работы автора этой статьи [16–18].

Таким образом, целью статьи стало изучение комплекса мер руководящих органов губернии и администраций пенитенциарных учреждений по организации содержания, быта и труда заключенных на примере деятельности Тюремного отделения Саратовской губернии, что в свою очередь содержит элементы новизны предпринятого исследования.

Материалы и методы

Исследование заявленной темы проводится на основе вводимых автором в научный оборот архивных документов, среди которых циркуляры, ведомости со справочными ценами на продукты питания, расценочные ведомости на одежду, белье, обувь и постельные принадлежности для заключенных, счета, ассигновки, переписка с начальниками уездных тюрем о расходах на продовольствие, обмундирование и лечение заключенных, отопление и освещение тюрем, переписка с канцелярией Саратовского губернатора. В ходе анализа этих документов удалось выяснить отдельные вопросы финансово-хозяйственной деятельности, пути решения проблем материального снабжения, условий содержания, трудовой деятельности и быта заключенных в тюрьмах Саратовской губернии.

Автор, придерживаясь проблемно-хронологического принципа, применял в своей работе различные общенаучные и специальные методы исследования. В качестве основного автор применял историко-системный метод, позволивший изучить административно-хозяйственную деятельность Тюремного отделения Саратовской губернии в контексте функционирования пенитенциарной системы поздней имперской России. Наряду с этим применялся также и статистический метод при анализе различных данных (количество тюрем и заключенных в губернии, цены на продукты питания, одежду, белье, обувь и постельные принадлежности для арестантов и пр.).

Результаты и обсуждение результатов

Основополагающим нормативно-правовым актом, регламентировавшим деятельность тюремного ведомства Российской империи в пореформенный период, являлся закон «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре “Уложения о наказаниях”», принятый 11 декабря 1879 г. В его развитие несколько

позднее – в 1887 г. – был принят закон «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи», который устанавливал содержание и объем полномочий руководящих органов тюремного ведомства на местах, в том числе и их задачи по организации и реализации административно-хозяйственной деятельности в пенитенциарных учреждениях¹. Вместе с тем более конкретные и детальные руководящие указания по тыловому обеспечению мест заключения содержались в различных циркулярах и распоряжениях, ежегодно издаваемых по Главному тюремному управлению [19]. Так, например, «в целях повышения качества и эффективности ведения служебной документации и соблюдения сроков отчетности Главное тюремное управление 29 ноября 1889 г. издало Циркуляр № 25, который регламентировал юридическую процедуру надзора за порядком и благоустройством в местах заключения, – отмечает Ю. В. Варфоломеев. – На основании этого распоряжения саратовский губернатор, в свою очередь, 19 сентября 1890 г. направил циркуляр по тюремному правлению № 7706, адресованный полицмейстерам, уездным исправникам, начальникам тюрем и исправительных арестантских отделений» [13, с. 319].

Вместе с тем важное практическое значение для оптимального расчета финансовых средств и материалов для обеспечения заключенных одеждой, обувью и постельными принадлежностями, а также снабжения надзирателей обмундированием имела брошюра ревизора Тамбовской контрольной палаты И. П. Менделеева [20].

Наряду с официальными наставлениями и инструкциями по организации тылового обеспечения мест заключения, тюремная администрация пыталась использовать и международный опыт зарубежных пенитенциарных учреждений. Так, например, в 1890 г. начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Враской направил саратовскому губернатору А. И. Косичу один экземпляр каталога Тюремной выставки, проходившей летом этого года в Санкт-Петербурге в рамках проведения IV Международного тюремного конгресса. В каталоге были представлены иллюстрации и заметки, демонстрировавшие модели тюрем, условия содержания и быта заключенных, а также образцы изделий труда арестантов из различных стран мира и др. [21, л. 6]. Цель подобного издания и его рассылка губернаторам, очевидно, заключалась в том, чтобы на местах руководители пенитенциарных учреждений имели представление о достижениях и опыте, накопленном российской и зарубежной уголовно-исполнительной системой.

Одной из крупных проблем, с которыми сталкивалось правительство и Главное тюремное управление, являлось строительство, реконструкция и ремонт тюремных зданий на всей территории Российской империи. Однако, в силу целого ряда обстоятельств, выделение средств на эти цели всегда было проблематичным. Так, например, в 1876 г. потребности тюремных отделений по этой статье расходов составляли 506 313 руб., а правительством было выделено только 60 % от этой суммы – 300 тыс. руб. Следует отметить, что эта тенденция – недофинансирование материального обеспечения тюрем Российской империи, как свидетельствуют официальные данные, сохранялась

¹ Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи : закон от 15 июня 1887 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. Т. 7. 1887 г. СПб. : Государственная типография, 1889. № 4593.

и на протяжении всех последующих лет [22, л. 46]. Это свидетельствует о том, что власти проводили жесткую политику экономии денежных средств, выделяемых на пенитенциарные учреждения страны. Отсюда и проблемы с переполненностью тюрем, условиями содержания, питания и медицинского обслуживания заключенных. А это в свою очередь вызывало недовольство арестантов, нередко заканчивавшееся ненасильственными протестами или насильственными выступлениями. Наиболее распространенными из них были следующие: «подача жалоб и прошений, протесты, бойкоты, обструкции и демонстрации, а крайними, хотя и более редкими, формами этого противостояния являлись: тюремный террор, вооруженное сопротивление (восстание), а также погромы и массовые беспорядки (бунты)», – констатирует Ю. В. Варфоломеев [23, с. 248].

В этих условиях Главное тюремное управление разрабатывало и внедряло различные меры по экономии средств на содержание заключенных. Так, например, ведомственным Циркуляром от 26 июля 1888 г. местным тюремным органам предписывалось использовать запасы старой одежды с перекроем ее по новым образцам и т.п. [24, л. 10]. Одновременно с этим тюремные администрации в регионах изыскивали любые возможности пополнения своего бюджета. С этой целью, например, проводились аукционные торги по реализации негодных к дальнейшему употреблению вещей, принадлежащих пенитенциарным учреждениям. В 1890 г. Саратовское исправительное арестантское отделение (СИАО) выставило на продажу 300 пар старых арестантских полусапог на общую сумму 6 руб., 110 «полушубков негодных» за 5 руб. 75 коп. и др. [21, л. 24]. В ходе аукциона все выставленные на продажу вещи, непригодные к употреблению арестантами и надзирателями, были проданы, причем за некоторые лоты, как, например, за полусапожки, участником торга была дана высшая цена – 7 руб. 25 коп., что превышало первоначально назначенную за них цену.

Еще одной мерой контроля и повышения качества финансового и материального обеспечения мест заключения стало учреждение института попечительства в пенитенциарных учреждениях на основании ст. 279 и 280 Устава о содержании под стражей [25]. Деятельность этого органа можно проследить на примере распределения обязанностей между попечителями СИАО. В мае 1890 г. министром внутренних дел были утверждены в звании попечителей над СИАО несколько человек, обязанности между которыми своим распоряжением распределил Саратовский губернский тюремный инспектор. На В. Ф. Андреевского было возложено наблюдение за нравственным исправлением арестантов, выполнением ими религиозных обязанностей, а также за правильным их размещением и поддержанием дисциплины и чистоты в отделении. На М. Н. Грудистова – наблюдение за постройками в отделении и за содержанием их в исправности, а также надзор за всеми строительными работами. Попечитель С. П. Неклюдов контролировал вопросы обеспечения арестантов одеждой и обувью, снабжение материалами для отопления и освещения, а также ткацкое производство, на котором трудились заключенные [21, л. 2–4]. Наряду с этим тюремная администрация Саратовской губернской тюрьмы и ее отделений, судя по документам, также уделяла много внимания организации труда арестантов в ткацкой мастерской [26, л. 31].

Попечитель М. И. Паули наблюдал за канатно-прядельным заведением и корзиночным производством, другими работами заключенных, а также сбытом изделий арестантского труда. На попечителя П. П. Вюртца было возложено наблюдение за ассенизационными работами, за выполнением подрядов по очистке арестантами площадей, улиц, мостов и т.п., а также попечение о продовольствии заключенных [21, л. 2–4].

Для контроля за организацией и результатами труда арестантов во всех пенитенциарных учреждениях Саратовской губернии велась строгая отчетность. В специально заведенных для этого книгах указывалось количество дней, проведенных заключенными на той или иной работе. При записи арестанты подразделялись на группы по роду работ (плотники, столяры и т.п.), в каждой книге ежедневно отмечался трудодень арестанта: цифрой «1» – если заключенный целый день находился на работе, или «½» – если он работал полдня, или «н» – если он по болезни или по другим причинам не работал [21, л. 14–16 об.].

Арестанты не привлекались на работы в официально признанные в Российской империи праздничные дни. В основном это были дни, определяемые правительством на каждый год в соответствии праздниками, отмечаемыми Русской православной церковью, и так называемые «гражданские» праздники – дни рождения, коронации, а также именины царствующих особ. Так как в ведомственных документах по тюремному управлению точных указаний о том, в какие именно праздничные дни арестанты могут быть освобождены от работ, не было, то Саратовский губернский тюремный инспектор своим особым распоряжением ежегодно давал указание начальникам мест заключения, в какие дни заключенные не привлекались к выполнению работ [21, л. 36–36 об.]. Наряду с этим руководитель тюремного отделения Саратовского губернского правления сделал запрос ахуну Соборной мечети г. Саратова Енгальчеву с просьбой сообщить «в какие праздничные дни содержащиеся в тюрьмах Саратовской губернии арестанты магометанского исповедания должны быть свободны от работы» [21, л. 37]. Имам Енгальчев в своем ответном письме предоставил Саратовскому губернскому тюремному инспектору всю необходимую информацию, на основании которой и эта группа заключенных, принадлежавших к мусульманской конфессии, освобождалась в их религиозные праздники от работ [21, л. 54].

Большое место в тыловом обеспечении пенитенциарных учреждений занимало снабжение мест заключения продовольствием. На основе документации Тюремного отделения Саратовской губернии можно проанализировать деятельность ведомства по решению этих вопросов. На каждый месяц текущего года составлялись ведомости о справочных ценах в Саратовской губернии на продовольственные припасы, фураж, а также другие товары и услуги. Официальные данные по всем этим позициям предоставлялись в отделение Саратовской Губернской земской управы. В качестве примера можно взять составленную таким образом таблицу на июль 1890 г., в которой перечислялись продовольственные припасы (рожь, пшеница, мука пшеничная и ржаная, горох, соль, ячмень, овес и пр.), а также сено, циновка, рогожа и пр. Отдельно составлялась таблица расценок за работы (за перемол зерна, за подвоз зерна и муки, за погрузку и выгрузку и т.п.). С целью наиболее точного и оптимального выбора продуктов и услуг в нижней части таблиц в каждой графе

были указаны: «высшая цена», «низшая цена» и «средняя цена», а также указывалась «общая цена по губернии» [21, л. 7–15].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, административно-хозяйственная деятельность (тыловое обеспечение) пенитенциарных учреждений в Российской империи в конце XIX в. занимала важное место в общем процессе управления и содержания тюрем, от нее во многом зависели бытовые условия арестантов, а значит, и уровень порядка и дисциплины в местах заключения. Во-вторых, финансирование этой статьи расходов осуществлялось правительством в недостаточной степени, что сказывалось прежде всего на строительстве новых и ремонте существующих тюрем, а это, в свою очередь, вело к переполненности мест заключения и к проблемам в условиях содержания арестантов, особенно в периоды революционной активности населения, когда контингент заключенных значительно увеличивался. В-третьих, на примере деятельности Тюремного отделения Саратовской губернии видно, что оно придавало большое значение организации трудовой деятельности арестантов в пенитенциарных учреждениях региона и при этом старалось учитывать специфику их конфессиональной принадлежности, освобождая от работы в праздничные дни (религиозные и светские). В-четвертых, органы тюремного управления губернии предпринимали меры для рационального использования материальных ресурсов, в частности, с одной стороны, по оптимальным ценам закупали продовольствие, обмундирование и другие предметы, а с другой – реализовывали негодные к употреблению вещи арестантов и надзирателей с аукционных торгов. В-пятых, по материалам изученных архивных документов, фактов нецелевого или нерационального использования финансовых и материальных ресурсов руководством и подчиненными ему структурами Тюремного отделения Саратовской губернии не выявлено.

Список литературы

1. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. 2-е изд., испр. и доп. М. : Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. 295 с.
2. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. 719 с.
3. Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб. : Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. Ч. 1–3.
4. Пругавин А. С. В казематах: Шлиссельбург. Суздальская тюрьма. Петропавловская крепость: очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб. : Тип. Первой СПб. Трудовой артели, 1909. 365 с.
5. Мякотин В. А. Строительство обновленной России // Русское богатство. 1909. № 4. С. 79–99.
6. Пешехонов А. В. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7–9.
7. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / вступ. ст. проф. А. Герцензона. М. : Госюриздат, 1960–1963. Т. 1–5.
8. Детков М. Г. Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 498 с.
9. Петренко Н. И. Организационно-правовые основы исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период (1864–1917 годы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 213 с.

10. Этапы развития и организации тылового обеспечения пенитенциарной системы Российского государства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 9 (44). С. 4–11.
11. Косиков А. Н. История и особенности арестантского быта в тюрьмах Российской империи в межреволюционный период (1907–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 187 с.
12. Варфоломеев Ю. В. Организационно-управленческая деятельность Тюремного отделения Саратовского губернского правления в конце XIX века // Базис. 2023. № 1 (13). С. 86–89.
13. Варфоломеев Ю. В. Правовая регламентация и организация деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века в контексте реализации тюремной реформы 1879 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 316–321. doi: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>
14. Еременко И. П. Вопросы организации и деятельности пенитенциарных учреждений Саратовской губернии в XIX – начале XX вв. // Рубежи истории. 2019. № 3. С. 17–21.
15. Еременко И. П. К вопросу об истории развития пенитенциарных учреждений г. Саратова в начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-razvitiya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-g-saratova-v-nachale-hh-veka?ysclid=ly1ayqwmle156814499>
16. Кусаинов Т. А. Создание и деятельность попечительства над Саратовским исправительным арестантским отделением в конце XIX – начале XX вв. // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 21 апреля 2023 г.). Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 178–184.
17. Кусаинов Т. А. Некоторые аспекты содержания и повседневности политических заключенных в начале XX века (по материалам тюремного отделения Саратовского губернского правления) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 154–160.
18. Кусаинов Т. А. Структура и органы управления пенитенциарной системы Саратовской губернии на рубеже XIX–XX веков // Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. науч. тр. Саратов : Наука, 2024. Вып. XVI. С. 31–36.
19. Сборник циркуляров и распоряжений, изданных по Главному тюремному управлению (1879–1910). СПб. : Гл. тюрем. упр., 1911. 378 с.
20. Расчеты количества материалов и денег на постройку одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей для арестантов: ссыльных, пересыльных, содержащихся в губернских и уездных тюремных замках, исправительных арестантских отделениях и каторжных тюрьмах с приложением расчетов по снабжению обмундированием тюремных надзирателей / сост. пом. ревизора Тамб. контрол. палаты И. П. Менделеева. СПб. : Н. К. Мартынов, 1891. 65 с.
21. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 2.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Д. 842.
23. Варфоломеев Ю. В. Из истории борьбы политических заключенных за свои права: бунт в Царицынской тюрьме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 247–254. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254> EDN: LNDDMK
24. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2123.
25. Свод законов Российской империи : в 16 т. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 909 с.
26. ГАСО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 13.

References

1. Poznyshev S.V. *Ocherki tyur'movedeniya*. 2-e izd., ispr. i dop. = *Essays on prison studies. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: G.A. Leman i B.D. Pletnev, 1915:295. (In Russ.)
2. Yadrintsev N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* = *The Russian community in prison and exile*. Saint Petersburg: Tip. A. Morigerovskogo, 1872:719. (In Russ.)
3. Maksimov S.V. *Sibir' i katorga: v 3 ch.* = *Siberia and penal servitude: in 3 parts*. Saint Petersburg: Tipo-lit. N. Stefanova, 1891;(part 1–3). (In Russ.)
4. Prugavin A.S. *V kazematakh: Shlissel'burg. Suzdal'skaya tyur'ma. Petropavlovskaya krepost': ocherki i materialy po istorii russkikh tyurem* = *In the casemates: Shlisselburg. Suzdal prison. Peter and Paul Fortress: essays and materials on the history of Russian prisons*. Saint Petersburg: Tip. Per-voy SPb. Trudovoy arteli, 1909:365. (In Russ.)
5. Myakotin V.A. Building a renewed Russia. *Russkoye bogatstvo* = *Russian wealth*. 1909;(4):79–99. (In Russ.)
6. Peshekhonov A.V. Essays on Political exile. *Russkoye bogatstvo* = *Russian wealth*. 1912;(7–9). (In Russ.)
7. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* = *History of the Tsar's prison: in 5 volumes*. Moscow: Gosyurizdat, 1960–1963;1–5. (In Russ.)
8. Detkov M.G. *Development of the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in Russia: DSc dissertation*. Moscow, 1994:498. (In Russ.)
9. Petrenko N.I. *Organizational and legal bases for the execution of punishment for common crimes in places of detention in Russia during the poreform period (1864–1917): PhD dissertation*. Moscow, 1997:213. (In Russ.)
10. Stages of development and organization of the rear support of the penitentiary system of the Russian state. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* = *Penal system reports*. 2022;(9):4–11. (In Russ.)
11. Kosikov A.N. *History and features of prison life in the tyurts of the Russian Empire in the interrevolutionary period (1907–1917): PhD dissertation*. Mytishchi, 2020:187. (In Russ.)
12. Varfolomeev Yu.V. Organizational and managerial activities of the Prison Department of the Saratov Provincial Government at the end of the 20th century. *Bazis* = *Basis*. 2023;(1):86–89. (In Russ.)
13. Varfolomeev Yu.V. Legal regulation and organization of the activities of penitentiary institutions of the Saratov province in the late 19th – early 20th centuries in the context of the implementation of the Prison Reform of 1879. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* = *Proceedings of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*. 2023;23(3):316–321. (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-316-321>
14. Yeremenko I.P. Issues of organization and activities of penitentiary institutions of the Saratov province in the 19th – early 20th centuries. *Rubezhi istorii* = *Frontiers of history*. 2019;(3):17–21. (In Russ.)
15. Yeremenko I.P. On the issue of the history of the development of penitentiary institutions in Saratov at the beginning of the 20th century. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2023;(4). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-razvitiya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-g-saratova-v-nachale-hh-veka?ysclid=ly1ayqwmle156814499>
16. Kusainov T.A. The creation and activities of the guardianship over the Saratov correctional prison department in the late 19th – early 20th centuries. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: materialy XII Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Krasnodar, 21 aprelya 2023 g.)* = *Law and state: problems of methodology, theory and history: proceedings of the 12th All-Russian scientific and practical conference (Krasnodar, April 21, 2023)*. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2023:178–184. (In Russ.)

17. Kusainov T.A. Some aspects of the content and everyday life of political prisoners at the beginning of the 20th century (based on materials from the Prison Department of Saratov Provincial Government). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023;(3):154–160. (In Russ.)
18. Kusainov T.A. The structure and management bodies of the penitentiary system of the Saratov province at the turn of the 19th – 20th centuries. *Problemy Rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii: sb. nauch. tr.* = *Issues of Russian civilization and methods of teaching history: collected papers*. Saratov: Nauka, 2024;(XVI):31–36. (In Russ.)
19. *Sbornik tsirkulyarov i rasporyazheniy, izdannykh po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu (1879–1910)* = *Collection of circulars and orders issued by the Main Prison Administration (1879–1910)*. Saint Petersburg: Gl. tyurem. upr., 1911:378. (In Russ.)
20. Mendeleyeva I.P. (comp.). *Raschety kolichestva materialov i deneg na postroyku odezhdy, bel'ya, obuvi i postel'nykh принадлежностей для арестантов: ssyl'nykh, peryssyl'nykh, soderzhashchikhsya v gubernskikh i uyezdnnykh tyuremnykh zamkakh, ispravitel'nykh arestantskikh otdeleniyakh i katorzhnykh tyur'makh s prilozheniyem raschetov po snabzheniyu obmundirovaniyem tyuremnykh nadzirately* = *Calculations of the amounts of materials and money for the construction of clothing, linen, footwear and bedding for prisoners: heavy, heavy, kept in provincial and state prisoner locks, administrative prison departments and convict prisons with the addition of calculations for the supply of communal services and prisoner supervision*. Saint Petersburg: N.K. Martynov, 1891:65. (In Russ.)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO). F. 655. Op. 1. D. 2 = *State Archive of Saratov region. Fund 655. Item 1. File 2*. (In Russ.)
22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 122. Op. 1. CH. 1. D. 842 = *State Archive of the Russian Federation. Fund 122. Item 1. Part 1. File 842*. (In Russ.)
23. Varfolomeev Yu.V. From the history of the struggle of political prisoners for their rights: the riot in the Tsaritsyn prison. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* = *Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2024;24(2):247–254. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-247-254> EDN: LNDDMK
24. GARF. F. 122. Op. 1. CH. 1. D. 2123 = *State Archive of the Russian Federation. Fund 122. Item 1. Part 1. File 2123*. (In Russ.)
25. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii: v 16 t. T. 14. Ustavy o pasportakh, o preduprezhdenii prestupleniy, o tsenzure, o soderzhashchikhsya pod strazheyu, i o ssyl'nykh* = *Collection of laws of the Russian Empire: in 16 volumes. Volume 14. Regulations on passports, on prevention of crime, on detention, on detention under threat, and on penalties*. Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1857:909. (In Russ.)
26. GASO. F. 447. Op. 1. D. 13 = *State Archive of Saratov region. Fund 447. Item 1. File 13*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Тимур Айдарович Кусаинов

соискатель кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83)

Timur A. Kusainov

Applicant of the sub-department of Russian history and archaeology, Saratov State University (83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: timkusainov86@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.10.2024

Принята к публикации / Accepted 17.11.2024

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-3

Судебная и полицейская деятельность земских начальников Пензенской губернии в конце XIX – начале XX в.

М. Н. Шошкина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

inao-pgu@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проведен анализ деятельности земских начальников в контексте осуществления данными должностными лицами судебных, полицейских и административных полномочий в Пензенской губернии. Цель исследования – на основании широкого круга ранее неопубликованных источников в динамике изучить состав, сроки рассмотрения дел земскими начальниками; провести комплексный анализ деятельности земских начальников Пензенской губернии в рамках осуществления ими судебно-полицейских обязанностей. *Материалы и методы.* Исследование проведено на основе документов из фондов Государственного архива Пензенской области, Российского государственного исторического архива, данных ревизий делопроизводства земских начальников и волостных учреждений Пензенской губернии за 1900–1903 гг.; материалов периодической печати, а также воспоминаний современников, в частности А. И. Новикова, А. А. Титова. Методология исследования опирается на историко-сравнительный метод, который позволил получить более полное представление о заявленной проблематике периода конца XIX – начала XX в.; статистический метод и метод обобщения, посредством которых удалось проследить количественные параметры и выявить общие тенденции деятельности земских начальников Пензенской губернии в области реализации судебно-полицейских обязанностей; метод контент-анализа в области анализа периодических изданий и мнений современников для понимания отношения простого обывателя к данному государственному институту. *Результаты.* Решены основные задачи – проведен анализ выполнения земскими начальниками судебно-административных обязанностей с учетом практики делопроизводства; изучен процессуальный порядок рассмотрения дел земскими начальниками; выявлены и рассмотрены направления осуществления полицейской деятельности земскими начальниками. *Выводы.* Из анализа вышеуказанных материалов следует, что при выполнении судебно-полицейских полномочий земские начальники сталкивались с огромным объемом дел. В их компетенцию входили практически все крестьянские дела, что приводило к длительным срокам рассмотрения – часто более полугода. Кроме того, значительную часть времени земские начальники тратили на осуществление полицейской деятельности, которую осуществляли как самостоятельно, так и через волостные и сельские органы.

Ключевые слова: земский участковый начальник, губернатор, Пензенская губерния, судебные полномочия, полицейский надзор, ревизия, судопроизводство, рапорт, делопроизводство

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора Н. Г. Карнишиной.

Для цитирования: Шошкина М. Н. Судебная и полицейская деятельность земских начальников Пензенской губернии в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 26–34. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-3

Judicial and police activities of the zemstvo chiefs of the Penza province in the late 19th – early 20th centuries

M.N. Shoshkina

Penza State University, Penza, Russia

inao-pgu@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article analyzes the activities of zemstvo chiefs in the context of the exercise of judicial, police and administrative powers by these officials in Penza province. The purpose of the research is to study the composition and timing of consideration of cases by zemstvo chiefs on the basis of a wide range of previously unpublished sources in dynamics; to conduct a comprehensive analysis of the activities of zemstvo chiefs of Penza province within the framework of their judicial and police duties. *Materials and methods.* The study was conducted on the basis of materials from the State Archive of the Penza Region (GAPO): fund No. 5 of the Governor's Office, fund No. 413 of the Clerical Work of the zemsky chief of the 5th district of the Kuznetsky District of the Penza province; the Russian State Historical Archive (RGIA): data from audits of clerical work of zemsky chiefs and volost institutions of the Penza province for 1900–1903; periodical materials, as well as memoirs of contemporaries, in particular, A.I. Novikov, A.A. Titov. The research methodology is based on the historical and comparative method, which allowed us to get a more complete picture of the stated problems of the period of the late 19th – early 20th century; statistical method and method of generalization, through which it was possible to trace quantitative parameters and identify general trends in the activities of the zemstvo chiefs of Penza province in the field of the implementation of judicial and police duties; the method of content analysis in areas of analysis of periodicals and opinions of contemporaries to understand the attitude of the common man in the street to this state institution. *Results.* The main tasks have been solved – an analysis of the performance of judicial and administrative duties by zemstvo chiefs, taking into account the practice of record keeping, has been carried out; the procedural procedure for considering cases by zemstvo chiefs has been studied; the directions of police activity by zemstvo chiefs have been identified and considered. *Conclusions.* From the analysis of the above materials, it follows that when exercising judicial and police powers, the zemstvo chiefs faced a huge volume of cases. Their competence included almost all peasant cases, which led to long periods of consideration – often more than six months. In addition, the zemstvo chiefs spent a significant part of their time on police activities, which they carried out both independently and through volost and rural authorities.

Keywords: zemsky district chief, governor, Penza province, judicial powers, police supervision, audit, judicial proceedings, report, office work

Acknowledgements: the article was prepared under the scientific supervision of doctor of historical sciences, professor N.G. Karnishina.

For citation: Shoshkina M.N. Judicial and police activities of the zemstvo chiefs of the Penza province in the late 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(1):26–34. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-3

В соответствии с Положением о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. в Российской империи произошла ликвидация должности мирового судьи [1, с. 1]. Земские участковые начальники получили широкий круг полномочий, включая осуществление полицейских, судебных и административных функций на территории вверенного им участка. Обязанности земского начальника включали в том числе контроль и надзор за деятельностью

сельских и волостных учреждений, взаимодействие с администрацией и общественными организациями.

В Пензенской губернии Положение о земских участковых начальниках вступило в силу в 1890 г. Кандидатов на должность выдвигали на земских уездных собраниях, после чего был сформирован список претендентов. Назначение осуществлялось губернатором с согласия губернского предводителя дворянства и требовало утверждения министром внутренних дел. Сообщение о формировании штата земских начальников в Пензенской губернии, разделенной на 50 участков, было опубликовано в официальной части Пензенских губернских ведомостей № 138 от 1 июля 1891 г. [2, с. 1].

В первую очередь современники критиковали передачу земским начальникам надзорных и судебных полномочий на вверенной им территории. По этому поводу А. А. Титов в своей книге «О мировых судьях и земских начальниках» в 1906 г. отмечал: «Выходит, что земскому начальнику передано право судить по всем почти тем делам, по которым и мировой судил. Но мировой судья был, как знаем, судья выборный, то есть на его место всегда могли другого выбрать в земском собрании, если были им недовольны. А земский начальник – чиновник, посаженный губернатором. И пока хочет губернатор, до тех пор и земский начальник будет на своем месте сидеть, хотя он и законов не знал, и судил не по совести. Посадит кого под арест земский начальник – кончено дело. Потому что, какое же будет у крестьянина уважение к закону, если крестьянин каждый день видит и слышит, что земский начальник над законом смеется, на сходах кричит: “Я для вас закон!”» [3, с. 25, 29].

А. И. Новиков в работе «Записки земского начальника», изданной в 1899 г., довольно резко критиковал работу земских начальников. Он констатировал: «Другой способ воздействия на крестьян, находящийся в руках земского, это – суд: ясно, что волостные судьи, зависящие всецело от земского начальника, всегда исполняют его приказания. Если соединение судебных и полицейских функций в одном лице и приближает к мужику власть в смысле легкости найти расправу, то и удаляет тем, что увеличивает власть над ним, а следовательно, возможность произвола» [4, с. 38, 98].

При анализе исполнения земским начальником судебно-надзорных функций складывается впечатление, что данное должностное лицо действительно получило весьма большую власть над населением своего участка. Так, земский начальник рассматривал гражданские иски на сумму до 500 руб. по найму земельных угодий, личному найму на сельские работы, по потравам и повреждениям полей, лугов, иных угодий; иски на сумму до 300 руб. по иным личным договорам и обязательствам; иски о восстановлении нарушенного владения со сроком нарушения до 6 месяцев [1, с. 21].

В рамках уголовного судопроизводства земскому начальнику были подведомственны дела, предусматривающие наказание в виде тюремного заключения сроком до 1 года либо штрафа до 300 руб. [1, с. 22].

На практике это означало, что земским начальникам подсудны были практически все дела, в которых участвовали крестьяне. Решения о назначении ареста на срок до 3 дней и наложении штрафа до 15 руб. обжалованию не подлежали, на остальные приговоры можно было подать апелляционную жалобу в Уездный съезд.

Ценным источником при исследовании судебной деятельности земских начальников Пензенской губернии являются материалы ревизий. Так, с 13 по 18 июня 1900 г. губернатором Пензенской губернии была проведена ревизия делопроизводства земских начальников, уездных съездов и волостных учреждений Инсарского уезда Пензенской губернии. В материалах ревизии первого участка Инсарского уезда от 1900 г. мы встречаем следующую статистику: уголовных дел от прошлого 1899 г. осталось 15. В течение года поступило 87 дел. Ко дню ревизии осталось неразрешенных 27 дел. Гражданских дел от прошлого 1899 г. осталось 7. В течение года поступило 92 дела. Ко дню ревизии осталось неразрешенных 6 дел. Административных дел от прошлого 1899 г. осталось 2. В течение года поступило 33 дела. Ко дню ревизии осталось неразрешенных 2 дела [5, л. 155].

С 28 мая по 4 июня 1901 г. проводилась ревизия делопроизводства земских начальников Краснослободского уезда. По второму участку Краснослободского уезда статистика была следующей: уголовных дел от прошлого 1900 г. оставалось 7. С 1 января 1901 г. по день ревизии поступило 25 дел. Ко времени ревизии оставалось неразрешенными 3 дела. Гражданских дел от прошлого 1900 г. оставалось 9. С 1 января 1901 г. по день ревизии поступило 20 дел. Ко времени ревизии осталось неразрешенных 2 дела, которые были назначены к разбору. Административных дел от прошлого 1900 г. не оставалось. С 1 января 1901 г. по день ревизии поступило 12 дел. Ко времени ревизии осталось неразрешенным 1 дело [5, л. 175 об.].

Ревизия делопроизводства земского начальника пятого участка Саранского уезда была произведена отдельно 17 июня 1903 г. Результаты ее были следующие: уголовных дел от прошлого 1902 г. перешло 8, поступило с 1 января 1903 г. по день ревизии 28 дел. Всего в производстве земского начальника было 36 дел, из них было разрешено 14 дел, оставались неразрешенными 22 дела (5 – перешедшие от 1902 г. по причине нерозыска и неизвестности места нахождения обвиняемых; 17 либо отлагались по законным причинам, либо поступили в мае – начале июня, назначены к разбирательству в конце текущего месяца). Гражданских дел от прошлого 1902 г. перешло 3, поступило с 1 января 1903 г. по день ревизии 4 дела. Всего в производстве земского начальника было 7 дел, из них 4 – было разрешено, 3 – были назначены слушания в конце июня. В мае по случаю полевых работ дела к разбору не назначались. Административных дел от прошлого 1902 г. перешло 4, поступило с 1 января 1903 г. по день ревизии 64 дела. Всего в производстве земского начальника было 68 дел, из них разрешено 55 дел, оставались неразрешенными 13 дел, поступивших в конце мая – начале июня 1903 г. [5, л. 271].

Из приведенных материалов следует, что в производстве земских начальников в 1900–1903 гг. преобладали административные дела.

Из материалов ревизий за 1900–1903 гг. видно, что большую часть неразрешенных дел, переходивших от предыдущих лет, составляли уголовные дела. В практической деятельности земских начальников Пензенской губернии чаще всего это были дела, связанные с незаконной порубкой леса.

Порубочные дела поступали к земским начальникам или от начальника управления земледелия, или от лесничества губернии. После установления

вины в порубке леса начальник управления земледелия или лесничий выносили постановление о взыскании с обвиняемых суммы ущерба и штрафа. В случае невозмещения ущерба и штрафа в течение двух недель дело передавалось на рассмотрение земскому начальнику для привлечения обвиняемых к уголовной ответственности согласно ст. 155 и 158 Устава о наказаниях. Подобным примером может служить пятый участок Кузнецкого уезда, где в 1907–1908 гг. на территории Камешкирской казенной дачи произошли три случая незаконной порубки леса, совершенные крестьянами с. Мордовский Камешкир. На основании постановлений Саратовского управления земледелия им была предоставлена возможность в досудебном порядке возместить причиненный ущерб и уплатить штраф. Поскольку со стороны крестьян последовали возражения на данные решения, дела были переданы на рассмотрение земскому начальнику Протопопову. По результатам рассмотрения указанных дел были вынесены обвинительные приговоры с назначением наказания в виде тюремного заключения сроком от 1 до 3 месяцев; взысканием штрафа, не превышающего 10 руб. [6, л. 11 об.; 7, л. 8; 8, л. 9].

Дела были завершены и переданы на постоянное хранение 17 июня 1908 г. Таким образом, средний срок рассмотрения порубочных дел земскими начальниками составлял от 6 до 7 месяцев.

Также в уголовном судопроизводстве земских начальников многочисленными были дела о кражах. Например, земский начальник пятого участка Кузнецкого уезда рассматривал дела по обвинению крестьянина д. Большой Умыс Семена Шелахаева в краже необмолоченных снопов ржи у крестьянина д. Большой Умыс П. Н. Романова [9, л. 1], по обвинению крестьянина с. Саловки Родиона Мозина и Ивана Белова в краже лошади у крестьян Зверева и Малькова [10, л. 1], по обвинению крестьянина д. Нижняя Елюзань Исляма Плаксунова в краже лошади у крестьянина с. Нижняя Елюзань Курамишина и др. [11, л. 1].

По результатам рассмотрения указанных дел были вынесены обвинительные приговоры с назначением наказания в виде тюремного заключения сроком от 1,5 до 6 месяцев [9, л. 18 об.; 10, л. 19 об.; 11, л. 14 об.]. Средний срок рассмотрения дел составлял от 2 до 8 месяцев.

Следует отметить, что в рассматриваемый период функционировало апелляционное производство на решения земских начальников в рамках принятых сроков обжалования приговора. Данное обстоятельство необходимо учитывать при анализе качества исполнения начальниками участков судебных полномочий. Апелляционные жалобы направлялись в течение 1 месяца с момента оглашения приговора в уездный съезд через земских начальников [12, с. 65]. Так, на решение по делу крестьянина Исляма Плаксунова осужденным была подана апелляционная жалоба в Кузнецкий Уездный съезд, где он сообщает: «Приговором господина земского начальника остаюсь недоволен как постановленным без всяких доказательств, а лишь по подозрению потерпевшего. Я в этой краже совершенно не виновен, подозрение же не есть доказательство» [11, л. 21].

16 ноября 1909 г. приговор земского начальника по данному делу был отменен. Крестьянин Ислям Плаксунов по суду оправдан. Процесс судебного разбирательства по делу Исляма Плаксунова у земского начальника начат 13 сентября 1907 г., закончен 27 апреля 1908 г. Оправдательный приговор

Кузнецким Уездным съездом Исляму Плаксунову был вынесен только 16 ноября 1909 г., при условии что апелляционная жалоба была подана и зарегистрирована 7 мая 1908 г. Как результат, судебное разбирательство заняло в общей сложности более двух лет.

Отмена и пересмотр судебного решения уездным съездом по жалобе одной из сторон процесса свидетельствует о том, что рассмотрение дел земскими начальниками не всегда осуществлялось с должным качеством. Пользуясь своим служебным положением, земские начальники могли сознательно затягивать процедуру направления апелляционных жалоб на свои решения в уездные съезды, что обнаруживалось только по результатам нечастных ревизий их делопроизводства.

Таким образом, большой массив дел, занятость в административной сфере и попечительские обязанности (в том числе и надзор за приходскими школами) приводили к низкому качеству рассмотрения дел. Иногда для ускорения процесса земские начальники упускали из виду свидетельские показания, не углублялись в суть дел, рассматривали их поверхностно. Все это приводило к ошибочным и несправедливым приговорам, что серьезно подрывало доверие к данному институту и снижало эффективность его работы.

Еще одной значимой функцией земских начальников был полицейский надзор, в результате осуществления которого дела попадали на стол губернатору по представлению земских начальников. К такой категории дел можно отнести, например, дело по представлению земского начальника третьего участка Инсарского уезда об удалении крестьянина Кузьмы Воронова из общества крестьян с. Старосивильского Майдана Инсарского уезда [13, л. 1], дело по представлению земских начальников Пензенской губернии о распространении брошюр и прокламаций революционного содержания среди крестьян [14, л. 1], дело по представлению земского начальника шестого участка Городищенского уезда о политической неблагонадежности проживающего в с. Казарке Городищенского уезда губернского секретаря Николая Доморенко [15, л. 1], дело по представлению земского начальника второго участка Городищенского уезда о неправильном увольнении с работы двух рабочих владельцев «Суконной фабрики Петровых» [16, л. 1].

Разноплановость судебных разбирательств свидетельствует о контроле различных сфер жизни населения участка со стороны земских начальников. Надзор за их правильным взаимодействием, своевременное донесение губернатору о конфликтных ситуациях, разрешение которых не входило в ведомство земских начальников, являлось одной из ключевых функций земских начальников.

Наиболее часто дело возникало по представлению земского начальника губернатору. Это письменное донесение, в котором он докладывал о тех или иных событиях, происшествиях, жалобах и прошениях местного населения во вверенном ему участке. Например, земский начальник третьего участка Инсарского уезда Николай Михайлович Шпейер в своем представлении губернатору от 27 мая 1894 г. писал: «Пензенское губернское присутствие, рассмотрев приговор общества крестьян села Старосивильский Майдан, об удалении его из своей среды за порочное поведение крестьянина однообщественника Кузьмы Воронова, человека зверски злобного, поджигавшего уже своих крестьян, оставшегося без наказания только за недостатком

улик. В предупреждение большого для села несчастья осмысливаюсь просить Ваше Превосходительство удалить Воронова из общества крестьян села Старосивильский Майдан, гарантируя тысячному обществу безопасность и спокойствие» [13, л. 1].

По делам представления земских начальников, касающихся политической неблагонадежности, вредного поведения или пагубного влияния на общество, которые требовали дальнейшего наблюдения за лицом или вызова его для дачи пояснений, могли привлекаться другие должностные лица, например уездные исправники.

На основании подобных заявлений земских начальников губернатор принимал решение о дальнейших действиях: организовать наблюдение за указанным лицом с последующим представлением результатов в установленные сроки; произвести негласное дознание о поведении, образе жизни, нравственности названного лица; собрать сведения у членов общества и должностных лиц о том, насколько его деятельность является вредной.

В рамках производства по делу о политической неблагонадежности губернского секретаря Н. К. Доморенко, инициированного земским начальником 6 участка Городищенского уезда в 1903 г., было установлено, что Доморенко распространял ложную информацию о действиях волостного старшины С. И. Суматохина при взимании окладных сборов с крестьян, а также допускал в его адрес нелестные высказывания. В материалах дела отмечается, что «под влиянием Доморенко крестьяне стали возбуждать у местного земского начальника разные кляузы против волостного старшины Суматохина» [15, л. 1 об.].

Губернатор зачастую выступал инициатором подобного рода судебных разбирательств. Так, в 1902 г. в Пензенской губернии по инициативе губернатора было возбуждено производство по делу о распространении среди крестьян брошюр и прокламаций революционного содержания. Пензенский губернатор обратился к земским начальникам, уездным исправникам Чембарского и Пензенского уездов, а также к начальнику Пензенского жандармского управления с запросом о предоставлении информации о случаях размещения прокламаций, реакции населения, протестных действиях крестьян и противоправительственных актах для оценки достоверности данных утверждений [14, л. 1, 2].

Земские начальники также следили за соблюдением трудовых прав местного населения. При выявлении нарушений они информировали об этом губернатора и фабричного инспектора. Примером такого надзора служит вышеназванное дело по представлению земского начальника второго участка Городищенского уезда в 1904 г., связанное с неправильным увольнением двух рабочих со стороны владельцев «Суконной фабрики Петровых» [16, л. 1].

Приведенные данные ревизий и материалы делопроизводства земских начальников свидетельствуют о том, что на земских начальниках лежал огромный объем работы и колоссальная ответственность в рамках выполнения ими судебно-полицейских функций. В их компетенцию входили практически все крестьянские дела. Необходимость проведения дознаний и осмотров на местах, осуществление сношений с другими земскими начальниками, направление апелляционных и кассационных жалоб в уездный съезд замедляло процесс делопроизводства, приводило к длительным срокам рассмотрения – часто

более полугода, а также неправильному толкованию и применению законов. Кроме того, значительную часть времени земские начальники тратили на осуществление полицейского надзора, который имел большое значение для губернии. Они были вынуждены осуществлять формальный и неформальный надзор как самостоятельно, так и через волостные и сельские органы, чтобы оперативно докладывать о любых негативных проявлениях, например об усилении противоправительственных настроений среди крестьян. Земские начальники следили за политической обстановкой во вверенных им участках.

Объединение административной, судебной и полицейско-надзорной функций в одних руках неизбежно приводило к превышению должностных полномочий со стороны земских начальников.

Список литературы

1. Положение о земских участковых начальниках, высочайше утвержденное 12-го июля 1889 г. СПб. : Мин-во внутр. дел, 1889. 89 с.
2. Часть официальная. Высочайшие приказы // Пензенские губернские ведомости. 1891. № 138. С. 1.
3. Титов А. А. О мировых судьях и земских начальниках. М. : Нар. право, 1906. 32 с.
4. Новиков А. И. Записки земского начальника. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 240 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 29. Д. 166.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 413. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАПО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 6.
8. ГАПО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАПО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАПО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 8.
11. ГАПО. Ф. 413. Оп. 1. Д. 5.
12. Вербловский Г. Л. Законоположения о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений и правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям, с изложением узаконений, на которые сделаны ссылки в «Законоположениях», с объяснениями : в 2 ч. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. Ч. 1, 2. 119 с.
13. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6650.
14. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7338.
15. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7455.
16. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7512.

References

1. *Polozheniye o zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh, vysochayshe utverzhdennoye 12-go iyulya 1889 g* = Regulations on zemstvo district chiefs, approved by the highest authority on July 12, 1889. Saint Petersburg: Min-vo vnutr. del, 1889:89. (In Russ.)
2. The official part. The highest orders. *Penzenskiye gubernskiye vedomosti* = Penza provincial proceedings. 1891;(138):1. (In Russ.)
3. Titov A.A. *O mirovykh sud'yakh i zemskikh nachal'nikakh* = On justices of the peace and zemstvo chiefs. Moscow: Nar. pravo, 1906:32. (In Russ.)
4. Novikov A.I. *Zapiski zemskogo nachal'nika* = Notes of a zemstvo chief. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899:240. (In Russ.)
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 1291. Op. 29. D. 166* = Russian State Historical Archive. Fund 1291. Item 29. File 166. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 413. Op. 1. D. 3* = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 3. (In Russ.)

7. GAPO. F. 413. Op. 1. D. 6 = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 6. (In Russ.)
8. GAPO. F. 413. Op. 1. D. 7 = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 7. (In Russ.)
9. GAPO. F. 413. Op. 1. D. 4 = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 4. (In Russ.)
10. GAPO. F. 413. Op. 1. D. 8 = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 8. (In Russ.)
11. GAPO. F. 413. Op. 1. D. 5 = State Archive of Penza region. Fund 413. Item 1. File 5. (In Russ.)
12. Verblovskiy G.L. *Zakonopolozheniya o preobrazovanii mestnykh krest'yanskikh i sudebnykh uchrezhdeniy i pravila o proizvodstve sudebnykh del, podvedomstvennykh zemskim nachal'nikam i gorodskim sud'yam, s izlozheniyem uzakoneniya, na kotoryye sdelany ssylki v «Zakonopolozheniyakh», s ob'yasneniyami: v 2 ch.* = Legislation on the transformation of local peasant and judicial institutions and rules on the conduct of judicial cases under the jurisdiction of zemstvo chiefs and city judges, with a statement of the laws referred to in the "Laws", with explanations: in 2 parts. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1890;(part 1, 2):119. (In Russ.)
13. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 6650 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 6650. (In Russ.)
14. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7338 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7338. (In Russ.)
15. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7455 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7455. (In Russ.)
16. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7512 = State Archive of Penza region. Fund 5. Item 1. File 7512. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Мария Николаевна Шошкина

ассистент кафедры истории
Отечества, государства и права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: inao-pgu@yandex.ru

Maria N. Shoshkina

Assistant of the sub-department
of Russian history, state
and law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.01.2025

Принята к публикации / Accepted 09.02.2025

УДК 94:[39(=512.14):28](470.55/58)"19"
doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-4

**Жена для работы
(многоженство в экономике тюрко-мусульман Зауралья
начала XX в.)**

М. И. Роднов¹, Л. Ф. Тагирова²

^{1,2}Уфимский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук, Уфа, Россия

¹rodnov@ufacom.ru, ²sleila.83@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность проблематики связана с конструированием образа прошлого, с формированием исторической памяти у локальных этнических (этноконфессиональных) групп, что является одним из самых дискуссионных направлений современного гуманитарного знания. Цель исследования заключается в анализе и обобщении современных достижений историографии и сопоставлении их с новыми историческими источниками. *Материалы и методы.* Впервые в российской историографии создана и представлена научному сообществу база данных (Big Data) в количестве полутора тысяч единиц измерения (подворных карточек переписи 1917 г.), созданная по коллекции уфимского архива (Национального архива Республики Башкортостан), которая только в 2024 г. введена в состав государственного архивного фонда Российской Федерации и до сих пор практически не использовалась, неизвестна научному сообществу. В ходе обработки данной коллекции были выявлены все упоминания о полигамии среди тюркоязычного мусульманского населения ряда волостей Шадринского уезда Пермской губернии (территория современной Челябинской области). А информация подворных карточек по хозяйству каждого крестьянского двора позволила впервые получить репрезентативную базу данных по экономике полигамических семей и провести анализ. *Результаты.* В ходе создания базы данных установлена высокая достоверность информационного потенциала подворной карточки. Перепись проходила летом 1917 г. по инициативе Временного правительства. Находившиеся у власти левые партии открыто обещали всему российскому крестьянству «черный» передел земли, что стимулировало респондентов отвечать откровенно, не скрывать информацию. Факты сокрытия сведений, отказа от переписи в данной местности не фиксируются. Сохранность подворных карточек хорошая, качество записи высокое. Источник вполне пригоден для обработки под машиночитаемую базу данных. Географический охват выборки также репрезентативен, в базу данных вошли чисто аграрные поселения и большие селения, находившиеся рядом с горнозаводской уральской индустриальной зоной. *Выводы.* На смену использовавшемуся в историографии нарративу в виде отрывочных свидетельств и в основном по русским (русскоязычным) источникам в научный оборот вводится верифицированная база данных по тюрко-мусульманскому населению Зауралья. Статистический подсчет свидетельствует, что полигамия была характерна в первую очередь для зажиточной прослойки сельчан (фермеров-предпринимателей), каждый третий из которых имел двух жен. Анализ экономических показателей и сравнение с демографической ситуацией позволяет утверждать, что основным фактором при заключении второго брака являлась потребность в женских рабочих руках.

Ключевые слова: демография, экономика, сельское хозяйство, татары, башкиры, мещеры, многоженство, Зауралье, Челябинская область, ислам, начало XX в.

Для цитирования: Роднов М. И., Тагирова Л. Ф. Жена для работы (многоженство в экономике тюрок-мусульман Зауралья начала XX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 35–50. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-4

Wife for work (polygamy in the economy of the Muslim Turks of the Trans-Urals at the beginning of the 20th century)

M.I. Rodnov¹, L.F. Tagirova²

^{1,2}Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia

¹rodnov@ufacom.ru, ²sleila.83@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the problem is associated with the construction of the image of the past, with the formation of historical memory among local ethnic (ethno-confessional) groups, which is one of the most controversial areas of modern humanitarian knowledge. The purpose of the study is to analyze and summarize modern achievements of historiography and compare them with new historical sources. *Materials and methods.* For the first time in Russian historiography, a database (big data) was created and presented to the scientific community in the amount of one and a half thousand units of measurement (household cards of the 1917 census), created on the basis of the collection of the Ufa archive (National Archives of the Republic of Bashkortostan), which was only introduced into the state archival fund of the Russian Federation in 2024 and has not been used until now, is unknown to the scientific community. In the course of processing this collection, all references to polygamy among the Turkish-speaking Muslim population of a number of volosts of Shadrinsk district of Perm province (the territory of modern Chelyabinsk region) were identified. And the information from the household cards for each peasant household allowed us to obtain for the first time a representative database on the economy of polygamous families and conduct an analysis. *Results.* In the course of creating the database, a high reliability of the information potential of the household card was established. The census was conducted in the summer of 1917 on the initiative of the Provisional Government. The left-wing parties in power openly promised the entire Russian peasantry a “black” redistribution of land, which encouraged respondents to answer frankly and not to hide information. Facts of concealment of information or refusal to take the census in this area are not recorded. The preservation of the household cards is good, the quality of the recording is high. The source is quite suitable for processing for a machine-readable database. The geographical scope of the sample is also representative, the database includes purely agrarian settlements and large villages located near the mining and industrial Ural industrial zone. *Conclusions.* To replace the narrative used in historiography in the form of fragmentary evidence and mainly from Russian (Russian-language) sources, a verified database of the Turkish-Muslim population of the Trans-Urals is introduced into scientific circulation. Statistical calculations show that polygamy was characteristic primarily of the wealthy stratum of villagers (farmers-entrepreneurs), every third of whom had two wives. Analysis of economic indicators and comparison with the demographic situation allows us to assert that the main factor in concluding a second marriage was the need for female labor.

Keywords: demography, economics, agriculture, Tatars, Bashkirs, Meshcheryaks, polygamy, Trans-Urals, Chelyabinsk region, Islam, early 20th century

For citation: Rodnov M.I., Tagirova L.F. Wife for work (polygamy in the economy of the Muslim Turks of the Trans-Urals at the beginning of the 20th century). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):35–50. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-4

Одним из основных двигателей исторического, гуманитарного познания является открытие и ввод в практику новых источников, в первую очередь архивных. А создание баз данных (технологии Big Data) открывает возможности для прорывных исследований. С другой стороны, новое всегда несет угрозу, так как в науке к этому времени уже сложилась система восприятия прошлого со своей аргументацией, историографией, авторитетами. Такое революционизирующее воздействие на историческую науку в последние десятилетия оказывают массовые источники и методы обработки большого количества информации [1].

Одним из таких источников являются первичные материалы – подворные карточки всероссийских и региональных переписей [2]. Сплошная обработка первоисточника – подворных карточек переписей, создание баз данных открывает широкие возможности, историк может выбрать любую интересующую его проблему, как, например, ситуацию с многоженством среди тюрко-мусульманского населения Зауралья (современная Челябинская область). Естественным ограничением является наличие, сохранность источников по территориям. В данной работе под Зауральем понимается регион концентрации татарского и башкирского населения вокруг и к северу от Челябинска (ныне в основном Кунашакский и Аргаяшский районы).

К началу XX в. среди башкир и татар Южного Урала многоженство уже было архаикой. Высокий уровень социально-экономического и культурного развития этих народов – формирование классов индустриального общества, активное развитие рыночной экономики, складывание современного информационного пространства, чересполосное проживание с русскими, воздействие расположенного рядом огромного Уральского горнозаводского района и прокладка поблизости важнейших железнодорожных магистралей (Транссиб, линия Челябинск – Екатеринбург) – давно разрушил средневековые устои. Гендерная проблематика, равноправие женщин, зарождение татарского феминизма стали предметом горячих дискуссий в тюрко-мусульманской среде Урала и Среднего Поволжья [3], что принципиально отличалось от южных регионов империи. Под единым исламским покровом находились совершенно разные по уровню развития общества и народы.

Многоженство (полигамия) разрешена в исламе, но допускается не более четырех жен. Данная форма семейных отношений освещалась как в религиозной литературе [4], так и в различных светских научных и философских трудах. В местной, урало-поволжской историографии многоженство упоминается в обязательном порядке. Но обычно ему посвящаются несколько абзацев, информация в основном приводится из русских источников с редким привлечением статистических данных: редко встречалось и преимущественно у богатых. А. Б. Юнусова подчеркивала, «что башкирки в целом были далеки от сложившегося в общественном мнении стереотипа покорной мусульманской женщины и умели отстаивать свои интересы» [5, с. 52–53].

В академическом издании полигамии отвели два абзаца, отметив соблюдение принципа «старшинства между женами. Прежде чем жениться во второй раз муж спрашивал разрешения у первой жены и одаривал ее подарками» [6]. В новейшей литературе это стандартный подход. В истории татарского народа полигамии посвятили один абзац [7, с. 430–431]. Более подробно показала многоженство Л. Р. Габдрафикова. «Вторые жены нередко

занимали промежуточное положение между содержанками и первыми (основными) женами», вторых подбирали из более бедных семей, «вторая жена – это в основном прихоть мужа», «жизнь втроем была далека от семейной идиллии». Монография Габдрафиковой отличается самым подробным анализом проблемы и активным использованием тюркских по происхождению источников, но тоже по преимуществу нарратива [3, с. 312–318].

Принципиально выделяются труды известного башкирского историка А. З. Асфандиярова. Он не только приводил конкретные факты полигамии (например, наличие у «феодалов» пяти жен), но и подробно проанализировал русскую описательную литературу прошлого, отметив наличие двух точек зрения: многоженство у башкир было широко распространено или редко. Впервые именно Асфандияров вводит в изучение вопроса статистические данные, полученные при обработке материалов ревизских сказок из уфимского архива. В 1816 г. многобрачных семей у башкир всех уездов Оренбургской губернии насчитывалось 12,5 % (в основном двоеженцы – 11,4 %), у татар и мишар многоженство охватывало 10,4 % (что опровергало мнение Л. И. Шайдуллиной, что среди татар «почти не привилось многоженство» [8]). Анвар Закирович отметил меньшее присутствие полигамии среди земледельцев, а также распространение многоженства в зажиточных семьях: «Это происходило потому, вероятно, что связано было с экономическими возможностями». При этом он ссылается на Ф. Энгельса: «Многоженство – привилегия богатых и знатных» [9, с. 57–62]. Данные сведения автор повторил в следующей работе [10].

В материалах ревизий нет никаких сведений о материальном положении сельчан, поэтому Асфандияров тоже (вероятно) лишь кратко упомянул экономический фактор в многоженстве. Вслед за Анваром Закировичем Г. А. Киньябаева, основываясь на документах VII (1816 г.), VIII (1834 г.) и X (1859 г.) ревизий, продолжила более детальное изучение семьи и брака у башкир. В своих выводах автор отмечала тенденцию сокращения в течение первой половины XIX в. числа полигамных браков от 10,6 до 8,4 %, а среди оседло-земледельческих районов – от 10,5 до 5,6 %, напрямую связывая распространение многоженства с количеством сложных семей и характером хозяйственно-бытового уклада [11].

Среди новейших исследований необходимо также выделить работы Ш. Н. Исянгулова, в которых на основе фольклорного материала, ревизских сказок и статистических сборников конца XIX–XX вв. рассматривались отдельные сюжеты (левират, эндогамия и пр.) института семьи у башкирского народа начиная с периода Средневековья и вплоть до 70-х гг. XX в. [12, 13].

Л. Ф. Тагирова, изучая подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. по территории Малой Башкирии, выделила Зауралье как регион с исторически более высоким распространением полигамных браков среди башкирского населения, которые к началу XX в. заключались больше по необходимости, часто по следованию сохранившегося к началу XX в. обычая левирата [14]. Обобщение выводов ранее изданных работ по многоженству содержатся в исследовании Ф. Г. Галиевой, посвященном обычаям и обрядам башкирского народа [15].

Историография отражает сложную ситуацию с источниками. Лишь в конце XX в. А. З. Асфандияров вводит статистические доказательства

(по ревизским сказкам), но и поныне многоженство тюрок-мусульман Среднего Поволжья и Южного Урала изучается по нарративу, отдельным, субъективным свидетельствам современников, да еще иноверцев.

Первую статистическую информацию о многоженстве собирали земские статистики, которым (через полицию) поступали данные от мулл о демографии (рождаемости, смертности, брачности). Последние регулярно отчитывались по каждой мечети.

В справочнике за 1873 г. составитель, лидер местной статистики Н. А. Гурвич даже выделил отдельный фрагмент «Многоженство у магометан (по сведениям, собранным в 1866 г.)». Всего в Уфимской губернии насчитывалось 5087 женатых на двух супругах, 226 имели по три, а 20 человек – даже по четыре жены. Ежегодно вступили во второй и третий браки «при сожительстве с первыми женами» в 1867 г. 329 человек, в 1868 г. – 327, в 1869 г. – 263 мужчины [16, с. 75–76] (в Уфе таких случаев не было). Подобная информация редко встречалась, даже в официальных отчетах губернаторов многоженство не упоминалось, интерес к этой архаике среди русского культурного сообщества был минимальный.

Даже в современных исследованиях первоисточником в основном являются записи в ревизских сказках и метрических книгах, где отсутствует информация о материальном положении дворов многоженцев. Этот пробел можно восполнить, предложив базу данных по мусульманскому населению Зауралья (Шадринский уезд Оренбургской губернии) в 1917 г.

При обработке подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. выбраны семьи, где зафиксировано по две жены (в единственном случае – три). Учтено только мусульманское население, единичные семьи русских исключены, а также не учитывались так называемые «отсутствующие» хозяйства, числившиеся на бумаге (в списках домохозяев), но в реальности уже не проживавшие в деревне.

Полученные итоги представлены в табл. 1, в которой приведены данные по Аминевской, Башкирско-Теченской, Буринской и Усть-Багарякской волостям Шадринского уезда [17–36]. В архиве хранятся данные и по другим деревням, в этой статье обработана примерно половина имеющейся архивной коллекции. Далее все сведения приводятся по указанному источнику без выделения номеров подворных карточек. В некоторых селениях (Акчувашево, Капканово) многоженцев не имелось.

В табл. 1 и далее в статье сведения по всем тюркским этническим группам объединяются. Кроме сходного типа хозяйства и единой религии, четкое разделение на этносы к 1917 г. еще не произошло. Например, в Кунашаке в 1890-е гг. земские статистики указывали, что здесь проживают башкиры «(помесь с мещеряками)» [37, л. 150 об. – 151]. По данным переписи 1989 г., в Кунашаке татары составляли 79 % жителей, башкиры – 11 %, русские – 8 % [38, с. 73]. По переписи 1917 г. все жители Кунашака – башкиры. А само название «татары» в Зауралье в начале XX в. еще не вытеснило этнословный термин «мещеряки» / «мишари».

Общее же число семейств с двумя женами было весьма небольшим – 4,1 % (59 из 1440), хотя в ряде селений (Курманово и др.) удельный вес полигамных браков поднимался до 6–7 %. По сравнению с данными начала XIX в., доля многоженцев в начале XX в. сократилась с 10–12 % примерно

вдвое. Этот древний, архаичный институт исчезал под натиском бурно развивавшегося индустриального общества, причем у татар, видимо, быстрее.

Таблица 1

Численность населения и удельный вес многоженцев по переписи 1917 г.

Селение	Национальность	Число учтенных хозяйств	Число семей многоженцев
Аминево	Башкиры	88	5
Ибрагимово	Башкиры	65	4
Надырово	Татары	35	1
Ятиково	Башкиры	11	2
Исаево	Башкиры	109	6
Кунашак	Башкиры	235	10
Курманово	Башкиры	101	7
Аширова	Башкиры	55	4
Мурино	Башкиры	57	2
Султанаево	Башкиры	43	2
Ульчигулово	Башкиры	28	3
Юмагулово	Башкиры	35	2
Новое	Мещеряки	270	2
Усманово	Мещеряки	308	9
Всего		1440	

По всем 59 хозяйствам многоженцев имеется полная информация как о семейном составе, так и об экономике двора, анализ этой базы данных предлагается далее. Сюда не включены еще четыре семьи, где запись не ясна (Аминево), в трех зафиксирован своеобразный «остаток» полигамии. Так, в Аширово в семействе 39-летнего торговца Г.-Мажита Губайдуллина проживала мать, 45 лет. Очевидно, это младшая жена умершего отца. Там же в хозяйстве Зинатуллы Хуббихужина в 1917 г. были мать (55 лет) и мачеха (60 лет). Матери 55 и 50 лет указаны в подворке М.-Сафы М.-Латифова из д. Курманово. Хотя в доме проживал отец 52 лет, главой семьи числился 18-летний сын, вдобавок призванный в армию.

За исключением этих дворов, наша база данных включает полную информацию из подворных карточек переписи 1917 г. по 59 семьям. Первое, что бросается в глаза, – очень редкие вторые браки среди мусульманского духовенства. Уже на 1895 г. в большинстве приведенных в табл. 1 селений стояли мечети (в Аминево, Ибрагимово, Бурино, Мурино и пр.) [37]. Но из 59 семей многоженцев в 1917 г. встречаем лишь указного муллу из Новой, а в Ашировой проживал «магом. учитель» 45-летний Фаизхан Губайдуллин, также с двумя женами. Даже исламское духовенство воздерживалось от архаичной полигамии.

В табл. 2 показан возраст супругов (мужей и жен) во всех 59 семьях. Информация заносилась в подворную карточку со слов домохозяина или лица, его замещавшего. Поэтому в ответах возможны округления цифр, но сведе-

ния табл. 2 убеждают, что в массе данные достоверные, преобладают «неокругленные» даты возраста.

Таблица 2

Возраст супругов в семьях многоженцев в 1917 г. [17–36]

№	Возраст мужа	Возраст жен	№	Возраст мужа	Возраст жен
1	70	60, 58	30	62	63, 42
2	65	56, 37	31	52	25, 45
3	65	62, 60	32	30	31, 33
4	35	35, 28	33	50	32, 32
5	50	50, 35	34	58	49, 31
6	38	26 (или 28), 27	35	34	50, 20
7	47	48, 28	36	24	36, 43
8	60	55, 45	37	38	36, 44
9	50	48, 36	38	56	50, 45
10	75	70, 50	39	38	35, 23
11	36	42, 26	40	47	42, 35
12	51	45, 30	41	62	56, 40
13	55	47, 43	42	60	42, 50
14	68	63, 50	43	44	40, 28
15	48	38, 30	44	70	68, 57
16	70	50, 48	45	56	53, 45
17	54	50, 50	46	60	60, 47
18	83	75, 70	47	78	75, 74
19	69	65, 55	48	44	35, 44
20	35	25, 20	49	54	42, 35
21	49	25, 31	50	27	35, 35
22	45	43, 18	51	38	40, 20
23	48	53, 34	52	62	62, 40
24	45	45, 20	53	49	37, 27
25	51	33, 40, 19	54	67	35, 30
26	60	66, 34	55	45	36, 30
27	45	20, 44	56	35	30, 30
28	56	50, 45	57	60	45, 40
29	42	26, 24	58	52	30, 50
			59	45	43, 35

Абсолютное большинство мужей-двоеженцев в 1917 г. относились к старшим возрастам: от 41 до 50 лет – 17, от 51 до 60 лет – 16, от 61 года и старше – 14. Сравнительно молодых многоженцев насчитывалось немного – от 31 до 40 лет – 9 и до 30 лет включительно – всего 3. Можно приблизительно утверждать, что после 1880-х гг. в Зауралье полигамия сокращается, что согласуется с социально-экономическим развитием края (в конце 1880-х гг. начинается возведение Транссиба, прокладывается линия от Челябинска на Екатеринбург буквально рядом с мусульманскими волостями, а сами Челя-

бинск и Шадринск становятся крупными центрами хлебной торговли, быстро увеличивается население).

Анализ табл. 2 показывает стандартный механизм двоебрачия. Сыграв первую свадьбу на немного более молодой, чем супруг, жене, через несколько лет в дом приводили вторую невесту. Всего из 58 семейств (без троеженца) в 24-х вторая жена была младше первой до 10 лет (42 %), в 16 случаях разрыв в возрасте жен составлял от 11 до 20 лет и всего в пяти браках вторая супруга была значительно (свыше чем на 20 лет) младше первой жены. Еще в 4 семействах возраст жен совпадал и, что особенно интересно, в 1917 г. зарегистрировали 9 случаев, когда первая жена была младше второй.

Вероятно, это сохранявшаяся языческая форма брака – левират, который существовал у башкир [9, с. 63–65]. После смерти старшего брата младший женился на вдове, чтобы не допустить материальных потерь для семьи (ухода работницы с приданым). Правда, насколько переписчики в 1917 г. точно фиксировали в подворных карточках очередность жен – неизвестно.

Причины привести вторую жену, что к началу XX в. стало уже явлением необычным, были самые различные. Наверняка, в вышеприведенном перечне скрывались «романтические» сюжеты – «седина в бороду, бес в ребро», иногда же первая супруга была бесплодной или рожала одних девочек. Так, в Ибрагимово в 1917 г. проживал Батритдин Юмангулов, 58-летний небогатый сельчанин (примерно 1859 г. р.). Первой супруге исполнилось 49 лет, можно предположить, что они поженились где-то в 1890-е гг. Детей не было, за Батритдином числился в общине один душевой надел, т.е. он получил землю на одну мужскую душу. Последний передел в Ибрагимовой произошел до 1907 г., судя по возрасту молодых жителей.

Около 1908 г. Батритдин приводит вторую молодую супругу (примерно 1886 г. р.). И вот от нее в семье появляются дети – дочь (около 1910 г. р.), затем сыновья, что родились приблизительно в 1912 и 1914 гг. В почтенном по тем временам возрасте Батритдин наконец стал отцом.

Буквально во всех работах существование многоженства объясняется экономическими факторами, вторая супруга – это в первую очередь дополнительные и бесплатные рабочие руки (с такой же целью часто брали приемшей). Однако статистических доказательств не приводится [9, с. 62 и др.], авторы выявляли отдельные случаи из архивных документов и литературы либо пытались анализировать косвенные материалы ревизских сказок и метрических книг, где хозяйственной информации нет вообще.

Этот пробел восполняет собранная база данных по подворным карточкам сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., проводившейся как раз ради экономических сведений. В каждой карточке приведены максимально подробные сведения о землевладении, наличии посевов, скота, инвентаря, найме работников, кустарных промыслах и пр.

Сельское хозяйство Зауралья в начале XX в. специализировалось, как и сейчас, на посевах яровой пшеницы – самой высокодоходной зерновой культуры. Это было характерно для башкир и мещеряков. По карточкам переписи 1917 г. определена посевная группировка перечисленных в табл. 1 селений, без отдельных русских семейств. Таблица 3 показывает социальную структуру населения с определенной условностью: дворы без посева и с посевом до 4 дес. – это бедняцкие хозяйства, имевшие от 4 до 10 дес. –

средняцкие. В земско-статистической литературе Российской империи начала XX в. «верхней» посевной группой считались хозяйства с посевами более 9, 10 или 12 дес. (в разных губерниях). В общероссийских сельскохозяйственных переписях «верхняя» группа считалась от 10 дес. и воспринималась как зажиточные дворы. Мы дополнительно выделяем внутри деревенской «верхушки» семьи с посевами свыше 15 дес. Это уже не просто богатые многопосевные традиционные хозяйства, а предпринимательские, фермерские, кулацкие, по общепринятой терминологии той эпохи, семейства, где демографическая дифференциация (молодые – бедные, старики – богатые) уже не действовала (денег много для покупки земли и имущества для детей).

Таблица 3

Группировка по посеву в 1917 г. [17–36]

Селение	Число хозяйств	Площадь посева (дес.)	Дворы без посева	Дворы с посевом			
				до 4 дес.	от 4 до 10 дес.	от 10 до 15 дес.	свыше 15 дес.
Аминево	88	624,5	3	39	30	5	11
Ибрагимово	65	291	5	37	15	5	3
Надырово	35	138,5	1	24	8	1	1
Ятиково	11	101	1	2	6	1	1
Исаево	109	476,25	14	54	31	5	5
Кунашак	235	908,9	19	155	49	10	2
Курманово	101	375,25	10	72	9	6	4
Аширова	55	297,62	5	26	15	5	4
Мурино	57	306,15	10	20	20	4	3
Султанаево	43	374,75	3	9	19	8	4
Ульчигулово	28	115	3	15	9	–	1
Юмагулово	35	167,76	7	12	11	4	1
Новое	270	603,75	74	149	45	1	1
Усманово	308	960,09	26	202	71	5	4
Всего	1440	5740,52	181	816	338	60	45
В том числе многоженцы	59	610,41	3	18	17	6	15

Собранная база данных убедительно подтверждает правоту нарративных источников, каждый третий «кулак» (самый многопосевный домохозяин) имел двух жен. А всего зажиточные многоженцы с посевами свыше 10 дес. на двор составляли 20 % от всей сельской верхушки (21 из 105 дворов). Всего же в 1917 г. среди беспосевных двоеженцев было 1,7 %, в рядах условной бедноты с посевом до 4 дес. – 2,2 %, в числе середняков с посевом от 4 до 10 дес. – 5 %, среди богатых, повторимся, – 20 %. Строгая закономерность – чем богаче домохозяин, тем выше доля многоженцев.

Но в целом удельный вес полигамных браков к 1917 г. составлял лишь 4,1 % от всего учтенного в табл. 3 мусульманского населения (59 из 1440 дворов). Причем доля многоженцев несколько возрастет, если исключить две обширные мишарские деревни Усть-Багарякской волости – Новую и Усманово. Это самая северная мусульманская волость, сейчас ее земли лежат

на границе Челябинской и Свердловской областей, недалеко от Каменск-Уральского. А жители к началу XX в. были тесно связаны с горнозаводской промышленностью. Здешние татары-мещеряки составляют 40 % всех дворов в нашей базе данных, но лишь 19 % многоженцев. В чисто аграрных волостях полигамия присутствовала в более заметных масштабах.

Селения из табл. 3 можно разделить на две группы. В первую с низким удельным весом многоженцев войдут преимущественно татарские (мишарские/мещеряцкие) селения, хотя есть и башкирские – Надырово (2,9 % полигамных дворов), Кунашак (4,3 %), Мурино (3,5 %), Султанаево (4,7 %), Новое (0,7 %) и Усманово (2,9 %). Здесь многоженство в начале XX в. – уже редкий архаичный институт брака.

Вторую группу составят башкирские селения, где удельный вес полигамии превышал в 1917 г. условную 5-процентную отметку: Аминово (5,7 %), Ибрагимово (6,2 %), Исаево (5,5 %), Курманово (6,9 %), Аширово (5,7 %), Ульчигулово (10,7 %), Юмагулово (5,7 %) и рекордсменом выступает д. Ятиково, где 18,2 % всех семей (но всего лишь 2 из 11) составляли многоженцы. Тут полигамия более распространена, но назвать ее достаточно массовым явлением сложно. Башкирские земледельческие общины также были активно вовлечены в рыночную экономику, продавая на сторону яровую пшеницу и другую продукцию полей. Доля многоженцев, зафиксированная в начале XIX в. у башкир в 10–12 %, за столетие сильно изменилась, упав вдвое.

При этом значение многоженцев в сельскохозяйственном производстве было выше (10,6 % посевов, 610,41 дес. из 5740,52 дес.), чем доля среди населения (4,1 % хозяйств). Эти данные позволяют оценить значение литературных и этнографических источников (нарратива), всеобщее увлечение которыми в последние десятилетия в историографии вызывает обоснованную критику мемуаров, дневников путешественников и прочей литературы. Но недооценивать подобные исторические источники тоже нельзя, что подтверждают данные табл. 3. Ставшие «общим местом» высказывания историков и этнографов о наиболее широком распространении полигамии именно у богатых полностью подтверждаются.

Рассмотрим подробнее 15 самых богатых, многопосевных хозяйств. Почти все включали от 10 до 17 душ (12 из 15). Помимо обширных полей с зерновыми держали много скота, в 8 дворах было свыше 50 голов (до 103 и 106), еще в четырех семьях имелось более 30 голов. Лишь в двух случаях держали менее 10 рабочих лошадей, немало и крупного рогатого скота. В подворных карточках фиксируется обилие современного фабричного сельскохозяйственного инвентаря, широко распространена была аренда земли.

Например, в д. Курманово в 1917 г. проживал торговец 51-летний М. Галим Хамметов. Семья включала двух жен 45 и 30 лет, подрастали пятеро сыновей (19, 16, 16, 11, 11 лет) и три дочери (7,7 и 0 лет). Последней исполнилось летом 1917 г. несколько месяцев.

Надельной (общинной) земли у Хамметов было на пять душ (мужских), всего 65 дес., в том числе 21,25 дес. пашни и 5 дес. покосов. Этого количества торговцу не хватало, и он в своей деревне арендовал у однообщинников 43,75 дес. пашни за деньги (в карточке сначала записали – под яровое на один год).

Обширный скотный двор включал 8 рабочих лошадей, 5 нерабочих и 5 жеребят, а также 4 коровы и 74 теленка да в придачу 10 овец. Торговец явно скупал телят на откорм, чтобы с выгодой продать потом мясо. Хозяйство было слабо механизировано, имелись лишь молотилка, телега на железном ходу и три кунгурки (улучшенные плуги местного кустарного производства).

Наверняка основной доход приносило полеводство. Хамметов засеивал в 1917 г. 41,5 дес., в том числе 30 дес. самой доходной яровой пшеницей. Также сеял 10 дес. овса и 1,5 дес. яровой ржи. Вся рожь с овсом и 8,75 дес. пшеницы были посеяны на арендованной земле. Остальные 25 дес. взятой в коротому (аренду) пашни хозяин отвел под пар [21]. Информации об огородах в карточках переписи 1917 г. нет (вообще не собирали), как и сведений о найме, они указывались редко. Уже бушевала революция и слова «буржуй, эксплуататор» грамотные сельские предприниматели успели выучить.

Перед нами типичное рыночное хозяйство с очень высоким доходом. Для собственного пропитания этой немаленькой семье было достаточно урожая примерно с трех десятин посева. Хамметова можно уверенно считать сельским фермером. А столь большое хозяйство требовало женских рук в домашних делах и в первую очередь в животноводстве. Поэтому около 1905 г. Хамметов, ему за сорок, женится вторично на молоденькой (примерно 1887 г. р.). Младшие дети, в первую очередь девочки, вероятно от нее. Одна старшая жена не справлялась со столь обширным подворьем, нужны были дополнительные рабочие руки.

В Шадринском уезде Пермской губернии лежала Кунакбаевская волость, сейчас это Кунашакский район Челябинской области. Башкирские деревни раскинулись в долине р. Караболки, притока Синары, а та впадает в Исеть. Это равнинная лесостепная местность с множеством разбросанных озер. На западном берегу немаленького о. Скайлы и расположена д. Султанаево, за селением начинаются лесистые холмы, за которыми далее расположены известные г. Озерск и Касли.

В д. Султанаево на 1895 г. насчитывалось всего 30 дворов [37, л. 29], в 1917 г. она состояла из 43, в 1920 г. – из 48 хозяйств. По переписи 1917 г. абсолютно доминировали моногамные семьи (здесь и далее: [30]). Лишь двое богатеев выделялись. 45-летний Гайнитдин Г.-Каримов дважды женился, супругам в 1917 г. исполнилось 36 и 30 лет. Засевал 17 дес., имел 5 рабочих лошадей.

И в Султанаево находилось самое крупное хозяйство многоженца. Во владении 67-летнего Мухаметши Иштимирова находились около 129 дес. общинной надельной земли (записи в карточке несколько различаются). Этого ему было мало, и он дополнительно арендовал в своем обществе 20 дес. пашни. Во дворе стоял неплохой машинный «парк»: четыре однолемешных фабричных плуга, две жнейки, молотилка, веялка, телега на железном ходу и четыре кунгурки. Рядом по скотному двору гуляли 25 рабочих лошадей старше четырех лет и 5 младше, а также 5 жеребят, 10 коров, 20 телят и 15 овец, всего 80 голов.

Основной доход приносили посевы самой дорогой яровой пшеницы (30 дес. в 1917 г.), и еще 20 дес. Мухаметша засеял овсом по жнивью, из них 10 дес. на арендованной земле. В годы Первой мировой войны резко возрос спрос на овес. 16 дес. пашни отдыхали под паром.

Это однозначно предпринимательское хозяйство, масса зерна, скорее всего, продавалась торговцам с ближайших горных заводов, Каслей, Кыштыма или др. Без сомнения, у Мухаметши трудилась толпа батраков из соседей-однодеревенцев, но он о них переписчикам ничего не сказал. Такое крупное хозяйство требовало массы рабочих рук, причем квалифицированных, обслуживать и ремонтировать дорогие жнейки и конную молотилку могли только специалисты. А своих работников катастрофически не хватало.

Мухаметша женился неоднократно. К моменту обследования летом 1917 г. у него было четверо сыновей (30, 25, 20 и 15 лет) и две дочери (12 и 10 лет). Все трое старших успели сыграть свадьбы, в обширном подворье проживали три снохи 25, 21 и 25 лет. А вот внуки еще не родились. Двое сыновей 25 и 20 лет находились в армии, отцу помогали только старший и младший. Поэтому овдовевший Мухаметша не позднее 1907 г. снова женился. В подворной карточке переписи 1917 г. зафиксированы две его жены – 35 и 30 лет. Возможно, трое младших детей были от них. Но, заметим, более молодые детки не указаны. Мухаметша Иштимиров примерно 1850 г. р. Обе супруги были моложе его на три десятилетия, какая уж тут романтика, да при таком хозяйстве?! На женах лежали обязанности по работе в поле и по дому. Наверняка у Мухаметши имелись дойные кобылицы, которых требовалось доить, про огород сведений нет, но, думаем, имелся и не малый. Так что бедные соседи-одноженцы, видимо, не завидовали супружницам Мухаметши.

Таким образом, использование первичных материалов статистических обследований – подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. – показывает реальное функционирование и распространение полигамии среди сельского мусульманского населения. На примере Зауралья видно, что этот архаичный рудимент семьи сохранялся в незначительных масштабах, упав с XIX в. с 10 до 5 % в среднем. Более многоженство сохранялось в башкирских селениях, у татар-мишарей встречалось реже. Модернизационные процессы на индустриальном Урале неизбежно вовлекали тюркское население, выдавливая дремучие пережитки.

Анализ материалов переписи 1917 г. полностью подтверждает наблюдения современников, многоженство оставалось привилегией богатых. В нашей статистической выборке каждый третий многопосевный сельчанин имел двух жен (см. табл. 3). А детальное изучение хозяйства в полигамных семьях позволяет утверждать, что решающими выступали экономические факторы. Вторые супруги являлись в первую очередь дополнительными работницами в обширных хозяйствах фермеров-кулаков. Нарративные и этнографические источники верно донесли ситуацию, статистика их подтверждает.

Именно богатые фермеры-кулаки Зауралья в начале XX в. активно использовали полигамию как один из способов решения острой проблемы нехватки трудовых ресурсов. Механизация в сельском хозяйстве развивалась семимильными шагами, был достигнут высокий уровень на конской тяге, в деревню пошли первые трактора. Но окончательно процесс вытеснения ручного труда машинным случится уже в советскую эпоху. Пока же проще и выгоднее было привести молодую девушку (наверняка из небогатой семьи), крепкую и работающую, которой не надо платить зарплату, в качестве второй или, реже, третьей жены. Конечно, данная ситуация сопровождалась сложными межличностными проблемами, но эта тема выходит за рамки нашей

статьи. Как говорит башкирская поговорка: «Тукал катын төлкө булыр, уны алған көлкө булыр» (младшая жена будет лисой, взявший ее станет посмешищем) [9, с. 63].

Список литературы

1. Селунская Н. Б., Петрова О. С., Карагодин А. В. Количественные методы в исторических исследованиях. М. : ИНФРА-М, 2022. 253 с.
2. Роднов М. И. Опыт обработки подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв. : тез. докл. XXIII Всерос. науч. конф. (г. Кириллов, 20–23 июня 2023 г.) / сост. А. И. Раздорский. СПб., 2023. С. 127–129.
3. Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. Казань : Институт истории АН РТ, 2013. 384 с.
4. Аль-Кахиби Мухаммад. Семейные отношения в исламе: бракосочетание, многоженство, ревность, развод, дети после развода, идда, траур, временный брак. М. : Рисалат, 2009. 187 с.
5. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.
6. Башкиры / отв. ред.: Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М. : Наука, 2015. 662 с.
7. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. 1171 с.
8. Шайдуллина Л. И. Коран и шариат о положении женщины в семье и обществе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 21 с.
9. Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. Уфа : БГУ, 1989. 88 с.
10. Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа : Китап, 1997. 104 с.
11. Киньябаева Г. А. Семья и брак у башкир в XIX веке: основные тенденции демографического развития. Уфа : Гилем, 2012. 128 с.
12. Исянгулов Ш. Н. Семья и брак у башкир в период Средневековья. Уфа : Мир печати, 2018. 162 с.
13. Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н. Семья в условиях трансформации традиционного общества (на примере башкир). Уфа : Мир печати, 2020. 155 с.
14. Тагирова Л. Ф. Демография и экономика курганских башкир (на материалах переписи 1920 г.) // Городские башкиры: сохранение и развитие родного языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 21 мая 2024 г.) / отв. ред. З. Я. Рахматуллина, Г. Н. Ягафарова. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2024. С. 229–233.
15. Галиева Ф. Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. Уфа : Китап, 2020. 296 с.
16. Памятная книжка Уфимской губернии : в 3 ч. / под ред. Н. А. Гурвича. Уфа : Печатано в Губернской Типографии, 1873. Ч. I. 356 с.
17. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 20.
18. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 21.
19. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 22.
20. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 23.
21. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 24.
22. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 27.
23. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 28.
24. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 29.
25. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 34.

26. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 46.
27. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 51.
28. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 55.
29. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 56.
30. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 57.
31. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 58.
32. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 59.
33. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 64.
34. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 65.
35. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 66.
36. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 3. Д. 67.
37. Государственный архив Пермского края. Ф. 208. Оп. 1. Д. 6.
38. Рыбалко А. А. Этническая карта Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 года и материалам полевых исследований) // Вестник Челябинского университета. Серия 1, История. 1998. № 1. С. 65–74.

References

1. Selunskaya N.B., Petrova O.S., Karagodin A.V. *Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh = Quantitative methods in historical research*. Moscow: INFRA-M, 2022:253.
2. Rodnov M.I. Experience of processing household cards from agricultural censuses of 1917 and 1920. *Pistovyye knigi i drugiye massovyye istochniki po istorii Rossii XVI–XX vv.: tez. dokl. XXIII Vseros. nauch. konf. (g. Kirillov, 20–23 iyunya 2023 g.) = Cadastre books and other mass sources on the history of Russia in the 16th–20th centuries: proceedings of the 23rd All-Russian scientific conference (Kirillov, June 20–23, 2023)*. Saint Petersburg, 2023:127–129.
3. Gabdräfikova L.R. *Povsednevnyaya zhizn' gorodskikh tatar v usloviyakh burzhuaiznykh preobrazovaniy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka = Everyday life of urban Tatars in the context of bourgeois transformations of the second half of the 19th – early 20th century*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2013:384.
4. Al'-Kakhibi Mukhammad. *Semeynyye otnosheniya v islame: brakosochetaniye, mnogo-zhenstvo, revnost', razvod, deti posle razvoda, idda, traur, vremennyy brak = Family relations in islam: marriage, multiple wives, jealousy, divorce, children after divorce, iddah, mourning, temporary marriage*. Moscow: Risalat, 2009:187.
5. Yunusova A.B. *Islam v Bashkortostane = Islam in Bashkortostan*. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat, 1999:352.
6. Kuzeyev R.G., Danilko E.S. (resp. ed.). *Bashkiry = Bashkirs*. Moscow: Nauka, 2015:662.
7. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v 7 t. T. VI. Formirovaniye tatarskoy natsii. XIX – nachalo XX v. = History of the Tatars from ancient times: in 7 volumes. Volume 6. Formation of the Tatar nation. The 19th – early 20th centuries*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani, 2013:1171.
8. Shaydullina L.I. *The Quran and Sharia on the position of women in the family and society: PhD. abstract*. Moscow, 1963:21.
9. Asfandiyarov A.Z. *Sem'ya i brak u bashkir v XVIII – pervoy polovine XIX v. = Family and marriage among the Bashkirs in the 18th – first half of the 19th century*. Ufa: BGU, 1989:88.
10. Asfandiyarov A.Z. *Bashkirskaya sem'ya v proshlom (XVIII – pervaya polovina XIX v.) = Bashkir family in the past (the 18th – the first half of the 19th centuries)*. Ufa: Kitap, 1997:104.
11. Kin'yabayeva G.A. *Sem'ya i brak u bashkir v XIX veke: osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya = Family and marriage among the Bashkirs in the 20th century: the main trends of demographic development*. Ufa: Gilem, 2012:128.

12. Isyangulov Sh.N. *Sem'ya i brak u bashkir v period Srednevekov'ya* = Family and marriage among the Bashkirs in the Middle Ages. Ufa: Mir pechati, 2018:162.
13. Suleymanova R.N., Isyangulov Sh.N. *Sem'ya v usloviyakh transformatsii traditsionnogo obshchestva (na primere bashkir)* = Family in the context of transformation of traditional society (by the example of the Bashkirs). Ufa: Mir pechati, 2020:155.
14. Tagirova L.F. Demography and economy of the Kurgan Bashkirs (by the 1920 census). *Gorodskiye bashkiry: sokhraneniye i razvitiye rodnogo yazyka i kul'tury v usloviyakh etnokul'turnogo i yazykovogo mnogoobraziya: materialy XII Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 21 maya 2024 g.)* = Urban Bashkirs: preservation and development of their native language and culture in conditions of ethnocultural and linguistic diversity: proceedings of the 12th All-Russian scientific and practical conference (Ufa, May 21, 2024). Ufa: IIYAL UFITS RAN, 2024:229–233.
15. Galiyeva F.G. *Semeynyye obryady i obychai bashkir v polikul'turnom prostranstve* = Family rituals and customs of the Bashkirs in a multicultural space. Ufa: Kitap, 2020:296.
16. Gurvich N.A. (ed.). *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii: v 3 ch.* = Memorial book of the Ufa province: in 3 parts. Ufa: Pechatano v Gubernskoy Tipografii, 1873;(part I):356.
17. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. R-473. Op. 3. D. 20* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 20.
18. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 21* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 21.
19. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 22* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 22.
20. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 23* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 23.
21. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 24* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 24.
22. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 27* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 27.
23. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 28* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 28.
24. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 29* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 29.
25. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 34* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 34.
26. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 46* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 46.
27. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 51* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 51.
28. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 55* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 55.
29. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 56* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 56.
30. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 57* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 57.
31. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 58* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 58.
32. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 59* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 59.
33. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 64* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 64.
34. *NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 65* = National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 65.

35. NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 66 = *National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 66.*
36. NA RB. F. R-473. Op. 3. D. 67 = *National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund R-473. Item 3. File 67.*
37. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya. F. 208. Op. 1. D. 6 = *State Archive of Perm Krai. Fund 208. Item 1. File 6.*
38. Rybalko A.A. Ethnic map of the Chelyabinsk region (according to the All-Union Census of 1989 and field research materials). *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 1, Istoriya* = *Bulletin of Chelyabinsk University. Series 1, History*. 1998;(1):65–74.

Информация об авторах / Information about the authors

Михаил Игоревич Роднов

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела истории и истории культуры
Башкортостана, Уфимский
федеральный исследовательский
центр Российской академии наук
(Россия, г. Уфа, пр-кт Октября, 71)

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Mikhail I. Rodnov

Doctor of historical sciences,
leading researcher of the department
of history and history of culture
of Bashkortostan, Ufa Federal
Research Center of the Russian
Academy of Sciences
(71 Oktyabrya avenue, Ufa, Russia)

Лейла Факиловна Тагирова

кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела
истории и истории культуры
Башкортостана, Уфимский
федеральный исследовательский
центр Российской академии наук
(Россия, г. Уфа, пр-кт Октября, 71)

E-mail: sleila.83@mail.ru

Leila F. Tagirova

Candidate of historical sciences,
research fellow of the department
of history and history of culture
of Bashkortostan, Ufa Federal
Research Center of the Russian
Academy of Sciences
(71 Oktyabrya avenue, Ufa, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.01.2025

Принята к публикации / Accepted 04.02.2025

УДК 94(47+57)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-5

О научной и ненаучной критике: размышления на полях рецензий

А. В. Ганин¹, В. И. Голдин²

¹Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

¹andrey_ganin@mail.ru, ²v.i.goldin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено анализу работ известного историка, главного научного сотрудника Института российской истории Российской академии наук В. П. Булдакова, которые могут быть отнесены к категории ненаучных. Актуальность работы определяется необходимостью объективно реагировать на историографические вызовы. *Материалы и методы.* Исследованы труды В. П. Булдакова советского и постсоветского периода. Дается обзор используемых методов ведения полемики с оппонентами. Рассмотрены некоторые конкретно-исторические сюжеты, ставшие предметом дискуссий, прежде всего вопрос об оценке хронологических рамок и характера Гражданской войны и иностранной военной интервенции. *Результаты.* Проанализирован массив трудов В. П. Булдакова, дана характеристика их особенностей, развенчаны некоторые историографические ошибки. *Выводы.* Показан ненаучный характер полемики, которую ведет В. П. Булдаков со своими оппонентами.

Ключевые слова: историография, новейшая история, Российская империя, революция, Гражданская война в России, иностранная интервенция

Для цитирования: Ганин А. В., Голдин В. И. О научной и ненаучной критике: размышления на полях рецензий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 51–63. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-5

On scientific and non-scientific criticism: reflections on the margins of reviews

A.V. Ganin¹, V.I. Goldin²

¹Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

¹andrey_ganin@mail.ru, ²v.i.goldin@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the analysis of the works of the famous historian, chief researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences V.P. Buldakov, which can be classified as unscientific. The relevance of the work is determined by the need to respond objectively to historiographical challenges. *Materials and methods.* The works of V.P. Buldakov of the Soviet and post-Soviet periods are studied. An overview of the methods used to conduct polemics with opponents is given. Some specific historical subjects that have become the subject of discussion are considered. First of all, the question of assessing the chronological framework and nature of the Civil War

and foreign military intervention. *Results*. The array of works by V.P. Buldakov is analyzed, their characteristics are given, some historiographical errors are debunked. *Conclusions*. The unscientific nature of the polemic conducted by V.P. Buldakov with his opponents is shown.

Keywords: historiography, modern history, Russian Empire, revolution, Russian Civil War, foreign intervention

For citation: Ganin A.V., Goldin V.I. On scientific and non-scientific criticism: reflections on the margins of reviews. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):51–63. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-5

От качества научного экспертного сообщества, глубины и содержательности научной критики, ее конструктивности во многом зависит состояние науки в стране. Но далеко не всегда критика бывает такой, и это, в свою очередь, наносит большой ущерб науке. Есть авторы, которые своими рецензиями преследуют не научную, а совсем иную цель – дискредитировать коллег, в том числе своих научных оппонентов, выдвигая беспочвенные обвинения и высокомерно поучая.

Особенно печально, что именно таким рецензентом стал известный историк, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук В. П. Булдаков, опубликовавший в 2016–2024 гг. на страницах журнала «Вестник Тверского университета» серию рецензий с запелляционной и неакадемической, агрессивной критикой (по сути, сведение счетов) в адрес целого ряда исследователей [1–6]. Примечательно, что главным редактором научного журнала, публикующего эти ненаучные тексты, является супруга В. П. Булдакова Т. Г. Леонтьева.

Характерны названия этих статей-рецензий: «историографическая показуха», «историографический сумбур наших дней», «плоды методологической беспомощности», «историографические нелепости». Не ограничиваясь инвективами в адрес отдельных достойных ученых, В. П. Булдаков поносит уже целые исследовательские ассоциации – Ассоциацию исследователей Российского общества (АИРО, АИРО-XXI), Ассоциацию исследователей Гражданской войны в России.

Придерживаясь классических канонов академической критики, человеческой и корпоративной научной этики, мы не будем опускаться до методов В. П. Булдакова с грубыми личными нападками. Обзор этих методов ранее уже давался в научной литературе. «Почитайте внимательно его тексты, – писал еще десять лет назад известный историк из Санкт-Петербурга, профессор Б. Н. Миронов. – Сколько в них запелляционности, высокомерия, непримиримости к иным взглядам, сколько желания управлять, командовать, руководить, контролировать, что никак не вяжется с человеком, за которого он себя выдает», т.е. демократа, непримиримого противника всякого этатизма и т.п. [7, с. 84].

В основном труде В. П. Булдакова, книге «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия», «агрессия достигает столь запредельных размеров, что вряд ли он остановится на достигнутом, – указывал Б. Н. Миронов. – Сколько еще яда вылетит он на своих коллег, на науку и на Россию, даже трудно вообразить» [7, с. 92]. Последующие годы показали,

что, к несчастью для российской исторической науки и людей, в ней работающих, это оказалось свершившимся пророчеством. Можно по-разному оценивать исторические концепции Б. Н. Митронова, но именно он первым развернуто написал о неприемлемом характере критики В. П. Булдаковым своих коллег.

«Красная смута...» В. П. Булдакова не раз становилась предметом научной критики со стороны российских и зарубежных историков [7, с. 86–90; 8, с. 272; 9, с. 39; 10; 11, с. 250; 12, с. 14–15; 13, с. 24–25]. Эта книга вызывает множество вопросов относительно ее научности и представляет скорее набор спорных или даже попросту странных суждений, разрозненных фактов и цитат, чем стройную концепцию. Несмотря на встречающиеся в книге ссылки на архивы, ее основу составляет опубликованный материал, в значительной степени источники личного происхождения и периодическая печать.

Приведем несколько характерных цитат, демонстрирующих авторский подход. «Общество... суеверно шарахается от анализа поступков самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой наклонности» [14, с. 8]. «Крайне негативно влияли на солдат казаки. Если офицеры невольно прививали нижним чинам привычку к пьянству и безделью, то казаки – к разбою... русский человек знал только два поведенческих стереотипа – холопский и казачий» [14, с. 59–60]. «Власть – по крайней мере российская – всегда примитивна, боязлива и самонадеянна одновременно... Власть-подчинение коренится уже во внутривидовом половом разделении» [14, с. 94]. «В психической основе революционного лидерства лежит гиперкомпенсационное преодоление тех или иных форм детской ущербности» [14, с. 406]. «Российская многопартийность выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции» [14, с. 83]. Большевики были сообществом «социальных изгоев, действовавших не только в соответствии с доктриной и страстью разрушения, но и руководствуясь инстинктом социального выживания» [14, с. 525]. «Марксистский проект воспроизводил ситуацию первобытного стада» [14, с. 428]. «В 1921 г. победило не “тоталитарное” государство, а социальная архаика» [14, с. 633]. Абсурдные, неисторичные, недоказуемые источниками (как, например, про детскую ущербность революционных вождей) и просто грубые сентенции В. П. Булдакова можно продолжать. Суть своего подхода предельно откровенно излагает он сам. «Течение “красной смуты” изоморфно мифотворчеству; для понимания происшедшего требуется фантазия» [14, с. 357]. И еще откровеннее: «В принципе смуте можно приписать любую логику и иметь при этом историософский успех» [14, с. 691]. Именно так и произошло с «Красной смутой...».

На несогласных с подобным подходом В. П. Булдаков реагировал отнюдь не в научной плоскости.

В своей последней «рецензии» он обрушился с нападками на авторов этой статьи, пытаясь дискредитировать их с профессиональной и личной стороны. Именно об этой публикации и пойдет речь.

Булдаков раз за разом обличает «перевертышей» из бывших историков КПСС. «Понятно, что бывшие “историки КПСС”, по природе своей неспособные к любым новациям, стараются сохранить атмосферу привычного

интеллектуального застоя вокруг себя» [6, с. 160], – пишет он в адрес В. И. Голдина (подробнее о личностном и профессиональном становлении В. И. Голдина см.: [15–18]).

Но, обратившись к списку трудов В. П. Булдакова, можно узнать, что его кандидатская диссертация носила название «“Легальный марксизм” и эволюция буржуазно-либеральной идеологии в России» (М., 1975), а ведущей организацией выступала кафедра истории КПСС Государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореца. В этой работе В. П. Булдаков, руководствуясь марксистско-ленинской идеологией, с ортодоксальных позиций критиковал легальный марксизм, рассуждал о нарастании «революционной борьбы пролетарских масс за социалистическую революцию» [19, с. 22] и обличал «буржуазных фальсификаторов истории» [19, с. 6]. Еще красноречивее название другой его работы – монографии (в соавторстве) «История образования СССР и критика ее фальсификаторов» (М., 1982). Открывают и закрывают эту книгу цитаты из работ Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по национальному вопросу, в том числе из отчетного доклада XXVI съезду КПСС с громким заявлением о том, что «единство советских наций сегодня прочно, как никогда» [20, с. 175]. Брежневское высказывание должно было подкрепить авторский текст об историческом значении съезда в реализации ленинских принципов национальной политики. Целью написания работы, о чем откровенно поведали авторы, была реализация задач постановления ЦК КПСС «аргументировано разоблачать буржуазных фальсификаторов истории нашей страны, национальной политики КПСС» [20, с. 9]. И В. П. Булдаков, вопреки принципу научной объективности, «аргументированно разоблачал» кого требовалось, доказывая, что ленинская национальная политика была единственно верной. Он яростно обличал П. Н. Милюкова, занимавшегося «шовинистическим злопыхательством» [20, с. 156], громил «писания» Л. Д. Троцкого, теоретическую беспомощность троцкизма и антикоммунизма [20, с. 163], выводил на чистую воду «ярого антисоветчика» Р. Пайпса [20, с. 10, 163–165]. Работы такого рода В. П. Булдаков публиковал практически до конца советской эпохи [21].

Итак, сам В. П. Булдаков – типичный бывший историк КПСС. И чем иным являются его нынешние рецензии, как не проявлением упомянутой им неспособности «к любым новациям» и попыткой «сохранить атмосферу привычного интеллектуального застоя вокруг себя»?!

Однако после распада СССР суждения В. П. Булдакова приобрели диаметрально противоположный характер относительно предшествующего периода. Уже в 1992 г. он писал о безосновательности названия «Великая Октябрьская социалистическая революция» [22, с. 17], а Л. Д. Троцкого хвалил как революционного лидера, «выдающихся качеств оратора и организатора» [22, с. 34]. А в 1997 г. В. П. Булдаков назвал историков КПСС ни много ни мало «представителями древнейшей профессии» [23, с. 302]. Весьма красноречивое признание. И еще одно: «О большевизме написаны горы литературы. В целом она немногого стоит» [14, с. 426]. Вчерашние «буржуазные фальсификаторы» теперь стали для него примером в научном творчестве, источником вдохновения и подражания [14, с. 16, 406, 613, 641, 647, 854, 899, 919, 926, 932], а российские коллеги – предметом поношения [7, с. 83; 14, с. 630, 637, 838, 854, 857–858, 888, 893, 900, 916, 919, 923, 925, 929]. Правда,

с Р. Пайпсом он продолжил борьбу и в новой России. Как бы то ни было, прежде чем именовать других «перевертышами», В. П. Булдакову полезно было бы объяснить собственную идейную эволюцию. Впрочем, кажется, такое объяснение с присущей В. П. Булдакову откровенностью в его работах имеется: «Авторы, переусердствовавшие в свое время на ниве “истории КПСС”, с наивностью неофитов затевают детскую игру в новые “концепты”» [14, с. 160].

«В моих работах была сделана попытка описания российской революции (в широком смысле слова), как системного кризиса империи, по характеру протекания сходного со Смутой XVII в.» [6, с. 160], – пишет о себе В. П. Булдаков. Но заявленное сравнение российской революции со Смутой XVII в. на проверку оказывается ничем не подкрепленной декларацией и попыткой выдать желаемое за действительное. В трудах В. П. Булдакова нет предметных сопоставлений такого рода (если не считать таковыми четыре страницы самых общих рассуждений о Смуте XVII в. на основе произведений Н. И. Костомарова и С. Ф. Платонова в книге «Красная смута...» [14, с. 649–653, 932–933]), да это и невозможно – автор «Красной смуты...» не является специалистом по столь сложному периоду, как начало XVII в. В новейшем академическом исследовании Смуты XVII в. никаких упоминаний работ В. П. Булдакова, разумеется, нет [24]. О системности описания кризиса империи также не приходится говорить. Мы крайне не рекомендуем читателям обращаться к трудам В. П. Булдакова в поисках системной картины революционных событий, ибо читатель скорее запутается.

Своеобразно понимается В. П. Булдаковым историография. «Обозвал, значит, проанализировал», – так охарактеризовал историографические штудии В. П. Булдакова Б. Н. Миронов [7, с. 82]. Обращение к рецензиям нуждается согласиться с этой емкой оценкой.

В уже упоминавшейся «рецензии» В. П. Булдаков высказывает ряд суждений, отличающихся поразительной историографической беспомощностью. Например, он приписывает В. И. Голдину изобретение понятия «малая Гражданская война», за которой следует ее перерастание в широкомасштабное и фронтовое противоборство [6, с. 159]. Этим, наверное, можно было бы гордиться, но в действительности понятия «малая Гражданская война» и «большая Гражданская война» возникли и употребляются в исторической литературе уже давно. Это связано и с периодизацией российской Гражданской войны, и об этом не раз шли дискуссии в историографии.

Наивно выглядит утверждение В. П. Булдакова, что гражданская война всегда большая. В действительности история гражданских войн, известных человечеству с древности, демонстрирует разные их виды, формы и проявления, и далеко не всегда они выливаются в большие, т.е. охватывающие всю страну и тем более приобретающие глобальный и тотальный характер, как было с российской Гражданской войной (и то не сразу, ведь первые очаги конфликта были сугубо локальными). Нередко они охватывают лишь отдельные территории страны, регионы или местности. Не менее своеобразно утверждение В. П. Булдакова, что гражданские войны начинаются и кончаются помимо воли людей [6, с. 160].

Или еще одно смелое заявление. «Серьезные авторы вроде бы давно согласились (в соответствии с мнениями современников событий), что Граж-

данская война в России началась 25 октября 1917 г.», – пишет он, добавляя, что «сталинская историография навязала “нужное” представление: возникновение Гражданской войны следует относить к лету 1918 г., т.е. к началу интервенции Антанты, прервавшей провозглашенное Лениным “триумфальное шествие Советской власти”» [6, с. 159–160]. Совершенно непонятно, каких серьезных авторов имеет в виду Булдаков, ведь на протяжении многих лет в отечественной и зарубежной историографии идет дискуссия о начале российской Гражданской войны, а объявить ее началом конкретный день практически никто не берется, да это и бессмысленно, ибо гражданские войны не объявляют.

В связи со столетием Гражданской войны прошел очередной раунд этих дискуссий, когда вновь звучали февраль, июнь, август, октябрь 1917 г. или даже 1916 г., а часть исследователей называли конец весны – начало лета 1918 г. Единства мнений не возникло, да и вряд ли это может произойти в дальнейшем, однако большинство историков разделяют суждение о целесообразности подхода к периодизации российской Гражданской войны, трактуя ее в широком и узком смысле слова [25, с. 8, 11–197].

В. П. Булдаков утверждал, что В. И. Голдин пытался в свое время внедрить в научный оборот свое «открытие» – «интервенция по приглашению» [6, с. 161]. На самом деле это понятие было введено в оборот еще политиками держав Антанты в конце 1917 – начале 1918 г., размышлявшими о схеме своих действий в отношении Советской России [26]. В дальнейшем понятие «интервенция по приглашению», или «интервенция с согласия» советского правительства или же по крайней мере местных советских органов, как и «дружественная интервенция», прочно вошло в оборот зарубежной историографии. Анализ этих особенностей начального периода иностранной интервенции находит подробное освещение и в работах одного из авторов этой статьи (упомянем лишь последнюю выпущенную в свет монографию [27]).

По мнению В. П. Булдакова, историографические работы В. И. Голдина состоят в основном из аннотированного перечня опубликованных монографий, что, однако, не имеет ничего общего с действительностью, в чем могут убедиться читатели этих книг [28, 29]. То же касается попыток разбора других монографий В. И. Голдина (В. П. Булдаков не смог без ошибки воспроизвести даже название одной из книг – не «Арктическая жемчужина России», а «Арктическая жемчужина империи») [30].

Необходимо сказать несколько слов и в защиту Ассоциации исследователей Гражданской войны в России (АИГВР). В. П. Булдаков выразил недоумение, почему такая ассоциация была создана именно в Архангельске. Назовем лишь некоторые причины. Ассоциация возникла в результате проведения цикла из шести международных научных конференций под эгидой Поморского университета и Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова на тему «1917–1922 гг. в судьбах России и мира» с участием представителей 12 стран. В ходе их возникла и была реализована идея создания АИГВР. Вокруг этих конференций постепенно сложился круг единомышленников, готовых развернуть деятельность этой организации в тесной взаимосвязи с исследователями из других городов, регионов, научных центров и вузов России и зарубежных стран, начать выпуск «Альманаха АИГВР», несколько выпусков которого уже увидели свет. Утвер-

ждение В. П. Булдакова, что АИГВР стала «мыльным пузырем», оставим на его совести.

Не соответствуют действительности и обвинения в адрес доктора исторических наук А. В. Ганина. Так, справочник А. В. Ганина «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.» (М., 2009) не мог являться его докторской диссертацией, поскольку представляет отдельную, самостоятельную работу. Он не был «раздерган позднее на ряд отдельных монографий», так как «раздергать» биографический справочник на монографии невозможно. А. В. Ганин не мог «в свое время поспешить» с докторской диссертацией, так как успешно ее защитил в 2013 г. после многолетней разработки избранной проблематики с опорой на архивы России и ряда зарубежных стран, что позволило собрать уникальный документальный материал. Научным консультантом выступал уже ушедший из жизни выдающийся ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Э. М. Щагин, а официальными оппонентами – крупные специалисты по теме исследования доктора исторических наук Н. С. Кирмель, М. И. Мельтюхов и Ф. Х. Соколова. Защита состоялась не в Москве, а в Архангельске по причине того, что в Московском педагогическом государственном университете, где А. В. Ганин был прикреплен соискателем, тогда закрылись диссертационные советы, а работа была готова.

А. В. Ганин в своих позднейших трудах давал и дает высокую оценку трудам В. И. Голдина вовсе не потому, что тот был председателем диссертационного совета в 2013 г., как хочется думать В. П. Булдакову, а по объективным причинам. В. И. Голдин является одним из ведущих специалистов по истории Гражданской войны в России, что признается отечественным научным сообществом и подтверждается хотя бы тем обстоятельством, что он является одним из ответственных редакторов 12-го тома («Гражданская война в России. 1917–1922 гг.», в двух книгах) многотомной «Истории России», которая издается под эгидой Института российской истории Российской академии наук.

Серия монографий А. В. Ганина никак не «перетасовывает все тот же материал» и не является проявлением «графомании и нарциссизма», а касается широкого спектра конкретно-исторических вопросов [31–46]. Наряду с монографическими работами А. В. Ганиным подготовлены комментированные академические публикации важнейших исторических источников из архивов России, Франции, США [47–52]. Отклик В. П. Булдакова показывает, что обо всех этих работах он либо не знает, либо намеренно их замалчивает. С другой стороны, зачем вообще заниматься историей, если, согласно В. П. Булдакову, «слух, предрассудок, ложное представление в ней важнее реального факта» [14, с. 11]?

Список литературы

1. Булдаков В. П. Историографическая показуха. Заметки о книге «Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет» (под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО–XXI, 2013) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 2. С. 125–141.
2. Булдаков В. П. Историографический сумбур наших дней. О книге Е. Ю. Семеновой «Российский город в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья)». Самара, 2016. 198 с. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 2. С. 114–130.

3. Булдаков В. П. Плоды методологической беспомощности. О книге А. В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» (М. : Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с., ил.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 1. С. 125–141.
4. Булдаков В. П. Беженцы Первой мировой и их современные исследователи. О книге Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалева, С. А. Пьянкова «Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.)». Екатеринбург ; Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 493 с. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 3 (63). С. 135–145.
5. Булдаков В. П. Историк и призрак полицейского государства (Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 648 с.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 4 (68). С. 171–179.
6. Булдаков В. П. К вопросу о происхождении историографических нелепостей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2024. № 3 (71). С. 155–167.
7. Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М. : Весь мир, 2014. 336 с.
8. Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. : материалы Междунар. colloквиума (г. Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013г.). СПб. : Нестор-история, 2015. 572 с.
9. Иоффе Г. З. Четвертая волна. М. : Каллиграф, 2012. 141 с.
10. Иоффе Г. З. Первая мировая война и русская революция 1917 года // Наука и жизнь. 2014. № 11. С. 26–35.
11. Иоффе Г. З. Иные времена. Воспоминания. М. : Филобиблон, 2015. 324 с.
12. 1917 год в Евразии. М. : [Б.и.], 2017. 600 с.
13. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск : САФУ, 2018. 619 с.
14. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М. : РОССПЭН, 2010. 967 с.
15. Во имя науки – на благо Отечества. Архангельск : САФУ, 2016. 245 с.
16. Голдин В. И. На перекрестках памяти. Архангельск : САФУ, 2021. 495 с.
17. Жизнь, полная смысла. Архангельск : Лоция, 2021. 298 с.
18. Жить, познавая мир // Вузовский вестник (Москва). 2021. № 15–16. С. 4–5.
19. Булдаков В. П. «Легальный марксизм» и эволюция буржуазной либеральной идеологии в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 22 с.
20. Булдаков В. П., Кулешов С. В. История образования СССР и критика ее фальсификаторов : монография. М. : Высшая школа, 1982. 176 с.
21. Булдаков В. П., Михайлов И. В. Октябрьская революция: к критике методологических основ немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ. М. : Наука, 1989. С. 347–368.
22. Бурганов А., Булдаков В., Бухараев В. Красный Октябрь: двулика история. Казань : Библиотека журнала «Казань», 1992. 64 с.
23. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 376 с.
24. История России : в 20 т. Т. 5: Россия в XVII веке. Кн. 1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы / отв. ред. Д. В. Лисейцев. М. : Наука, 2024. 770 с.
25. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб. : ЛЭТИ, 2018. 407 с.

26. Иванов А. А. Интервенция «по приглашению»: российский опыт // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 8. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/08/26093> (дата обращения: 07.11.2024).
27. Голдин В. И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России : монография. М. : Кучково поле, 2024. 480 с.
28. Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск : Боргес, 2000. 277 с.
29. Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск : МГТУ, 2012. 333 с.
30. Голдин В. И. Арктическая жемчужина империи. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны. М. : Вече, 2022. 445 с.
31. Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева. М. : Кучково поле, 2012. 320 с.
32. Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты» : ст. и док. М. : Русский путь, 2013. 880 с.
33. Ганин А. В. Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София : Милена-принт, 2014. 114 с.
34. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М. : Книжница, 2014. 768 с.
35. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М. : Кучково поле, 2016. 680 с.
36. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. М. : Кучково поле, 2017. 680 с.
37. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М. : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2018. 864 с.
38. Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России. 1917–1922 гг. М. : Старая Басманная, 2018. 272 с.
39. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2019. 318 с.
40. Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М. : Пятый Рим, 2020. 800 с.
41. Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М. : Русские Витязи, 2021. 256 с.
42. Ганин А. В. Свој међу туђима и туђ међу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд : Еволута, 2021. 448 с.
43. Ганин А. В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М. : Кучково поле, 2022. 768 с.
44. Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе 1917–1922 гг. М. : Кучково поле Музеон : Воевода, 2022. 704 с.
45. Ганин А. В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М. : Кучково поле Музеон, 2022. 560 с.
46. Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. : в 2 т. М. : Кучково поле Музеон, 2023. Т. 1. 1000 с. ; Т. 2. 968 с.
47. Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М. : Кучково поле : Воевода, 2017. 928 с.
48. Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход. Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М. : Связь эпох : Воевода, 2020. 512 с.
49. Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М. ; СПб. : Нестор-история, 2021. 576 с.
50. Цейтлин В. М. Дневник штабс-капитана. 1914–1918 / под ред. А. В. Ганина. М. : Связь эпох : Воевода, 2021. 351 с.
51. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М. : Нестор-история, 2022. 480 с.

52. Щепихин С. А. Воспоминания 1918–1920 гг. / под ред. А. В. Ганина. М. : Связь эпох, 2024. 976 с.

References

1. Buldakov V.P. Historiographical window dressing. Notes on the book “Between the canons. Historical research in Russia over the last 25 Years” (edited by G.A. Bordyugov. M.: AIRO-XXI, 2013). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2016;(2):125–141. (In Russ.)
2. Buldakov V.P. The Historiographical confusion of our days. On the book by E.Yu. Semenov “The Russian city during the years of the First World War (by the materials from the Volga Region)”. Samara, 2016. 198 p. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2018;(2):114–130. (In Russ.)
3. Buldakov V.P. The Fruits of Methodological Helplessness. About the Book by A.V. Ganin “Seven reasons of the Russian Civil War” (Moscow: Izd-vo “Pyatyy Rim” (OOO “Best-seller”), 2018. 864 s., il.). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2019;(1):125–141. (In Russ.)
4. Buldakov V.P. Bezhtensy The first world and their modern researchers. About the book by N.V. Surzhikovoy, N.A. Mikhalev, S.A. P'yankov “Russian Bezhenstvo: Centers and Peripheries, Processes and Structures, Individuals and Masses (1914–1922)”. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YUUrGU, 2021. 493 s. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2022;(3):135–145. (In Russ.)
5. Buldakov V.P. Historian and elder brother of the political state (Khutarev-Garnishevskiy V. V. Counter-Strike. Special services, army and state on the Eve of the Fall of the Russian Empire, 1913–1917). M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2020. 648 s.). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2023;(4):171–179. (In Russ.)
6. Buldakov V.P. On the origin of historiographic absurdities. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2024;(3):155–167. (In Russ.)
7. Mironov B.N. *Strasti po revolyutsii: Nравy v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii. 2-e izd. = Passions for the revolution: morals in Russian historiography in the information age. The 2nd edition*. Moscow: Ves' mir, 2014:336. (In Russ.)
8. *Malen'kiy chelovek i bol'shaya vojna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: materialy Mezhdunar. kollokviuma (g. Sankt-Peterburg, 17–20 iyunya 2013 g.) = The little man and the Great War in Russian history: Mid-20th – Mid-20th century: Proceedings of the International Colloquium*. Saint Petersburg: Nestor-istoriya, 2015:572. (In Russ.)
9. Ioffe G.Z. *Chetvertaya volna = The fourth wave*. Moscow: Kalligraf, 2012:141. (In Russ.)
10. Ioffe G.Z. World War I and the Russian Revolution of 1917. *Nauka i zhizn' = Science and life*. 2014;(11):26–35. (In Russ.)
11. Ioffe G.Z. *Inyye vremena. Vospominaniya = Other times. Memories*. Moscow: Filobiblon, 2015:324. (In Russ.)
12. *1917 god v Yevrazii = 1917 in Eurasia*. Moscow: [B.i.], 2017:600. (In Russ.)
13. Goldin V.I. *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoy voyne: Popytki reform. Revolyutsii. Mezhdunarodnaya interventsia. 1900 – leto 1918 = The Russian North on the road to Civil War: Attempts at reform. Revolutions. International intervention. 1900 – Summer 1918*. Arkhangel'sk: SAFU, 2018:619. (In Russ.)
14. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. 2-e izd., dop. = Red troubles: the nature and consequences of revolutionary violence. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: ROSSPEN, 2010:967. (In Russ.)
15. *Vo imya nauki – na blago Otechestva = In the name of science – for the benefit of the Fatherland*. Arkhangel'sk: SAFU, 2016:245. (In Russ.)

16. Goldin V.I. *Na perekrestkakh pamyati = At the crossroads of memory*. Arkhangel'sk: SAFU, 2021:495. (In Russ.)
17. *Zhizn', polnaya smysla = A life full of meaning*. Arkhangel'sk: Lotsiya, 2021:298. (In Russ.)
18. Live, learning about the world. *Vuzovskiy vestnik (Moskva) = University bulletin (Moscow)*. 2021;(15–16):4–5. (In Russ.)
19. Buldakov V.P. “Legal Marxism” and the evolution of bourgeois liberal ideology in Russia: PhD abstract. Moscow, 1975:22. (In Russ.)
20. Buldakov V.P., Kuleshov S.V. *Istoriya obrazovaniya SSSR i kritika yeye fal'si-fikatorov: monografiya = History of the formation of the USSR and criticism of its file'sifiers: monograph*. Moscow: Vysshaya shkola, 1982:176. (In Russ.)
21. Buldakov V.P., Mikhaylov I.V. The October revolution: towards a critique of the methodological foundations of non-Marxist historiography. *Sovremennaya zarubezhnaya nemarksistskaya istoriografiya: Kriticheskiy analiz = Contemporary foreign non-Marxist historiography: Critical analysis*. Moscow: Nauka, 1989:347–368. (In Russ.)
22. Burganov A., Buldakov V., Bukharayev V. *Krasnyy Oktyabr': dvulikaya istoriya = Red October: a two-faced history*. Kazan: Biblioteka zhurnala «Kazan'», 1992:64. (In Russ.)
23. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya = Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence*. Moscow: ROSSPEN, 1997:376. (In Russ.)
24. Liseytshev D.V. (resp. ed.). *Istoriya Rossii: v 20 t. T. 5: Rossiya v XVII veke. Kn. 1: Rossiyskoye gosudarstvo v pervoy polovine XVII veka. 1598–1645 gody = History of Russia: in 20 volumes. Volume 5: Russia in the 17th century. Book 1: Russian State in the first half of the 17th century. 1598–1645*. Moscow: Nauka, 2024:770. (In Russ.)
25. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii = The Civil War in Russia: a view 100 Years Later. Issues of history and historiography*. Saint Petersburg: LETI, 2018:407. (In Russ.)
26. Ivanov A.A. Intervention by invitation: the Russian experience. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific research and innovation*. 2013;(8). (In Russ.). Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2013/08/26093> (accessed 07.11.2024).
27. Goldin V.I. *Anatomiya interventsii, ili Kto i kak razvyazal Grazhdanskuyu voynu na Severe Rossii: monografiya = Anatomy of intervention, or Who and how unleashed the Civil War in the North of Russia: monograph*. Moscow: Kuchkovo pole, 2024:480. (In Russ.)
28. Goldin V.I. *Rossiia v grazhdanskoy voyne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody) = Russia in the Civil War. Essays on the newest historiography (second half of the 1980s – 90s)*. Arkhangel'sk: Borges, 2000:277. (In Russ.)
29. Goldin V.I. *Grazhdanskaya voyna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskiye protsessy = The Civil War in Russia through the prism of years: historiographic processes*. Murmansk: MGGU, 2012:333. (In Russ.)
30. Goldin V.I. *Arkticheskaya zhemchuzhina imperii. Russkiy Sever v epokhu reform, revolyutsiy i Pervoy mirovoy voyny = Arctic Pearl of the Empire. Russian North in the age of reforms, revolution and World War I*. Moscow: Veche, 2022:445. (In Russ.)
31. Ganin A.V. *Posledniye dni generala Selivacheva = The Last Days of General Selivachev*. Moscow: Kuchkovo pole, 2012:320. (In Russ.)
32. Ganin A.V. «Mozg armii» v period «Russkoy Smuty»: st. i dok. = “The brain of the army” during the “Russian Time of Troubles”: articles and reports. Moscow: Russkiy put', 2013:880. (In Russ.)
33. Ganin A.V. *B'lgarin"t zashchitil Rusiya. S"dbata na Yordan Pekhlivanov*. Sofiya: Milena-print, 2014:114.
34. Ganin A.V. *Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii 1914–1922 = The decline of the Nikolaev Military Academy 1914–1922*. Moscow: Knizhnitsa, 2014:768. (In Russ.)
35. Ganin A.V. *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom = Everyday life of the General Staff officers under Lenin and Trotsky*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016:680. (In Russ.)

36. Ganin A.V. *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom. 2-e izd., ispr. = Everyday life of the General Staff officers under Lenin and Trotsky. The 2nd edition, revised.* Moscow: Kuchkovo pole, 2017:680. (In Russ.)
37. Ganin A.V. *Sem' «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voyny = Seven reasons of the Russian Civil War.* Moscow: Pyatyy Rim (OOO «Bestseller»), 2018:864. (In Russ.)
38. Ganin A.V. *Ofitserkiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii. 1917–1922 gg. = Officer corps during the Russian Civil War. 1917–1922.* Moscow: Staraya Basmannaya, 2018:272. (In Russ.)
39. Ganin A.V. *Russkiy ofitserkiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny. Protivostoyaniye komandnykh kadrov. 1917–1922 gg. = Russian officer corps during the Civil War. Confrontation of command personnel. 1917–1922.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2019:318. (In Russ.)
40. Ganin A.V. *Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoy armii, pereshedshiye na storonu protivnika v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917–1922 gg. = Treason of army commanders. Representatives of the Red Army's high command who came over to the enemy's side during the Russian Civil War 1917–1922.* Moscow: Pyatyy Rim, 2020:800. (In Russ.)
41. Ganin A.V. *Belyy general i krasnyy voyenspets Yakov Slashchev-Krymskiy = White General and Red Military Specialist Yakov Slashchev-Krymsky.* Moscow: Russkiye Vityazi, 2021:256. (In Russ.)
42. Ganin A.V. *Svoj mehu tujima i tuj mehu svojima. Sudbina ruskog ofitsira i jugoslovenskog generala Fjodora Makhina.* Beograd: Yevoluta, 2021:448.
43. Ganin A.V. *Voyenspetsy. Ocherki o byvshikh ofitserakh, stoyavshikh u istokov Krasnoy armii = Military Specialists. Essays on former officers who stood at the origins of the Red Army.* Moscow: Kuchkovo pole, 2022:768. (In Russ.)
44. Ganin A.V. *50 ofitserov. Geroi, antigeroy i zherty na istoricheskom perelome 1917–1922 gg. = 50 Officers. Heroes, antiheroes and victims at the historical turning point of 1917–1922.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon: Voyevoda, 2022:704. (In Russ.)
45. Ganin A.V. *Belyy agent pri Staline. Zhizn' i bor'ba generala Nosovicha = White agent under Stalin. Life and struggle of general nosovich.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2022:560. (In Russ.)
46. Ganin A.V. *Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917–1922 gg.: v 2 t. = Personnel of the General Staff during the Russian Civil War 1917–1922: in 2 volumes.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023;1:1000, 2:968. (In Russ.)
47. Inostrantsev M.A. *Vospominaniya. Konets imperii, revolyutsiya i nachalo bol'shevizma = Memories. The end of the empire, revolution and the beginning of bolshevism.* Moscow: Kuchkovo pole: Voyevoda, 2017:928. (In Russ.)
48. Shchepikhin S.A. *Sibirskiy Ledyanoy pokhod. Vospominaniya = Siberian Ice march. Memories.* Moscow: Svyaz' epokh: Voyevoda, 2020:512. (In Russ.)
49. Nosovich A.L. *Belyy agent v Krasnoy armii: vospominaniya, dokumenty, stat'i = White agent in the Red Army: memoirs, documents, articles.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-istoriya, 2021:576. (In Russ.)
50. Tseytlin V.M. *Dnevnik shtabs-kapitana. 1914–1918 = Diary of a staff captain. 1914–1918.* Moscow: Svyaz' epokh: Voyevoda, 2021:351. (In Russ.)
51. Ganin A.V. (ed.) *Yuzhnaya armiya Vostochnogo fronta admirala Kolchaka: Vospominaniya, dokumenty i materialy = Southern Army of the Eastern Front of Admiral Kolchak: Memories, documents and materials.* Moscow: Nestor-istoriya, 2022:480. (In Russ.)
52. Shchepikhin S.A. *Vospominaniya 1918–1920 gg. = Memories 1918–1920.* Moscow: Svyaz' epokh, 2024:976. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владиславович Ганин

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
(Россия, г. Москва, Ленинский
пр-кт, 32А)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Andrey V. Ganin

Doctor of historical sciences,
leading researcher, Institute
of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences
(32A Leninskiy avenue,
Moscow, Russia)

Владислав Иванович Голдин

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры регионоведения,
международных отношений
и политологии, Северный
(Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, г. Архангельск,
пр-кт Ломоносова, 2)

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Vladislav I. Goldin

Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of regional studies,
international relations and political
sciences, Northern (Arctic) Federal
University named after M.V. Lomonosov
(2 Lomonosova avenue, Arkhangelsk,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2025

Принята к публикации / Accepted 02.02.2025

УДК 930

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-6

Причины принятия плана Маршалла в современной русской историографии

П. В. Тетерин¹, Н. С. Конев²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹teterinpost@yandex.ru, ²war-nik@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Необходимость изучения вопросов, связанных с освещением причин введения плана Маршалла в отечественной историографии, обусловлена слабой степенью систематизации и обобщения результатов исследований, что затрудняет концептуализацию проблемы. Цель работы – проанализировать проблему раскрытия причин американской политики плана Маршалла, в работах современных российских историков. *Материалы и методы.* Рассмотрены актуальные вопросы, посвященные научному анализу взглядов современных российских историков на проблематику причин американской политики плана Маршалла, и восприятие ее отечественными учеными (с начала 2000-х и до 2024 г.). Главным предметом изучения является рассмотрение и анализ контента в виде следующих факторов: экономических, внешнеполитических и идеологических. Методологическая база основывается на таких методах, как сравнительно-исторический, историко-типологический, проблемно-хронологический. *Результаты.* Итоги исследования получены с помощью анализа работ современных российских историков об основных факторах плана Маршалла. Результаты дают возможность объективно изучить план Маршалла в представлении современного исторического сообщества. *Выводы.* Ценность проведенного исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть применены для рассмотрения проблематики и понимания сути конфликта в начале холодной войны, изучения европейских интеграционных процессов и роли США в данном историческом процессе. Данное исследование может быть интересным для широкой аудитории, включая историков, политологов, экономистов и обычных читателей, которые интересуются историей холодной войны и современной политикой.

Ключевые слова: Европа, историография, план Маршалла, причины, СССР, США, холодная война

Для цитирования: Тетерин П. В., Конев Н. С. Причины принятия плана Маршалла в современной русской историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 64–75. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-6

Reasons for the adoption of the Marshall Plan in modern Russian historiography

P.V. Teterin¹, N.S. Konev²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

© Тетерин П. В., Конев Н. С., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract. Background. The need to study issues related to the coverage of the reasons for the introduction of the Marshall Plan in domestic historiography is due to the weak degree of systematization and generalization of research results, which complicates the conceptualization of the problem. The purpose of the work is to analyze the problems of revealing the causes of the American policy of the Marshall Plan in the modern works of Russian historians. **Materials and methods.** Topical issues devoted to the scientific analysis of the views of modern Russian historians on the causes of the American Marshall Plan policy and the perception of it by domestic scientists (from the early 2000s to 2024) are considered. In scientific work, the main subject is the consideration and analysis of content in the form of the following factors: economic, foreign policy and ideological. The methodological base is based on such methods as: comparative-historical, historical-typological, problem-chronological. **Results.** The results of the study were obtained by analyzing the works of modern Russian historians on the main factors of the Marshall Plan. The results provide an opportunity to objectively study the Marshall Plan in the view of the modern historical community. **Conclusions.** The value of the conducted research lies in the fact that the findings can be applied to consider the issues and understand the essence of the conflict at the beginning of the Cold War, to study European integration processes and the role of the United States in this historical process. This article may be of interest to a wide audience, including historians, political scientists, economists and ordinary readers who are interested in the history of the Cold War and modern politics.

Keywords: Europe, historiography, Marshall Plan, causes, USSR, USA, Cold War

For citation: Teterin P.V., Konev N.S. Reasons for the adoption of the Marshall Plan in modern Russian historiography. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):64–75. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-6

Введение

Современная российская историография находится в состоянии интенсивного изучения проблем начального этапа холодной войны (1945–1949 гг.). Американская программа план Маршалла¹ стала знаковым событием начального периода противостояния. Изучение разнообразия мнений российских историков о причинах возникновения плана Маршалла США в ходе развязывания холодной войны остается актуальной темой не только для восстановления исторической правды, но и для подведения итогов развития современной отечественной историографии.

Материалы и методы

Исследование причин реализации плана Маршалла было проведено недостаточно детально, и этой теме не уделено должного внимания в крупных исследованиях (монографиях и диссертациях). В отечественной исторической науке, как в советской, постсоветской, так и в современной россий-

¹ План Маршалла (официально – Европейская программа восстановления) был предложен США в 1947 г. Автором данной программы стал Джордж Маршалл – американский генерал и государственный деятель, который был одним из важнейших политических и военных лидеров США в первой половине XX в. Он занимал множество высоких постов в армии и правительстве США, включая должности главы Генерального штаба армии США, министра обороны и государственного секретаря.

ской, не проводилось историографическое исследование данной темы, что обосновывает актуальность данной научной публикации. Существуют работы, в которых данное направление только затрагивается различными специалистами (историками, международниками, американистами и др.). Одной из первых работ, посвященных изучению историографии данного вопроса, была статья под авторством Н. И. Егоровой, И. В. Гайдука [1], в которой раскрывается анализ многофакторного подхода к изучению причин возникновения холодной войны. В своей статье О. Н. Широков опирается на мнение двух отечественных историков (Н. В. Захаровой [2] и А. И. Уткина [3]) касавшегося плана Маршалла и становления восточно-европейского блока [4, с. 86, 89], который стал фактором, поспособствовавшим складыванию Союза экономической взаимопомощи (СЭВ)¹. В. В. Согрин на основании работы британского писателя, историка и автора путеводителей Й. Литтлвуда² делает далеко идущий вывод о необходимости пересмотреть все исследования российской и зарубежной истории, отказаться от «апологических оценок исторического значения плана Маршалла» [5, с. 166]. В историографической статье А. А. Калинина, посвященной изучению холодной войны, автор лишь касается плана Маршалла, приводит мнение В. И. Батюка, который анализировал советскую внешнюю политику, виновную в отказе от плана Маршалла: «...в СССР рассматривали экономику как “игру с нулевой суммой”³, в которой неизбежно проиграет тот, кто слабее» [6, с. 92]. Данное обвинение подвергалось критике отечественными историками А. И. Уткиным [7, с. 98–99], Л. М. Млечиным [8, с. 87] и И. Г. Жиряковым [9, с. 98], которые анализировали причины отказа от плана Маршалла. По их мнению, американская политика вообще не предусматривала в нем советского участия. Об этом, кстати, пишет К. В. Минкова, утверждая, что условия принятия американской экономической программы для СССР были не приемлемы: «...предложения советской стороны в действительности никого не интересовали. <...> “целью Маршалла было открыть для России дверь, в которую она не войдет”» [10, с. 120–121]. В статье И. Г. Жирякова проведен сравнительный анализ советской и современной российской историографии по данному вопросу, где автор отмечает, что на советских историков прежде всего повлияла коммунистическая идеология «в четко определенном ракурсе, заданном еще “идеологом ВКП(б)” А. А. Ждановым». И. Г. Жиряков считает, что современные историки имеют различные точки зрения на причины «отказа советского руководства от участия в плане Маршалла и на последствия этого отказа для нашей страны и Европы» [11, с. 74].

¹ Союз экономической взаимопомощи создан в 1949 г. в рамках инициативы СССР для экономического сотрудничества с другими странами Восточной Европы. Целью СЭВ было укрепление экономического сотрудничества между странами-участниками, обеспечение их экономического развития и повышение жизненного уровня населения. В рамках СЭВ осуществлялся обмен товарами, технологиями, идеями, а также совместные инвестиции и проекты.

² Йен Литтлвуд – британский писатель, автор книг по истории и культуре.

³ Игра с нулевой суммой – игра, в которой выигрыш одного участника равен проигрышу другого участника и общая сумма выигрышей и проигрышей равна нулю. В таких играх одна сторона может выиграть только за счет того, что другая сторона проиграет. Примерами игр с нулевой суммой могут быть различные виды азартных игр, такие как покер, где один игрок может выиграть только за счет того, что другой игрок проиграет.

Отдельно следует отметить в историографии изучаемой темы рецензии. Оценка плана Маршалла дана в рецензии В. В. Зубова на работу М. А. Липкина, в которой раскрывается значимость американских кредитов для Советского Союза в послевоенное время [12]. В статье-рецензии А. И. Сенникова дается подробная и положительная оценка на монографию К. В. Минковой, где разоблачается американская сторона, которая «использовала экономическую помощь как рычаг политического давления на Москву» [13, с. 120].

В целом, в российской историографии отсутствует комплексный и многофакторный анализ причин американской программы. Как выразился И. Г. Жиряков в своем исследовании, рассуждая о европейской капиталистической интеграции, причины чаще всего подробно изложены, но «эти описания сводятся, в основном, к выявлению “закономерностей”, “объективных факторов” и т.п.» [14, с. 56]. К. В. Минкова подчеркнула, что, несмотря на обширность исследований плана Маршалла в отечественной историографии, лишь немногие историки «уделяют должное внимание истокам происхождения программы послевоенного восстановления Европы» [15, с. 53].

В данной работе проведен историографический анализ проблем полноты раскрытия различных факторов принятия США плана Маршалла. В статье рассматриваются различные стороны причин (экономических, внешнеполитических и идеологических) американской политики. Исследовано, насколько продвинулась современная отечественная историография (с начала 2000 до 2024 г.) в изучении плана Маршалла.

Результаты и обсуждение

Очень важно понять причины появления плана Маршалла. В современной российской исторической литературе они относятся к наиболее исследованному фактору и представлены почти во всех изученных работах. Традиционно еще с советских времен отечественные историки справедливо уделяют большое значение такому аспекту, как экономика.

В российской историографии особое внимание уделено экономическим причинам возникновения плана Маршалла, которые являются одним из важнейших факторов начального периода холодной войны. В. А. Райкова считает, что причиной разработки плана Маршалла были экономические проблемы в Европе после Второй мировой войны и «смягчение кризисной ситуации». По мнению автора, причиной отсутствия компромисса между Западом и СССР по решению послевоенных проблем явилась неудача в попытке разрешения спорной ситуации на апрельском заседании 1947 г. Совета министров иностранных дел¹ в Москве и последовавшая за этим разработка американской программы [16, с. 17]. Мотивом США при принятии и ратификации плана Маршалла, по мнению Н. Н. Бонцевича, было стремление к укреплению ведущей роли в процессе стабилизации мировой экономики. Для этого Соединенные Штаты использовали «предоставление займов и кредитов другим странам». Автор утверждает, что американское руководство пыталось утвердить лидирующую роль в международных отношениях,

¹ В апреле состоялась Московская сессия, на которой приняли участие СССР, США, Англия, Франция. На заседании решались вопросы, касающиеся положения послевоенной Германии и предоставления СССР репараций из немецкой продукции.

применяя принцип «Открытых дверей»¹, адаптированный из китайской политики, заключающийся в «сотрудничестве наций в деле расширения торговли, занятости, стандартов жизни» при помощи своего экономического доминирования на глобальном уровне. США, по мнению Н. Н. Бонцевича вели борьбу с «автаркией»², высокими тарифами, ограничениями в торговле и занятости» [17, с. 57]. И. Ненов вслед за Н. Н. Бонцевичем не обходит стороной такие экономические причины, как закрытость экономики в связи со Второй мировой войной, кризисные явления в самих США. Поэтому, по мнению И. Ненова, план Маршалла действовал на упреждение послевоенного кризиса перепроизводства и обеспечение американского «экспорта на ими же созданный западноевропейский рынок; <...> создание мировой системы свободной торговли и мира “открытых дверей”». И. Ненов выделяет экономический фактор плана Маршалла, ссылаясь на документы госдепа, среди которых была западноевропейская интеграция с целью стабилизации капиталистической системы. Для Америки Европа является важнейшим торговым партнером, от которого зависит ее благосостояние, что обеспечивает «доминирующую позицию США» [18, с. 38]. Более подробно об этом пишет В. Д. Боброва, формулируя причину создания американской программы во избежание экономического кризиса с помощью Европы [19, с. 78]. Автор в статье выделяет обоюдность экономических причин как для США, так и для Западной Европы. В. Д. Боброва указывает, что в отсутствии такой программы могла возникнуть депрессия, но осуществление плана Маршалла «обеспечило большую самоокупаемость экономического возрождения Европы» и «обновление технологической базы американской экономики» [19, с. 74]. Еще одной экономической причиной, по мнению В. Д. Бобровой, стало превращение народов Европы в «объект колониальной эксплуатации американскими монополиями» [19, с. 78]. Б. Г. Путилин и В. А. Золотарев отмечали гарантии закрепления влияния США в экономике Европы [20, с. 90]. Ю. И. Иваницкая выделяет такие экономические причины, как американский экспорт в Европу, дабы не возник кризис перепроизводства, и недопущение перехода европейских стран на социалистический путь развития [21, с. 2545]. К. А. Белоусова считает, что причиной плана Маршалла стало желание США вернуть европейские страны на капиталистические рельсы [22, с. 51]. Исследователь указывает на тесные экономические связи Соединенных Штатов с Европой, восстановление экономических центров в Старом свете, что способствовало увеличению американских доходов и, как следствие, уменьшению издержек оборонной конверсии [22, с. 45]. В следующей работе К. А. Белоусова отмечает значимость в создании плана Маршалла такой экономико-психологической причины, как страх перед новой Великой депрессией 2.0, которую ожидали

¹ Политика «Открытых дверей» (1899–1949) – американская политическая доктрина, проводившаяся в Китае, в основе которой – идеи государственного секретаря США Дж. Хэя – обеспечение проникновения на китайский рынок американских монополий и минимизация влияния колониального европейского капитала. Является классическим американским примером миссионерской дипломатии.

² Автаркия – экономическая доктрина, согласно которой государство стремится к самообеспечению и не зависит от импорта товаров из других стран. В рамках автаркии страна по возможности производит все необходимые для жизни продукты и товары самостоятельно. Этот термин используется в экономике для описания политики, направленной на ограничение торговли с другими странами и поддержание автономии в экономических вопросах.

аналитики после завершения войны на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой: «Быстрый рост объема производства... грозил кризисом перепроизводства и, чего так боялись в послевоенных США, возвратом к депрессии» [23, с. 114].

Другой экономической причиной принятия американской программы стало стремление Запада уйти от дезинтеграционных к интеграционным процессам в экономике, об этом пишет И. Г. Жиряков: «...обособленно восстановить разрушенное войной хозяйство и развивать свои национальные экономики невозможно» [14, с. 56]. В современной российской историографии существует мнение, что план Маршалла был консервным ножом, который вскрывал европейскую экономику для США. Данный интеграционный процесс прокомментировал Ю. П. Бокарев: «План нацеливал на то, чтобы открыть доступ к западноевропейским рынкам» [24, с. 92]. Подобная точка зрения присутствует в более поздней работе М. Д. Анфиногентовой, где он также уделяет внимание тому, насколько европейский рынок был прибылен для США, но пишет и о необходимости интеграции Европы, чтобы были устранены все валютные и таможенные барьеры [25, с. 152].

В работах российских историков значительное внимание уделяется роли Великобритании в плане Маршалла. Затрагиваются частные вопросы, по которым можно сделать вывод об общих процессах, происходящих в мире. Д. И. Портнягин считает, что экономическим фактором, заинтересовавшим Великобританию в плане Маршалла, стала потребность в наращивании межконтинентального товарооборота, торговый дисбаланс с США и нехватка американской валюты: «Главная причина – дефицит долларов» [26, с. 212]. К. В. Минкова вслед за Д. И. Портнягиным подчеркивает важность рассмотрения роли Соединенного Королевства. В работе К. В. Минковой написано, что причина разработки плана по восстановлению Европы возникла во многом из-за ухудшения экономической обстановки в Великобритании, что могло повлечь за собой уязвимость и изоляцию США [15, с. 54]. Автор считает, что «поддержание экономической стабильности» Англии обусловлено необходимостью реализации плана Маршалла [15, с. 55].

На основании вышеизложенного можно назвать следующие экономические причины создания плана Маршалла: решение послевоенных экономических проблем для предотвращения кризисов и поддержки стабильности в Европе; сохранение Европы как важного торгового партнера Соединенных Штатов и создание единого западноевропейского рынка для американских предприятий; превращение европейских народов из субъектов в объекты неокOLONиальной эксплуатации со стороны крупных американских транснациональных корпораций; необходимость предотвращения экономического кризиса в США путем увеличения экспорта и притока долларов; установление мирового порядка на основе принципов политики «открытых дверей» для интеграции Европы в американскую экономику; отказ от изоляции и протекционизма, чтобы сохранить капитализм и предотвратить возрождение европейского экономического суверенитета; страх перед «призраком» Великой депрессии 2.0 и изоляционистскими настроениями, которые препятствовали экономическому росту в США; дефицит доллара в мире и обесценивание других валют сделали его основным средством международной торговли, что стало важнейшей причиной необходимости укрепления его значения в мире.

Часть российских историков полагает, что истоки плана Маршалла лежали в противоборствующих идеологиях, которые играли важнейшую роль в развязывании холодной войны. Исходя из этого постулата, в работе В. Д. Бобровой представлена такая причина США в проведении политики плана Маршалла – приостановить демократическое движение в Европе путем предоставления экономической помощи. Автор отмечает, что политико-идеологической причиной было «лишить европейские страны их самостоятельности» [19, с. 78]. Н. С. Малышева также обращает внимание на идеологические основания на примере Франции. В ее труде рассматривается фактор, где приход к власти коммунистов мог навлечь внутривнутриполитический кризис внутри государства. Это осложнило бы реализацию американской программы во Франции, что было не в интересах правительственной французской верхушки, которая в лице премьер-министра Поля Рамадье¹ вела борьбу с компартией, исключая министров-коммунистов из правительства [27, с. 50]. Д. В. Демин обращает внимание на идеологическую причину генезиса плана Маршалла. Проблемой, по его мнению, явились коммунистические партии, набиравшие популярность в Западной Европе. В качестве примера приводится Франция, где население с негативом воспринимало американский образ жизни, характеризуя его как «материалистический и гедонистический» [28, с. 47]. В статье К. В. Минковой представлены причины, по которым Вашингтон придерживается данной политики «стабильности», «должных политических процессов во всем мире и противостояния распространению хаоса и экстремизма» [15, с. 55]. Согласно госдепу, под хаосом и экстремизмом понимается прежде всего приход к власти коммунистов во многих странах мира.

Современные российские специалисты отмечают ряд идеологических причин принятия плана Маршалла. Во-первых, американская политика была нацелена на сдерживание растущего влияния коммунистических партий в Западной Европе, особенно во Франции и Италии. Эти партии пользовались значительной поддержкой населения. Во-вторых, образ жизни в США вызывал отторжение в ряде европейских стран, в частности во Франции. Европейцы осуждали материалистический и гедонистический уклад американского общества. В-третьих, политику плана Маршалла отчасти спровоцировал внутривнутриполитический кризис в европейских государствах, который связан с гипотетической возможностью прихода к власти коммунистов, что не было в интересах США.

Помимо идеологических существовали и внешнеполитические причины, которые также способствовали принятию плана Маршалла. В российской историографии уделено значительное внимание этому фактору. Например, В. Д. Боброва выделяет укрепление американской империалистической системы [19, с. 78]. На внешнеполитическую причину указывал Т. И. Савинченко, который писал, что СССР считал страны Восточной Европы своей идеологической и геополитической зоной влияния [29, с. 132–133]. Причиной послужила, как пишет К. В. Минкова, попытка Соединенных Штатов исключить влияние Советского Союза на страны Центральной и Восточной Европы [10, с. 121]. Среди внешнеполитических причин принятия плана Маршалла

¹ Поль Рамадье (1888–1961) – французский политик и государственный деятель. Премьер-министр в 1947 г. во время Четвертой республики.

современные российские авторы выделяют создание новой политической структуры в Европе, данной точки зрения придерживается и И. Г. Жиряков. Автор отмечал, что вместе с США Великобритания и Французское государство разрабатывали план по организации системы, которая могла бы «диктовать свои условия странам, принимающим американскую помощь, в экономической политике» [11, с. 82]. В статье К. В. Минковой рассмотрены предложения Джорджа Кеннана, посла в Советском Союзе, которые «разрабатывались под Западную Европу и с перспективой создания там некоего подконтрольного США политического института» [15, с. 57]. А. И. Сенников оценивает внешнеполитическую причину американской политики как стремление «по возможности пошатнуть советское влияние в Восточной Европе» [13, с. 120].

Ключевые внешнеполитические причины принятия плана Маршалла были многогранны. Во-первых, США стремились ограничить самостоятельность европейских стран, установив над ними контроль. Во-вторых, американское руководство намеревалось создать политический институт в Западной Европе, который бы подчинялся их влиянию. В-третьих, государственный департамент считал план Маршалла необходимым для сдерживания растущего влияния Советского Союза.

Заключение

Несмотря на нарастание противоречий между странами Запада и РФ, у современных российских историков представлены объективные оценки плана Маршалла. Данная политика США рассматривается в нескольких концепциях:

1) план Маршалла – выдающийся акт «бескорыстной дружбы» со странами Европы, который сделал Старый Свет зависимым от американской «помощи» и либеральной повестки;

2) план Маршалла направлен на «сдерживание» коммунизма и расширение зоны идеологии либерализма.

Если у советских авторов показано, что план Маршалла был ориентирован на антагонизм с коммунистической системой и, в частности, с СССР, то в современной российской историографии наблюдаются позитивные оценки данной политики, связанные с изменением идеологии в России и появлением новых взглядов современных историков, выросших в постсоветском времени и воспитанных эпохой политического плюрализма. Авторами данной статьи была проработана современная отечественная историография и проанализированы не только объективные, но и субъективные факторы, повлиявшие на причины плана Маршала. Следует отметить, что остается еще много «белых пятен» в изучении такой противоречивой американской политики, которая зависит от идеологического посыла историка.

План Маршалла охватывал много сфер общественной жизни не только в США, но и в Европе. В современной российской историографии большой спектр мнений о реализации данной политики. План Маршалла, который, без сомнения, является плодом холодной войны, не появился внезапно и просуществовал долгое время. До сих пор некоторые американские элиты из кабинетов в Вашингтоне пытаются реанимировать идеи этой политики, как, например, новые «ленд-лизы» 2.0 или план Маршала 2.0 для Украины, нацеленные на борьбу с Россией во время специальной военной операции.

Список литературы

1. Егорова Н. И., Гайдук И. В. Кембриджская история холодной войны // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 108–122.
2. Захарова Н. В. Экономическая интеграция в условиях двух систем: критика буржуазных трактовок. М. : Высш. шк., 1988. 93 с.
3. Уткин А. И. Мировая холодная война. М. : Алгоритм : Эксмо, 2005. 736 с.
4. Широков О. Н. Историческая оценка проблемы становления восточноевропейского экономического блока в свете новых источников // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 85–91.
5. Согрин В. В. Состояние и перспективы российской американистики // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 156–176.
6. Калинин А. А. Холодная война между США и СССР: современный российский взгляд // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2 (14). С. 91–99. doi: 10.25730/VSU.2070.19.025
7. Уткин А. И. Американская империя. М. : Эксмо, 2003. 736 с.
8. Млечин Л. М. Холодная война: политики, полководцы, разведчики. М. : Центрполиграф, 2009. 574 с.
9. Жиряков И. Г. Запад и Восток в конце 1940-х – 1960-е гг.: экономические отношения в контексте «Холодной войны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2. С. 96–106.
10. Минкова К. В. Разрушая мифы о Холодной войне: упущенные возможности сотрудничества между востоком и западом // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов VII Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Н. Сквозников, М. В. Черкасова. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 114–122.
11. Жиряков И. Г. К дискуссии о рождении плана Маршалла и позиции СССР: анализ американских и европейских средств массовой информации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 3. С. 71–86. doi: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-71-86
12. Зубов В. В. М. А. Липкин. Советский союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с. // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 239–242.
13. Сенников А. И. Научное измерение экономических истоков холодной войны // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 2 (26). С. 117–122. doi: 10.25730/VSU.2070.22.012
14. Жиряков И. Г. Зарождение западноевропейской экономической интеграции и создание СЭВ: общее и отличительное // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11, № 3. С. 54–68. doi: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-54-68
15. Минкова К. В. «Пока доктора раздумывают, пациент умирает»: как рождался план Маршалла // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1 (25). С. 53–61. doi: 10.25730/VSU.2070.21.066
16. Райкова В. А. Отдел политического планирования госдепартамента США и его роль в разработке плана Маршалла // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 17–20.
17. Бонцевич Н. Н. Информационные кампании 1946–1950 годов в США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9, № 1. С. 55–60.
18. Ненов И. План Маршалла и европейская интеграция // Вестник Академии. 2011. № 1. С. 37–40.
19. Боброва В. Д. Программа американской помощи в восстановлении экономики послевоенной Европы (план Маршалла) // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2011. № 12. С. 71–79.

20. Путилин Б. Г., Золотарев В. А. Холодная война : в 2 т. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / под ред. В. А. Золотарева. М. : ИНЭС : РУБИН, 2014. 979 с.
21. Иваницкая Ю. И. Государственное регулирование экономики на примере плана Маршалла // Образование, наука, производство : VIII Междунар. молодеж. форум. Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2016. С. 2545–2546.
22. Белоусова К. А. Кто виноват в «холодной войне» // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран : материалы ежегод. науч. сессии кафедры Новой и новейшей истории / Московский педагогический государственный университет ; Институт истории и политики. М. : Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 41–52.
23. Белоусова К. А. США – Европа: начало властных отношений // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 112–117.
24. Бокарев Ю. П. Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // Отечественная история. 2005. № 1. С. 86–97.
25. Анфиногентова М. Д. Ключевая роль плана Джорджа Маршалла в восстановлении послевоенной Европы // Modern Science. 2022. № 2–1. С. 151–153.
26. Портнягин Д. И. Дискуссии о плане Маршалла в британском парламенте // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Николаева. СПб. : ЭлекСис, 2016. С. 208–215.
27. Мальшева Н. С. Пропаганда плана Маршалла во Франции (1948–1952 гг.) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 49–54.
28. Демин Д. В. План Маршалла в контексте «Мягкой силы» // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 47–49.
29. Савинченко Т. И. Послевоенный мир: взаимоотношения СССР – США в 1945–1953 годах // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 4 (21). С. 128–137.

References

1. Yegorova N.I., Gayduk I.V. The Cambridge history of the Cold War. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2011;(4):108–122. (In Russ.)
2. Zakharova N.V. *Ekonomicheskaya integratsiya v usloviyakh dvukh sistem: kritika burzhuaiznykh traktovok = Economic integration in the context of two systems: a critique of bourgeois interpretations*. Moscow: Vyssh. shk., 1988:93. (In Russ.)
3. Utkin A.I. *Mirovaya kholodnaya vojna = World Cold War*. Moscow: Algoritm: Eksmo, 2005:736. (In Russ.)
4. Shirokov O.N. Historical assessment of the problem of the formation of the Eastern European economic bloc in light of new sources. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*. 2013;(4):85–91. (In Russ.)
5. Sogrin V.V. The state and prospects of Russian American studies. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2014;(3):156–176. (In Russ.)
6. Kalinin A.A. The Cold War between the USA and the USSR: a modern Russian view. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Bulletin of humanities*. 2019;(2):91–99. (In Russ.). doi: 10.25730/VSU.2070.19.025
7. Utkin A.I. *Amerikanskaya imperiya = American Empire*. Moscow: Eksmo, 2003:736. (In Russ.)
8. Mlechin L.M. *Kholodnaya vojna: politiki, polkovodtsy, razvedchiki = Cold War: politicians, commanders, intelligence officers*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009:574. (In Russ.)
9. Zhiryakov I.G. West and East in the late 1940–1960s: Economic Relations in the Context of the Cold War. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly = Locus: people, society, cultures, meanings*. 2017;(2):96–106. (In Russ.)

10. Minkova K.V. Dispelling Cold War Myths: Missed Opportunities for East-West Cooperation. *Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii: istoriya i sovremennost': sb. materialov VII Vseros. nauch. konf. = Russia's foreign policy interests: history and modernity: proceedings of the 7th All-Russian scientific conference*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2019:114–122. (In Russ.)
11. Zhiryakov I.G. On the discussion of the birth of the Marshall Plan and the position of the USSR: an analysis of American and European media. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly = Locus: people, society, cultures, meanings*. 2022;13(3):71–86. (In Russ.). doi: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-71-86
12. Zubov V.V. M.A. Lipkin. The Soviet Union and integration processes in Europe: mid-1940s – late 1960s. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 560 s. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2018;(3):239–242. (In Russ.)
13. Sennikov A.I. The scientific dimension of the economic origins of the Cold War. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Bulletin of humanities*. 2022;(2):117–122. (In Russ.). doi: 10.25730/VSU.2070.22.012
14. Zhiryakov I.G. The emergence of Western European economic integration and the creation of the CMEA: common and distinctive features. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly = Locus: people, society, cultures, meanings*. 2020;11(3):54–68. (In Russ.). doi: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-54-68
15. Minkova K.V. “While the doctors are thinking, the patient dies”: how the Marshall plan was born. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya = Bulletin of humanities*. 2022;(1):53–61. (In Russ.). doi: 10.25730/VSU.2070.21.066
16. Raykova V.A. The US State department's policy planning office and its role in the development of the Marshall plan. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Bulletin of Pomor University. Series: Humanities and social sciences*. 2009;(5):17–20. (In Russ.)
17. Bontsevich N.N. Information campaigns 1946–1950 in the USA. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2009;9(1):55–60. (In Russ.)
18. Nenov I. The Marshall plan and European integration. *Vestnik Akademii = Academy Bulletin*. 2011;(1):37–40. (In Russ.)
19. Bobrova V.D. The American program of assistance to restore the economy of post-war Europe (Marshall plan). *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova = Bulletin of Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov*. 2011;(12):71–79. (In Russ.)
20. Putilin B.G., Zolotarev V.A. *Kholodnaya voyna: v 2 t. T. 1: Protivostoyaniye dvukh sverkhderzhav = Cold War: in 2 volumes. Volume 1: Confrontation between two super-powers*. Moscow: INES : RUBIN, 2014:979. (In Russ.)
21. Ivanitskaya Yu.I. State regulation of the economy using the Marshall Plan as an example. *Obrazovaniye, nauka, proizvodstvo: VIII Mezhdunar. molodezh. forum = Education, science, production: proceedings of the 8th International youth forum*. Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiy universitet im. V.G. Shukhova, 2016:2545–2546. (In Russ.)
22. Belousova K.A. Who is to blame for the Cold War? *Aktual'nyye problemy novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran: materialy yezhegod. nauch. sessii kafedry Novoy i noveyshey istorii = Current issues of modern and contemporary history of foreign countries: proceedings of the annual scientific session of the sub-department of Modern and contemporary history*. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2017:41–52. (In Russ.)
23. Belousova K.A. USA – Europe: The Beginning of Power Relations. *Vlast' = Authority*. 2017;25(1):112–117. (In Russ.)

24. Bokarev Yu.P. Once again about the USSR's attitude to the Marshall Plan. *Otechestvennaya istoriya* = *National history*. 2005;(1):86–97. (In Russ.)
25. Anfinogentova M.D. The key role of the George Marshall plan in rebuilding Post-War Europe. *Modern Science*. 2022;(2–1):151–153. (In Russ.)
26. Portnyagin D.I. Marshall Plan debates in British Parliament. *Tavrisheskiye chteniya 2015. Aktual'nyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st.* = *Tavrida readings 2015. Current issues of parliamentarism: history and modernity: collected articles*. Saint Petersburg: ElekSis, 2016:208–215. (In Russ.)
27. Malysheva N.S. Marshall Plan propaganda in France (1948–1952). *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy* = *Bulletin of the Altai School of Political Studies*. 2017;(33):49–54. (In Russ.)
28. Demin D.V. The Marshall plan in the context of soft power. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and state: theory and practice*. 2019;(10):47–49. (In Russ.)
29. Savinchenko T.I. Post-war world: USSR – USA relations in 1945–1953. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava* = *Bulletin of International Institute of Economics and Law*. 2015;(4):128–137. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Викторович Тетерин

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Финансовый университет при
Правительстве Российской
Федерации (Россия, г. Москва,
пр-кт Ленинградский, 49/2)

E-mail: teterinpost@yandex.ru

Pavel V. Teterin

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of humanities, Financial University
under the Government of the Russian
Federation (49/2 Leningradskiy avenue,
Moscow, Russia)

Никита Сергеевич Конев

студент-бакалавр,
Московский городской педагогический
университет (Россия, г. Москва,
2-й Сельскохозяйственный пр., 4,
корп. 1)

E-mail: war-nik@mail.ru

Nikita S. Konev

Bachelor's degree student,
Moscow City University
(buil. 1, 4 2-y Sel'skokhozyaystvennyy
passage, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.05.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.12.2024

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

УДК 942.055;316,485.2;81.2

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-7

Правительственные расследования огораживаний в Англии кануна революции середины XVII в.

В. П. Митрофанов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vm@em-england.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В свете дискурса в современной историографии об абсолютизме в целом и английском в частности данная проблема заслуживает специального изучения для лучшего понимания функционирования институтов королевской власти при проведении как внутренней политики в целом, так и аграрной политики в частности накануне революции середины XVII в. Привлечение источников государственного происхождения позволит выявить нарушения лендлордами законов об ограничении огораживаний и определить результативность деятельности королевских комиссий по восстановлению разрушенных крестьянских хозяйств. *Материалы и методы.* Был использован сравнительно-исторический метод исследования, а также метод анализа и синтеза, соблюден принцип историзма. Проанализированы разнообразные юридические и нарративные источники, позволяющие проследить деятельность ряда правительственных комиссий по расследованию огораживаний и по восстановлению разрушенных крестьянских хозяйств, наказанию джентри за незаконную конверсию пахотной земли крестьян в пастбища и эвикцию их самих. *Результаты.* Установлено, что правительствами первых Стюартов было организовано несколько комиссий, расследовавших огораживания пахотных земель крестьян лендлордами в ряде графств. Благодаря этому центральная власть была осведомлена о сокращениях пахотных земель, численности крестьян. Однако данные комиссий были неполными как по причине локального характера их деятельности, так и из-за укрывательства нарушителей местными властями. Несмотря на применение репрессивных мер в отношении джентри-огораживателей, по результатам данных, собранных комиссиями, ни одна из них не смогла все же добиться проведения полной реконверсии пастбищ в пахотные земли и восстановления разрушенных крестьянских хозяйств. *Выводы.* Основные расследования о незаконных огораживаниях осуществлялись посредством формирования и отправки на места королевских комиссий. Их действия не могли не вызвать недовольство нового дворянства (джентри). В контексте начавшегося противостояния Короны и Парламента действия комиссий выглядели как покушение власти на их собственность (земли), несмотря на то что «рыцарское держание» как юридическая форма земельного держания продолжало существовать. Работа комиссии в 1636 г., возглавленная архиепископом Лодом, и последующие наказания джентри за незаконные огораживания наверняка вызвали их крайнее недовольство как самой фигурой Лода, королевского правительства (Тайного совета), так и самого монарха. К тому же это способствовало росту негативного отношения нового дворянства и буржуазии к существовавшему архаичному «рыцарскому держанию» как препятствию установлению полной частной собственности на землю.

Ключевые слова: Англия, королевские комиссии, огораживания, расследования, крестьяне, пахотная земля, графства

Для цитирования: Митрофанов В. П. Правительственные расследования огораживаний в Англии кануна революции середины XVII в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 76–88. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-7

Government investigations into enclosures in England on the eve of the revolution in the mid – 17th century

V.P. Mitrofanov

Penza State University, Penza, Russia

vm@em-england.ru

Abstract. *Background.* In light of the discourse in modern historiography on absolutism in general and English absolutism in particular, this problem deserves special study for a better understanding of the functioning of the institutions of royal power in the implementation of both domestic policy in general and agrarian policy in particular on the eve of the revolution of the mid-17th century. The involvement of government sources will help to identify landlords' violations of the laws on enclosure restrictions and to determine the effectiveness of the Royal Commissions' work on the restoration of ruined farms. *Materials and methods.* Using the comparative-historical method of research, as well as the method of analysis and synthesis, observing the principle of historicism, various legal and narrative sources are analyzed, allowing us to trace the activities of a number of government commissions to investigate enclosures and restore destroyed peasant farms, punish the gentry for the illegal conversion of peasants' arable land into pastures and their eviction. *Results.* It has been established that the early Stuart governments set up several commissions to investigate the enclosure of peasant arable land by landlords in a number of counties. Thanks to this, the central government was informed about the reduction of arable land and the number of peasants. However, the data of the commissions were incomplete both because of the local nature of their activities and because local authorities hid violators. Despite the measures taken, according to the data collected by the commissions, the use of repressive measures against the gentry enclosures, none of them was able to achieve the complete re-conversion of pastures into arable land and the restoration of destroyed peasant farms. *Conclusions.* The main investigations into illegal enclosures were carried out by forming and sending royal commissions to the places. Their actions could not but cause discontent among the new nobility (gentry). In the context of the emerging confrontation between the Crown and Parliament, the actions of the commissions looked like an attempt by the authorities on their property (lands), despite the fact that "knightly tenure" as a legal form of land tenure continued to exist. The work of the commission in 1636, headed by Archbishop Laud, and the subsequent punishments of the gentry for illegal enclosures must have caused their extreme dissatisfaction with both Laud himself, the royal government (the Privy Council), and the monarch himself. Moreover, this contributed to the growth of a negative attitude of the new nobility and bourgeoisie towards the existing archaic "knightly tenure" as an obstacle to the establishment of full private ownership of land.

Keywords: England, royal commissions, enclosures, investigations, peasants, arable land, counties

For citation: Mitrofanov V.P. Government investigations into enclosures in England on the eve of the revolution in the mid – 17th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):76–88. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-7

В первой трети XVII в. в Англии, несмотря на действующие законодательные ограничения, обращение (огораживания) лендлордами пахотных земель крестьян в пастбища продолжалось, что вызывало негативные явления в экономике и обществе. Корона пыталась бороться с этим, но для этого ей необходимо было располагать точными данными о масштабах процесса огораживаний. Поэтому сложившаяся практика монархов династии Тюдоров назначения комиссий для расследования огораживаний пахотных земель крестьян лендлордами [1, р. 39–44; 2–4] практиковалась и при первых Стюартах. Уже в начале правления Якова I Стюарта под влиянием значительного восстания крестьян в графствах Центральной Англии (Мидленде) была создана и отправлена в этот регион в августе 1607 г. очередная комиссия по расследованию огораживаний крестьянских пахотных земель [5, р. 368]. О деятельности этой комиссии упоминали ряд англоязычных и отечественных авторов, используя полученные ею сведения об огораживаниях в Мидленде для изучения процесса огораживаний в этом регионе в конце XVI – начале XVII в. [2; 3; 6; 7, с. 232–260; 8; 9; 10, р. 212–237; 11; 12; 13, р. 233–235; 14; 15]. Отметим малоизвестные моменты работы этой комиссии и оценим ее результаты. Так, одним из побудительных факторов ее создания еще до начала восстания крестьян в 1607 г. было представление членом парламента от Нортгемптоншира Эдуардом Монтегю, ставшим одним из главных членов комиссии 1607 г., крестьянских жалоб из этого графства на огораживания [10, р. 220]. Это весьма интересный факт, поскольку Монтегю, имея в этом графстве родовое поместье и будучи крупным землевладельцем, вряд ли реально стремился защитить интересы крестьян, но весьма вероятно намеревался расправиться со своими конкурентами-землевладельцами посредством комиссии по расследованию огораживаний.

Формированием этой комиссии занимались Тайный совет во главе с графом Солсбери (Р. Сесил, Лорд-хранитель Малой печати – *прим. В. М.*), Генри Хобарт – главный прокурор, граф Рутленд, судья Эдуард Кок, канцлер Казначейства лорд Элсмер, граф Дорсет, юрист Юлий Цезарь Адельмаре, Роберт Хигэм, а также и сам король Яков I Стюарт. Активную роль в ней играл известный юрист Эдуард Кок [5, р. 235, 373, 541]. Известны имена некоторых других членов комиссии [16, р. 226–227]. Для нее были составлены инструкции из восьми пунктов. В первых пяти из них прежде всего предписывалось обследовать все населенные пункты, церковные приходы и города, различные земельные наделы крестьян и фермеров, пришедшие в упадок или обезлюженные с 1578 г. Также необходимо было выяснить, кем такой упадок был совершен и в чьих руках эта земельная собственность в настоящее время, сколько людей ранее на ней проживало [10, р. 220].

Комиссарам требовалось выяснить, как много пахотной земли было обращено в пастбища посредством незаконных огораживаний и в чьем владении они находятся в настоящее время. Они также должны были выяснить в отношении земель, которые были «разделены, выделены и взяты обратно посредством какой-либо аренды или как-то иначе от фермерских хозяйств, держаний или других хозяйств, утративших немного земли или вообще не имеющих земли, посредством чего они лишись помощи и поддержки тех, кто проживал там». Им надлежало выявить так называемых «поглотителей ферм», т.е. тех, кто имеет несколько ферм и занимает их сам или

же поселил на них бедняков, а также насколько обитаемые теперь эти дома или же оставлены незаселенными. Еще три пункта касались расследования степени упадка надворных сооружений, возможности держателей заниматься земледелием, перемещением держателей на другие места и перекрытием огораживателями королевских дорог [10, р. 220–221]. Инструкция не требовала обследовать пастбища и пустоши на предмет их огораживаний. Заметим, что она оказалась значительно меньше по объему по сравнению с инструкцией, составленной для комиссии еще в 1548 г., которая содержала 16 подробных пунктов и еще пространные наставления комиссарам в моральном плане [1, р. 39–44].

Комиссии ставилась задача обследовать семь графств Центральной Англии (Нортгемптоншир, Уорикшир, Лестершир, Гантингдоншир, Бедфордшир, Бакингемшир и три сотни Линкольншира), в которых летом 1607 г. происходило восстание крестьян против огораживаний. Сохранилось лишь немного сведений о составе и работе комиссии. Она начала обследование 27 августа и закончила его 20 октября, т.е. провела его менее чем за два месяца.

Очевидно, были сложности при формировании состава комиссии, о чем свидетельствует переписка Р. Сесила. Так, граф Рутленд 6 августа, когда формировался состав комиссии, сообщал ему, что не надо направлять в его графство комиссию, поскольку там «все спокойно» [16, р. 208]. Важно, что работа членов комиссии оплачивалась государством. Так, например, 12 комиссарам в Нортгемптоншире во главе с неким «мистером сержантом Николасом» полагалась оплата в размере 20 ф.ст. каждому, но с учетом степени участия в работе комиссии каждого из них [16, р. 226–227]. Это вообще-то очень большая сумма за работу в течение менее двух месяцев! Также упоминается немалая сумма, выделяемая для комиссии по Бакингемширу, Бедфордширу и Гаттингдонширу [16, р. 223].

В сентябре восемь комиссаров заслушали показания местных судей в Бакингемшире и Уорикшире. А отчеты из Бедфордшира и Нортгемптоншира были датированы 14 сентября. Из Гантингтошира отчеты получены 18 и из Лестершира – 27 сентября. Интересно, что в Лестершире комиссары работали старательно и даже брали клятву при показаниях о совершенных огораживаниях в графстве у священника и двух состоятельных людей в каждом церковном приходе. В Нортгемптоншире комиссия работа 12 дней и не все обследовала. Шесть их отчетов, которые предназначались для Канцлерского суда, сохранились, а отчеты из Бедфордшира и Уорикшира сохранились не полностью. Наиболее полные отчеты сохранились из Нортгемптоншира, видимо, благодаря Э. Монтегю, который был главным членом комиссии в этом графстве. Отчеты комиссии по Линкольнширу сохранились не полностью [10, р. 219–220].

В отдельных особо важных случаях комиссары сообщали графу Солсбери об огораживаниях и эвикции крестьян с ответами нарушителей, как, например, в Нортгемптошире, где огораживаний было больше всего (4,3 %) из всех графств Мидленда, которые наиболее были охвачены восстанием [16, р. 423]. Однажды графы Саффолк, Вустер, Нортгемптон и Солсбери обратились с совместным письмом к Лорд-канцлеру, Лорду-хранителю и Канцлеру казначейства по поводу отправки комиссии «по обезлюдению» и своих сомнениях относительно членов комиссии, отправляемых в три графства

(Бакингемшир, Бедфордшир и Гантингдоншир), в которую были включены разъездные королевские судьи (Justices of assize). В нем указывалось, что туда надо послать именно отдельные комиссии, а не доверять им (т.е. мировым судьям – *прим. В. М.*), ибо от них мало пользы людям, да и сам король тоже так полагает [16, р. 479–480]. Король же окончательно утверждал состав комиссии. Также комиссия информировала графа Солсбери о сложных случаях в отношении держаний земель, которые были поглощены (encroached) джентри [5, р. 461].

С нарушителей комиссия брала обязательства о восстановлении земледельческих хозяйств крестьян, а некоторые огораживания приказывала ликвидировать [16, р. 483, 545]. Например, в Нортгемптоншире, по данным американского исследователя Эдвина Фрэнсиса Гейя, комиссия отдала 50 распоряжений о восстановлении крестьянских земледельческих хозяйств и т.п. [10, р. 218–219].

Таким образом, было обследовано шесть графств Центральной Англии и еще три административных округа (сотни – *прим. В. М.*) Линкольншира. В результате была собрана информация о произведенных огораживаниях пахотных земель крестьян в этом регионе за период с 1578 по 1607 г. Эти данные использовал Э. Гей в своей работе для изучения процесса огораживаний в этих графствах [10, р. 233].

Как видно, комиссия работала совсем недолго, менее двух месяцев. Уже в октябре того же года данные, собранные комиссией, были переданы в Лондон. Однако два верховных судьи и семь приближенных короля оспаривали правовое значение их материалов по формальным причинам, заявляя, что комиссия нарушила закон: так как были представлены данные на английском языке (а следовало на латыни – *прим. В. М.*), выявленные нарушения не были точно определены, но лишь перечислены в списке. Это якобы противозаконно, ибо человек, несправедливо обвиненный, не сможет получить судебную защиту, а это не предусмотрено статутом (Об ограничении огораживаний – *прим. В. М.*) 1563 г. К тому же, утверждали они, если люди были частично оклеветаны, то не смогут опровергнуть клевету в судебном разбирательстве [10, р. 219]. Очевидно, эти высокопоставленные при дворе лица явно хотели выгородить джентри-огораживателей. По этому поводу Э. Гей поставил риторический вопрос насчет того, все ли огораживания в этих графствах за почти тридцатилетний период были зафиксированы комиссией. Он, на мой взгляд, справедливо не исключал имевших место давлений на судей и лжесвидетельство при расследованиях, как это было и в предыдущих комиссиях [10, р. 223]. К тому же в письме комиссии от 08.10.1608 к графу Солсбери сообщалось о сложности в отношении захваченных крестьянских держаниях лендлордами [5, р. 461]. Это значит, что для расследования огораживаний в этих графства потребовалось бы не полтора месяца, а гораздо больше времени.

Собранные комиссией сведения об огораживаниях и эвикции крестьян начиная с 1578 г. во всех селениях и местечках, обезлюженных за это время, как считала британская историк Э. М. Леонард, были переданы в Канцлерский суд, а ответчики предстали перед Тайным советом [11, р. 126]. Оказалось, что процент огороженных пахотных земель, по данным комиссии за предшествующие почти 30 лет, в графствах Мидленда, приводимый в работе

Э. Гейема, по элементарным арифметическим подсчетам был не столь уж большой (от 0,93 до 4,3 %), а количество снесенных крестьянских хозяйств – не столь уж катастрофичным в масштабе всего королевства (от 28 до 393) [7, с. 370]. Тем не менее по результатам собранных сведений последовала серия судебных разбирательств в отношении огораживателей, нарушивших ранее изданные статуты по ограничению огораживаний. Однако точное число лиц, которых властям удалось привлечь к суду, по источникам установить не удалось. Как считал новозеландский историк Дж. Мартин, в судах рассматривалось около сотни случаев незаконных огораживаний и виновные были оштрафованы [12, р. 148]. Однако в суде Звездной палаты, по мнению Р. Тоуни, реально почти ничего не сделали для восстановления крестьянских хозяйств [17, р. 235]. Даже сам король Яков I в одном из писем графу Солсбери 3 декабря 1607 г. выражал недовольство ходом судебных разбирательств по делам о незаконных огораживаниях, заметив следующее: «...оставшиеся диггеры [крестьяне, участники восстания 1607 г. в Мидленде – прим. В. М.] призывают нас честно отреагировать», т.е. более тщательно расследовать и наказывать нарушителей закона [16, р. 355–356]. Результаты обследований комиссии заставили парламент рассмотреть вопрос о восстановлении елизаветинского закона в отношении огораживаний [7, с. 226–227].

Вместе с тем в начале 1608 г. «атторней-генерал» (верховный прокурор – прим. В. М.) отдал распоряжение судьям Совета Севера и Палаты Прошений посодействовать достижению согласия о добровольном восстановлении лендлордами уничтоженных ими ранее крестьянских хозяйств. За отказ сделать это лендлордам грозило наказание в виде штрафа [18, р. 133]. Как отметил Э. Леонард, в том же году отправили еще в Йоркшир, в северный Райдинг, и, видимо, в другие графства разъездных судей. А в западных графствах расследования в 1609 г. проводил сам главный судья Э. Кок и отметил, что восстановил 26 крестьянских хозяйств и разделил по отдельности 4 крестьянских хозяйства, из которых были созданы 2 фермы. Он также сообщил о предъявлении обвинения тем, кто до этого «стоял в стороне по совету Тайного совета» [11, р. 126].

Наложение штрафов на огораживателей продолжалось и далее. Центральная власть регулярно отправляла депеши с требованиями исполнения лендлордами статутов об огораживаниях. Еще Дж. Мартин, изучая процесс огораживаний в шести центральных графствах, высказывал предположение о том, что немало самих мировых судей этого региона, именуемого Мидленд, были участниками огораживаний, сопровождавшихся сгоном крестьян с земли. Он привел на этот счет некоторые данные по трем графствам региона. Так, в Нортгемптоншире, по его подсчетам, таковых оказалось 13 из 26 судей графства, в Лестершире – 10 из 22, а в Уорикшире 8 из 25 [12, р. 173].

Правительство Якова I Стюарта проводило расследования огораживаний в отдельных графствах, используя для этого представителей местных властей для определения площади конверсированной пахоты в пастбища и количества крестьян, подвергшихся эвикции. Так, в частности, это было в Дербишире в 1616 г., а после этого, как считал Дж. Мартин, туда отправилась королевская комиссия с целью наложения штрафов на лендлордов-огораживателей [12, р. 148]. Однако по источникам не прослеживается, насколько

успешно поработала эта комиссия. Несомненно одно – собранные ею денежные суммы в виде штрафов неплохо пополнили королевскую казну. Однако в какой мере комиссии удалось заставить лендлордов-огораживателей восстановить снесенные крестьянские хозяйства, опять-таки не ясно. Ясно лишь одно – согласно закону для того, чтобы восстановить разрушенные крестьянские хозяйства, требовалось компенсировать лендлордам их затраты на огороженные ими пахотные земли крестьян. К тому же дело осложняли происходившие в это время огораживания по соглашению, которые допускались законом [19, р. 94–111]. Судьям следовало это учитывать. Все это в совокупности подтверждает предположение о том, что эти комиссии выявили далеко не все незаконные огораживания крестьянских наделов.

В правлении Карла I Стюарта правительство (Тайный совет) продолжало направлять письма представителям местных властей в отношении конверсии пахотных земель в пастбища. В них содержалась не только информация о процессе огораживаний, но и инструкции о необходимости расследования незаконных огораживаний. Шерифам и мировым судьям графств центральная власть напоминала о необходимости предоставления ей точной информации обо всех случаях незаконных огораживаний и вызванных ими последствиях для пахоты и крестьян. В ответ на это с мест далеко не всегда поступала обстоятельная информация. Так, в частности, за 1631–1632 гг. только в одном из ответных посланий с мест содержались полные сведения об огораживателях. Это свидетельствует о стремлении представителей местных властей скрыть от Лондона истинную картину происходивших огораживаний в своих графствах. Поняв это, центральная власть сформировала новую комиссию по расследованию незаконных огораживаний в Линкольншире, Нортгемптоншире, Сомерсетшире, Уилтшире и Глостершире. Среди ее членов оказался и впоследствии знаменитый лидер парламентской оппозиции Джон Пим [20, с. 297]. К тому же мировые судьи Дербишира послали отчет в Тайный совет о произведенных за последние два года огораживаниях в двух сотнях графства и запрашивали указания о том, как им поступать с этим. Но другие мировые судьи этого же графства сообщали в Тайный совет, что в их сотнях нет огораживаний, но есть «всеобщее желание увеличить пахоту» [21, р. 490].

Согласно скудным сведениям о работе этой комиссии Тайный совет в сентябре 1633 г. отдал распоряжение «судьям ассизы» (разъездные королевские судьи – *прим. В. М.*) предоставить сведения о мерах, предпринятых ими в отношении незаконных огораживаний. Однако в актах Тайного совета и Календарях государственных бумаг не содержатся какие-либо данные об исполнении этого распоряжения центральной властью. Лишь по косвенным сведениям можно считать, что Тайный совет получил с мест сообщения об огораживаниях и о том, каковы оказались их негативные последствия для местных крестьян и т.п. [16, р. 208, 220, 222–223, 226–227, 330, 335–336, 423, 479]. Очевидно, на основе этих сведений в 1634 г. была издана королевская прокламация о ликвидации всех огораживаний, произведенных лендлордами с 1619 г. Прокламация требовала все пахотные земли, конвертированные с этого года в пастбища, незамедлительно вернуть под пахоту. За невыполнение этого нарушителям грозил штраф и конфискация этих земель [21, р. 22]. По мнению отечественного историка И. Л. Попова-Ленского, Карл I Стюарт

и его кабинет с 1635 г. начали использовать явно фискальные методы борьбы с огораживаниями [20, с. 297]. С этим утверждением вполне можно согласиться, потому что такая практика применялась еще королями из династии Тюдоров и Яковым I Стюартом.

Как следствие работы королевских комиссий по расследованию огораживаний, в правительственных кругах утвердилось мнение об их негативных последствиях для государства. В первую очередь власти убедились в том, что огораживания действительно приводили к депопуляции сельского населения, прежде всего крестьян. Из-за сокращения пахоты происходил рост цен на зерно. Наблюдался захват лендлордами королевских дорог, т.е. включение их в огороженные территории. Лендлорды также захватывали общинные земли и превращали их в парки для оленей. Происходил рост рент и всяческих платежей крестьян. Очевидно, имелось в виду повышение размеров допустимых крестьянских платежей, называемых *файнами*, уплачиваемых крестьянами-копигольдерами своим лендлордам при каждом допуске к земельным держаниям. Еще одним негативным последствием огораживаний считали распространившуюся практику сдачи лендлордами в аренду сразу нескольких земельных участков, да еще и по высокой арендной плате. Для крестьян это было разорительно. Вредным последствием считали и распространение мелких крестьянских держаний, т.е. имевших менее 4 акров земли. Негативным последствием практики огораживаний считалось также и сокращение производительности в столичном регионе [21, р. 22].

Фактически были сформулированы официальные мотивы для преследования правительством незаконных огораживаний. Видимо, основываясь на них, Карл I Стюарт в 1636 г. повелевал организовать комиссию по расследованию огораживаний в 14 графствах. Эту комиссию возглавил архиепископ Уильям Лод, который стал впоследствии столь ненавистной фигурой для нового дворянства и буржуазии. Комиссия собрала необходимые сведения об огораживаниях в этих графствах. Собранный материал стал основой для многочисленных судебных разбирательств. Сохранились лишь отрывочные данные этих материалов. Однако по ним можно составить общее представление о работе этой комиссии. Так, в частности, на примере одного церковного прихода в Уилтшире можно видеть методику ее работы. В этом приходе комиссары привлекли к судебному разбирательству около двадцати огораживателей. На суде они отказались признаться в том, что превратили пахотные земли крестьян в пастбища, заявив, что приобрели эти земли уже огороженными. Тогда судьи предъявили им письменные доказательства именно их участия в конверсии пахоты в пастбища. Однако ответчики отказались признать их подлинными и потребовали провести дополнительное расследование. Комиссия же отклонила их требование.

В свою очередь обвиняемые заявили, что их огораживания пахотных земель крестьян принесли пользу, ибо возросло количество зажиточных людей и уменьшилось количество бедняков. Поэтому теперь из их сотни можно призывать на военную службу до 9 человек, а не 4–5, как ранее. Следовательно, по их мнению, целесообразно оставить все как есть на данный момент, т.е. не проводить реконверсию пастбищ в пахоту. Но их аргументы не удовлетворили архиепископа Лода, и он распорядился оштрафовать

каждого из них на 150 ф. ст. и провести реконверсию их огороженных земель под пахоту. Однако ответчики отказались подчиниться вынесенному вердикту комиссии, и тогда их дело было передано в Суд Звездной палаты, где они наверняка вновь имели дело с тем же архиепископом Лодом [19, p. 198–199].

Фактически это стало открытым серьезным противостоянием джентри этого графства с архиепископом Лодом. Кроме того, в защиту крупного лендлорда Ходжема (Hougham) из Линкольншира комиссии поступила петиция от некоего Томаса Бруднелла (Brudenell), в которой он утверждал, что тот не уничтожал 27 ферм в 1602 и в 1614 гг., так как там никогда не было столько ферм, а лишь 21, из которых 6 вообще не имели пахоты. А огораживания, проведенные там, никогда не приводили к упадку ферм, лишь только две фермы при расширении его парка в Динском лесу были сокращены в размерах [22, p. 316].

На основе материалов обследования комиссией в Линкольншире в 1637 г. девять представителей нового дворянства, виновных в огораживаниях, были привлечены к суду мировыми судьями графства и оштрафованы от 10 до 80 ф. ст. каждый. Общая сумма штрафа составила 300 ф. ст. Кроме того, они должны были внести залог в сумме 200 марок (т.е. примерно по 150 ф. ст.) в качестве гарантии того, что они восстановят 33 крестьянских хозяйства и 22 фермерских. Суд определил, в каких селениях они должны все это восстановить и какие при этом должны быть по площади крестьянские наделы [23, p. 275].

По-видимому, данные, собранные комиссией, были достаточно обстоятельны, что позволило судьям точно определить по 18 сотням графства число крестьянских хозяйств, имевших ранее от 10 до 16 акров пахоты, подлежащих восстановлению в каждой сотне (от 1 до 14). Определили они и полнаделные хозяйства, имевшие 30–40 акров земли, которые также требовалось восстановить. Правда, в четырех сотнях судьи потребовали восстановить лишь треть крестьянских хозяйств, не указав площадь их пахотных земель. По мнению Р. Тоуни, очевидно, комиссия просто не смогла точно установить, были ли они огорожены лендлордами или же там были проведены так называемые внутриманориальные огораживания по соглашению [17, p. 419–420].

Подсчеты, выполненные мною на основе данных Р. Тоуни, показывают, что в среднем площадь пахоты восстановленных крестьянских хозяйств составила примерно 13 акров, а с учетом общинных угодий – около 35 акров. Причем крестьянские хозяйства назывались терминами «фермерские хозяйства» и «фермы». Это, скорее всего, были зажиточные крестьянские хозяйства, но юридический статус их земельных держаний не указан. Учитывая, что они были подвержены огораживаниям, можно полагать, что это были копигольдеры, условия и сроки держания которых определялись выпиской из протоколов манориальной курии («по воле лорда и обычаю манора»). Поэтому они в большей мере подвергались огораживаниям своих лендлордов.

Интересная деталь. Судьи в пяти случаях почему-то не указали всю площадь крестьянских наделов, которые требовалось восстановить, и записали лишь «в прежнем объеме» и «одна треть от всего надела». Это может свидетельствовать о том, что комиссия по каким-то причинам в этих случаях

не смогла точно определить площадь огороженной лендлордами пахоты крестьян, т.е. фактически восстановление крестьянских хозяйств отдали на откуп лендлордам.

Все данные комиссии свидетельствуют о том, что лишь в 5 случаях из 33 имело место полное восстановление снесенных лендлордами крестьянских хозяйств, а остальные были лишь частично восстановлены. Значит, лендлорды все-таки сумели доказать комиссии свои права на эти огороженные ими крестьянские земли.

Можно лишь предполагать, что подобным образом наказания огораживателей и восстановление крестьянских хозяйств происходили и в других графствах, которые обследовала комиссия Лода (Лестершире, Нортгемптоншире, Гентингдоншире, Рутленде, Ноттингемшире, Герефордшире, Глостершире, Кембриджшире, Оксфордшире, Бедфордшире, Бакингемшире, Кенте).

Британский историк Э. Гоннор подсчитал, что с 1635 по 1638 г. было оштрафовано 430 лендлордов-огораживателей, что в целом немало для 14 графств. Больше всего штрафов за эти годы было собрано в Линкольншире (18 845 ф. ст.), в Лестершире (9425 ф. ст.), в Нортгемптоншире (8678 ф. ст.) и меньше всего в Глостершире (50 ф. ст.), Бакингемшире (71 ф. ст.) и в Кенте (100 ф. ст.). В результате сведений об огораживаниях, собранных комиссией Лода в 1636 г., и вынесенных на этой основе судебных решений королевская казна в течение двух лет (1636–1638 гг.) получила около 100 000 ф. ст. [24, р. 487]. Показательно, что оштрафовали даже титулованных особ, уличенных в незаконных огораживаниях. Несомненно, действия комиссии Лода вряд ли воспринимались позитивно джентри-огораживателями.

Таким образом, первые Стюарты за тридцатилетний период организовали четыре комиссии по расследованию огораживаний, не считая текущих расследований местными властями графств. При отсутствии в арсенале английской монархии разветвленного чиновничье-бюрократического аппарата на местах они рассматривались короной в качестве одного из важных инструментов исполнения на местах статутах об ограничении огораживаний и поддержке земледельческих хозяйств.

Если Яков I Стюарт за 20 с небольшим лет правления (1603–1625 гг.) организовал всего одну комиссию (1607 г.), да и то в связи с антиогораживательным восстанием крестьян в графствах Мидленда, то Карл I Стюарт во время своего 11-летнего периода беспарламентского правления (1629–1640 гг.) – три в течение всего-то шести лет, что было сделано явно с целью пополнения казны за счет штрафов с огораживателей. Однако, несмотря на предпринятые по результатам собранных комиссиями данных репрессивные меры властей в отношении джентри-огораживателей, ни одна из них не смогла все же добиться проведения полной реконверсии пастбищ в пахотные земли и восстановления разрушенных крестьянских хозяйств. Все более распространявшиеся в первой половине XVII в. внутриманориальные огораживания по соглашению сильно затрудняли выявление нарушителей.

Недовольство нового дворянства, а именно они были основными огораживателями, работой комиссий по огораживаниям, особенно в 1630-е гг., было еще и потому, что вопреки действовавшему обычному (манориальному) праву члены комиссий вмешивались в их взаимоотношения с крестьянами и по сути дела они вполне могли воспринимать это как покушение короны

на их собственность. Работа последней комиссии в 1636 г. и последующие наказания джентри за незаконные огораживания неизбежно вызвали их крайнее недовольство как самой фигурой архиепископа Уильяма Лода и королевского правительства, так и лично монархом. Все это впоследствии стало одной из причин казни всем ненавистного архиепископа Лода, а затем, вкупе со многими иными причинами, и самого короля Карла I Стюарта.

Список литературы

1. Tudor Economic Documents : in 3 vols. / ed. by R. H. Tawney and E. Power. New York : H. M. Stat. off., 1924. Vol. I. 389 p.
2. Митрофанов В. П. Динамика аграрного законодательства в Тюдоровской Англии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 3–13.
3. Митрофанов В. П. Аграрные вопросы в английском парламенте (вторая половина XVI – первая треть XVII в.) // Британский парламент вчера и сегодня / отв. ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 53–64.
4. Митрофанов В. П. Участие сословий в принятии аграрного законодательства в тюдоровской Англии середины XVI – начала XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1 (История). С. 9–20.
5. Calendar of State Papers. Domestic series. Of the Reign of James I : in 4 vols. Vol. I. (1603–1610) / ed. by M. A. E. Green and others. London : Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1857. 798 p.
6. Cabbett W. Elizabethan Village Surveys // Transactions Royal Historical Society. 2nd ser. 1897. Vol. XI. P. 67–89.
7. Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2001. 392 с.
8. Штокмар В. В. Английское крестьянство в XVI–XVIII вв. // История крестьянства в Европе : в 3 т. Т. 3. Эпоха феодализма. М. : Наука, 1986. С. 32–63.
9. Gay E. Elizabeth Village Surveys // Transactions of the Royal Historical Society. 2nd ser. London, 1904. Vol. XVIII. P. 67–89.
10. Gay E. The Midland Revolt of 1607 // Transactions of the Royal Historical Society. 2nd ser. London, 1904. Vol. XVIII. P. 195–237.
11. Leonard E. M. The Enclosures of Common Fields in The 17-th Century // Transactions of the Royal Historical Society, new series. London, 1905. Vol. XIX. P. 101–146.
12. Martin J. Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development. London : Basingstoke : Macmillan, 1983. 255 p.
13. Thirsk J. Enclosing and Engrossing // The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. 1500–1640 / ed. by J. Thirsk ; gen. ed. H. P. R. Finbery. Cambridge : Cambridge University Press, 1967. P. 200–255.
14. Wordie J. R. The Chronology of English Enclosures // Economic History Review. 2nd series. 1983. Vol. 36, № 4. P. 483–505.
15. Young F. A. The Proclamations of the Tudor Queens. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 277 p.
16. Calendar of The Manuscripts of The Most Honourable The Marquest of Salisbury (Cecil). Preserved at Hatfield House Hertfordshire : in 24 vols. / ed. by M. S. Gouseppi and J. Mc. N. Lochie and others. London : H. M. Stat. off., 1965. Vol. 19. 638 p.
17. Tawney R. H. Agrarian Problem in the 16-th Century. London ; New York : Longmans, Green and C^o, 1913. 438 p.
18. Documents in English Economic History: England from 1000 to 1760 / ed. by H. E. S. Fisher, B. W. Clapp, A. R. J. Jurica. London : Bell and Sins Ltd, 1977. 672 p.
19. Kerridge E. The Agricultural Revolution. London : Allen and Unwin, 1967. 428 p.

20. Попов-Ленский И. Л. К вопросу об огораживании общинных земель в Англии первой половины XVII в. // Ученые записки института истории РАНИОН. 1929. Т. 3. С. 284–305.
21. Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Charles I : in 23 vols. Vol. IX (1635–1636) / ed. by J. Bruce. London : Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1866. 620 p.
22. Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Charles I : in 23 vols. Vol. 10 (1636–1637) / ed. by J. Bruce. London : Longman, Green, Reader and Dyer, 1867. 660 p.
23. English economic history select documents / comp. and ed. by A. E. Bland, P. A. Brown, R. H. Tawney. 2d ed. London : G. Bell and sons, ltd., 1915. 730 p.
24. Gonner E. C. R. The Progress of Enclosures // English Historical Review. 1908. Vol. XXIII, № 91. P. 477–501.

References

1. Tawney R.H., Power E. (ed.) *Tudor Economic Documents: in 3 vols.* New York: H.M. Stat. off., 1924;I:389.
2. Mitrofanov V.P. The dynamics of agrarian legislation in Tudor England. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2020;(1):3–13. (In Russ.)
3. Mitrofanov V.P. Agrarian issues in the English parliament (second half of the 16th – first third of the 17th century). *Britanskiy parlament vchera i segodnya = The British parliament yesterday and today.* Moscow: IVI RAN, 2016:53–64. (In Russ.)
4. Mitrofanov V.P. Participation of estates in the adoption of agrarian legislation in Tudor England in the mid-16th – early 17th centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology.* 2021;20(1):9–20. (In Russ.)
5. Green M.A.E. others (eds.). *Calendar of State Papers. Domestic series. Of the Reign of James I: in 4 vols. Vol. I. (1603–1610).* London: Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1857:798.
6. Cabbett W. Elizabethan Village Surveys. *Transactions Royal Historical Society. 2nd ser.* 1897;XI:67–89.
7. Mitrofanov V.P. *Peasants and the State in England (1550–1640): DSc dissertation.* Penza, 2001:392. (In Russ.)
8. Shtokmar V.V. The English peasantry in the 16th–17th centuries. *Istoriya krest'yanstva v Yevrope: v 3 t. T. 3. Epokha feodalizma = History of the peasantry in Europe: in 3 volumes. Volume 3. The era of feudalism.* Moscow: Nauka, 1986:32–63. (In Russ.)
9. Gay E. Elizabeth Village Surveys. *Transactions of the Royal Historical Society. 2nd ser.* London, 1904;XVIII:67–89.
10. Gay E. The Midland Revolt of 1607. *Transactions of the Royal Historical Society. 2nd ser.* London, 1904;XVIII:195–237.
11. Leonard E.M. The Enclosures of Common Fields in The 17-th Century. *Transactions of the Royal Historical Society, new series.* London, 1905;XIX:101–146.
12. Martin J. *Feudalism to Capitalism: Peasants and Landlords in English Agrarian Development.* London: Basingstoke: Macmillan, 1983:255.
13. Thirsk J. Enclosing and Engrossing. *The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. 1500–1640.* Cambridge: Cam-bridge University Press, 1967:200–255.
14. Wordie J.R. The Chronologie of English Enclosures. *Economic History Review. 2nd series.* 1983;36(4):483–505.
15. Young F.A. *The Proclamations of the Tudor Queens.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976:277.

16. Gouseppi M.S., Lochie J.Mc.N. others (eds.). *Calendar of The Manuscripts of The Most Honourable The Marquest of Salisbury (Cecil). Preserved at Hatfield House Hertfordshire : in 24 vols.* London: H. M. Stat. off., 1965;19:638.
17. Tawney R.H. *Agrarian Problem in the 16-th Century.* London; New York: Longmans, Green and Co, 1913:438.
18. Fisher H.E.S., Clapp B.W., Jurica A.R.J. (eds.). *Documents in English Economic History: England from 1000 to 1760.* London: Bell and Sins Ltd, 1977:672.
19. Kerridge E. *The Agricultural Revolution.* London: Allen and Unwin, 1967:428.
20. Popov-Lenskiy I.L. On the issue of enclosing communal lands in England in the first half of the 17th century. *Uchenyye zapiski instituta istorii RANION = Scientific notes of the Institute of History RANION.* 1929;3:284–305. (In Russ.)
21. Bruce J. (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Charles I: in 23 vols. Vol. IX (1635–1636).* London: Longman, Brown, Green, Longmans and Roberts, 1866:620.
22. Bruce J. (ed.). *Calendar of State Papers. Domestic series, of the reign of Charles I: in 23 vols. Vol. 10 (1636–1637).* London: Longman, Green, Reader and Dyer, 1867:660.
23. Bland A.E., Brown P.A., Tawney R.H. (eds.). *English economic history select documents. 2d ed.* London: G. Bell and sons, ltd., 1915:730.
24. Gonner E.C.R. The Progress of Enclosures. *English Historical Review.* 1908;XXIII(91): 477–501.

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Петрович Митрофанов

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Vladimir P. Mitrofanov

Doctor of historical sciences,
professor of the sub-department
of general history and social
sciences, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 09.02.2025

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

PAGES OF THE HISTORY OF PENZA REGION

УДК 37.01

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-8

Благотворительная инициатива и формирование образовательной среды в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Пензенской губернии)

Н. А. Коблова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

nata_koblova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Россия эпохи поздней империи уверенно продвигалась по пути ускоренной модернизации, что сказалось на формировании новых паттернов социального поведения, в первую очередь в благотворительной деятельности. Одной из сфер проявления гражданской активности стало просвещение, так как низкий уровень грамотности оставался одним из главных факторов, сдерживавших социально-экономическое развитие. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения опыта реализации благотворительных инициатив в системе народного образования. Целью исследования является анализ благотворительной деятельности как фактора развития образовательной среды Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляют комплексы документальных свидетельств, представленные в Государственном архиве Пензенской области, а также материалы местной губернской периодической печати и опубликованные отчеты общественных объединений. Методологической основой по изучению различных форм общественного участия в благотворительных делах послужил комплекс методов исследования истории повседневности и локальной истории. *Результаты.* Исследование данной проблематики способствует реактуализации опыта эффективных практик взаимодействия власти и общества с целью оптимального осуществления социальной политики. В ходе проведенного анализа выявлены различные формы общественного участия в формировании образовательного пространства губернии. Отмечается роль органов местного самоуправления, раскрывается содержание индивидуальных и общественных инициатив. *Выводы.* Участие отдельных граждан и общественных объединений в деле поддержки и вспомоществования народному образованию с самого начала реформ приветствовалось региональной властью как способ снятия социального напряжения. Благотворительность стала одной из областей свободы, где могли быть реализованы самые смелые начинания, и одновременно школой «гражданского взросления» провинции. Земские учреждения оказывали поддержку студентам высших учебных заведений, а также учащимся гимназий. Помощь обучающимся поступала и от различных общественных объединений. За счет частных благотворительных

© Коблова Н. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

инициатив создавались новые учебные заведения. В этой сфере исподволь формировались новые паттерны социального поведения, обеспечивавшие усвоение ценностей новой эпохи.

Ключевые слова: благотворительность, Пензенская губерния, вторая половина XIX – начало XX в., земство, общественные объединения, образовательная среда

Финансирование: исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI в.: на примере деятельности М. М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» в 2024 г.

Для цитирования: Коблова Н. А. Благотворительная инициатива и формирование образовательной среды в России во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Пензенской губернии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 89–99. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-8

Charitable initiative and formation of educational environment in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (by the materials of Penza province)

N.A. Koblova

Penza State University, Penza, Russia
nata_koblova@mail.ru

Abstract. *Background.* Russia of the late empire era was confidently moving along the path of accelerated modernization, which influenced on the formation of new patterns of social behavior, and, first of all, in charitable activities. One of the areas of civic engagement was education, as low literacy remained one of the main factors holding back socio-economic development. The relevance of the study is determined by the need to study the experience of implementing charitable initiatives in the public education system. The purpose of the study is to analyze charitable activities as a factor in the development of the educational environment of the Penza province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Materials and methods.* The source base of the study consists of complexes of documentary evidence presented in the State Archive of the Penza Region, as well as materials from the local provincial periodical press and reporting documents of public associations. The methodological basis was a set of methods for studying the history of everyday life and local history, which contributed to the study of various forms of public participation in charitable affairs. *Results.* Research on this issue contributes to the reactualization of the experience of effective interactions between state and public mechanisms in order to optimally implement social policy. In the course of the analysis, various forms of public participation in the formation of the educational space of the province were identified. The role of local governments, as well as individual initiatives, is noted. *Conclusions.* The participation of individual citizens and public associations in supporting and assisting public education from the very beginning of the reforms was welcomed by the regional authorities as a way to relieve social tension. Charity became one of the areas of freedom where the most daring undertakings could be realized, and, at the same time, a school of “civic growing up” of the province. Zemstvo institutions supported students of higher educational institutions, as well as students of gymnasiums. Assistance to students came from

various public associations. Due to private charitable initiatives, new educational institutions were created. In this area, new patterns of social behavior were gradually formed, which ensured the assimilation of the values of the new era.

Keywords: charity, Penza province, second half of the XIX – beginning of the XX century, zemstvo, public associations, educational environment

Financing: the study was carried out in accordance with the state assignment of Penza State University “Practices of spiritual and moral service in Russian history of the second half of the 19th – early 21st centuries: by the example of the activities of M.M. Kiseleva and Penza branch of the Imperial Orthodox Palestine Society” within the Fundamental scientific research programs in the direction of “Russia and the Middle East: historical, political and cultural contacts and relationships” of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the International Public Organization “Imperial Orthodox Palestine Society” in 2024.

For citation: Koblova N.A. Charitable initiative and formation of educational environment in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (by the materials of Penza province). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):89–99. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-8

Рубеж XIX–XX вв. – это время структурной модернизации общества, переустройства социальных институтов, духовной трансформации. Очевидным трендом эпохи становится демократизация благотворительной деятельности: все более широкие массы населения находят свою «нишу» на ниве социальной помощи. Общественная благотворительность постепенно становится частью государственной системы социального обеспечения. Значительную роль благотворительные инициативы сыграли и в деле формирования образовательного пространства.

Вопросы благотворительного участия в сфере образования изначально рассматривались исследователями в контексте прочих мер общественного призрения. Так, Е. Д. Максимов, привлекая широкий круг делопроизводственных материалов, одним из первых составил очерк благотворительной деятельности в России [1]. Особое внимание автор уделил деятельности земств, сыгравших роль исторического «трамплина» в процессе становления системы народного образования.

Наряду с деятельностью земств исследователей привлекает изучение вопросов индивидуальной благотворительности, в частности женской инициативы. По мнению А. Линденмайер, именно эта ниша дала доступную и социально поощряемую возможность русской женщине вступить в гражданское общество. Комплекс добродетелей, предположительно присущих только женщинам, – сострадание, смирение и, прежде всего, служение другим – узаконил их переход от частной жизни к общественной [2, р. 586].

Деятельная забота о ближнем поддерживалась членами императорской фамилии, становясь новым паттерном поведения, эталоном для столичных и провинциальных дворян и чиновников. Роль дома Романовых в осуществлении своего рода социальной политики анализируют А. Р. Соколов и И. В. Зимин [3]. Это участие выражалось в «личной благотворительности членов императорской фамилии и в осуществлении ими руководства ведомствами, комитетами, их структурными подразделениями и отдельными учреждениями» [3, с. 27].

На современном этапе наблюдается устойчивый интерес к теме благотворительности в сфере образования в России второй половины XIX – начала XX в. Правовые основы такой деятельности, а также феномен попечительства анализируются В. А. Радченко [4]. Немаловажным является изучение региональных аспектов. На материалах отдельных регионов указанные проблемы рассматриваются в работах М. Н. Алексеевой, А. А. Быкова, Л. Ю. Соколовой, М. П. Широковой, Г. Я. Тригуб [5–8]. Отдельные вопросы благотворительности в Пензенской губернии отражены в работах Л. Д. Гошуляк [9].

Говоря о влиянии благотворительности на формирование образовательной среды Пензенской губернии, прежде всего необходимо отметить деятельность земства. Пензенское земство учреждало различные стипендии для студентов высших учебных заведений, мужских и женских гимназий. Пензенские студенты и студентки получали стипендии имени императорских особ (например, стипендия имени императора Александра I, предназначавшаяся детям офицеров и нижних воинских чинов, погибших в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и стипендия имени императора Александра II, предусмотренная для детей всех сословий [10, с. 1]). Также земская управа учреждала стипендии имени видных государственных деятелей. Например, стипендии имени А. Н. Бекетова (председателя губернской управы), В. Н. Кузьмина, князя Д. В. Друцкого-Соколинского (губернского гласного), Д. К. Гевлич, графа М. М. Сперанского [11, с. 85–90]. Прошения о стипендиях вместе со сведениями о родителях просящих прилагались к докладу Пензенскому губернскому земскому собранию. На назначение стипендии влияли успехи в учебе, а за неуспеваемость и, как следствие, оставление на повторный год для обучения земское собрание могло принять решение о лишении выплат. Например, правила о стипендии имени графа М. М. Сперанского при Казанском Университете гласили: «Избранный стипендиатом сохраняет право на стипендию во все продолжение обучения в Университете и может потерять ее только в случаях, если перейдет на другой факультет или по нерадению или неспособности он не будет признан достойным поступить в следующий курс, однако не иначе, как по формальному о том определению Совета Казанского Университета и с согласия Пензенского Губернского Земского Собрания» [11, с. 90].

Размер стипендиальной поддержки варьировался от 5600 руб. для выплаты стипендии имени А. П. Бекетова [12, с. 118] до 200 руб. для стипендии имени Д. В. Друцкого-Соколинского [13, с. 204], 360 руб. для стипендии имени Д. К. Гевлич и 70 руб. для стипендии имени В. Н. Кузьмина [11, с. 86].

Земство активно работало над системой народного образования в рамках своих полномочий. Одной из непосредственных задач земства стала организация сети народных библиотек. Так, в Пензе в 1898 г. открылись первые десять [14, л. 6]. Однако в деле народного просвещения было место и для благотворительной деятельности земств, например, через поддержку общественных инициатив. Так, члены земства вносили добровольные пожертвования в пользу Общества имени А. С. Пушкина, взаимного вспомоществования учащимся и учившим в народных училищах Пензенской губернии. Так, например, в 1909 г. в пользу Общества от Пензенского губернского и уездных земств поступило 2474 руб. 75 коп., а в 1911 г. – 2590 руб. 25 коп. [15, с. 8, 14].

Развитию образовательной среды способствовала благотворительная деятельность ряда общественных организаций. В губернии таковые появились еще до упрощения процедуры их регистрации в связи с новым положением 4 марта 1906 г. В частности, в мае 1877 г. было учреждено Общество вспомоществования бедным ученицам пензенских женских гимназий и прогимназий. Согласно Уставу, цель Общества состояла в попечении о нуждающихся ученицах пензенских гимназий и прогимназий. Означенное попечение состояло в следующих вспомоществованиях:

- а) во взносе за нуждающихся учениц платы за обучение;
- б) в выдаче им книг и других учебных пособий;
- в) в предоставлении им одежды, пищи, квартиры и др. [16, с. 1].

Кроме этого, в Пензе функционировали следующие общества: Общество вспомоществования бедным ученикам 2-й мужской гимназии, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Инсарской гимназии, Общество вспомоществования ученикам смешанного училища, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Краснослободской гимназии и др. С 1905 г. стали открываться родительские комитеты, также принимавшие посильное участие в деле развития благотворительной деятельности и общественной инициативы в сфере образования. Так, например, родительский комитет при 2-й мужской гимназии способствовал улучшению материально-технических условий, а также формированию библиотеки [17]. Помимо комитетов при учебных заведениях открывались родительские общества, способствовавшие улучшению условий для обучения. Например, Родительское общество вспомоществования нуждающимся ученицам 1-й частной женской гимназии Е. А. Сердобольской в г. Пензе в 1909 г. учредило при гимназии общежитие для 8–12 девочек. Проживавшие в нем ученицы находились под наблюдением надзирательницы, состоявшей на жаловании Общества. Целью учреждения общежития рассматривались «воспитательные и экономические удобства для детей иногородних родителей» [18, с. 3–4].

С развитием системы профессионального образования благотворительная деятельность проникла и в эту сферу. Силами общественной и частной благотворительной инициативы стали открываться профессиональные учебные учреждения, в частности ремесленные школы. Так, 20 апреля 1873 г. в Пензе было торжественно объявлено о создании Общества для поощрения трудолюбия. После благодарственного молебна, состоявшегося по случаю выздоровления от болезни императора Александра, пензенские дамы предложили ознаменовать это радостное известие устройством в Пензе на добровольные пожертвования благотворительного учреждения. Беспомощное состояние многих бедных женщин, не имеющих возможности производительно применить свой труд, и отсутствие школ для женского ремесленного образования подарили мысль основать общество преимущественно дамское, которое имело бы целью развитие женского труда вообще как средства существенного вспомоществования неимущим женщинам всех сословий, а также содействие сбыту женских рукоделий. Общество было взято под покровительство императрицей Марией Александровной [19, с. 3].

Во главе Общества поощрения трудолюбия в Пензе находилась супруга бывшего пензенского губернатора Лидия Арсеньевна Татищева, которая государыней императрицей была утверждена в звании председатель-

ницы комитета. Ближайшей же исполнительницей ее распоряжений и наблюдательницей за ходом дел и порядком в школе и мастерской состояла в 1870-х гг. Каролина Андреевна Ратцлер в звании помощницы попечительницы.

В первые годы своей деятельности Общество сосредоточило свое внимание на развитии ремесленной школы. Мастерская для портних, состоявшая всего из двух мастериц, существовала при ней для обучения и практике учениц школы, в которую в течение 1873 г. поступила 41 девочка в возрасте от 12 до 15 лет. Находясь целый день в заведении, ученицы школы, как равно и мастерицы, получали от Общества поощрения трудолюбия полное продовольствие: завтрак, обед и ужин, а беднейшие из девочек, не имевшие средств на одежду и обувь, снабжались и платьем. Занятия детей школьными предметами состояли в обучении Закону Божьему, русской грамоте, начальным правилам арифметики, счетоводству и пению, посещали эти предметы по 2 ч ежедневно, остальное время предназначалось для занятия рукоделием. Время пребывания в школе зависело от возраста, в котором поступила воспитанница в школу, и от ее способностей. Полный курс обучения составлял три года [20, с. 3].

Содержание школы и мастерской в продолжение девяти месяцев 1873 г. обошлось в 1450 руб. 80 копеек, за эти девять месяцев было выполнено 345 заказов, из числа коих 204 были сделаны из материалов, приобретенных на средства Общества, а остальные – из материалов заказчиков. В 1874 г. число учениц в школе увеличилось на семь, в мастерской осталось 2 мастерицы, но кроме них была нанята особая прачка, так как председательница комитета Татищева нашла необходимым иметь при мастерской особое прачечное заведение, а вместе с тем оно давало возможность девочкам, в особенности белошвейкам или малоспособным к другим работам, изучить прачечное искусство [21, с. 3].

Кроме расходов по содержанию школы и мастерских и пособий бедным труженицам комитету Общества предстояли и другие издержки по возведению надворных построек при доме Общества и на обычные ремонтные работы [22, с. 3].

Казна Общества пополнялась за счет ежегодных членских взносов, пожертвований, сборов от спектаклей, концертов, доходов от сдачи в найм квартир в доме Общества и выручки за работы в мастерской и прачечной. Война с Турцией отвлекла благотворителей на иную деятельность: все устремились на помощь больным и раненым воинам, дамы вступали в Общество Красного Креста. Заведения Общества поощрения трудолюбия в Пензе остались на попечении Татищевой. На помощь пришла Пензенская городская дума, которая постановила ежегодно отпускать по 500 руб. (с 1878 г.) в распоряжение Общества [22, с. 3]. Значение данной школы трудно переоценить, поскольку ее выпускницы реализовали полученные навыки, работая в разных городах империи, а во время конфликта с турками 1877–1878 гг. мастерицы оказали посильную помощь в работе Общества Красного Креста.

Большую роль в деле развития образования сыграли индивидуальные благотворительные инициативы. В этом отношении показателен личный пример упоминаемой нами Лидии Арсеньевны Татищевой. По выражению А. В. Тюстина, «она первой из влиятельных и состоятельных женщин Пензы признала и озвучила идею ремесленного образования среди

женщин» [23, с. 199]. По ее инициативе возникло само учреждение, Общество поощрения трудолюбия, она принимала главное участие в составлении проекта устава и в ходатайстве об учреждении его, ею основана ремесленная школа и мастерская, и под ее ближайшим руководством и наблюдением велось все дело. Она, одним словом, составляла душу учреждения, а ремесленная школа носила ее имя и называлась Татищевской. По духовному завещанию Татищева оставила Обществу 20 тыс. руб. капитала [24, с. 4].

В 1883 г. средства Общества увеличились случайным поступлением. Некто тайный советник Василий Антонович Инсарский – пензенский уроженец – по духовному завещанию завещал 20 тыс. руб. обратить в вечный неприкосновенный капитал имени завещателя, чтобы ежегодные проценты от этого капитала обращались в пользу бедных г. Пензы по усмотрению местного благотворительного заведения. Губернское правление передало сумму, заключенную в пятипроцентных билетах в Общество поощрения трудолюбия [25, с. 3].

Другим примером частной благотворительной инициативы может служить участие в деле развития Чембарской ремесленной школы (так называемые «Дополнительные курсы для изучения ремесел»), открытой в 1874 г. при Чембарском уездном училище. Покупка особого дома для названных курсов была необходима из-за крайне неудобного помещения в уездном училище, в котором не было свободных комнат, почему занятие ремеслом производилось в классах училища. Для этого каждый раз по окончании учебных занятий надо было сдвигать и выносить ученические столы и скамьи и ставить ремесленные принадлежности, а по окончании занятий ремеслами – выносить различные станки, верстаки, столики и рабочие инструменты и расставлять по-прежнему классную мебель. Конечно, это было сопряжено с большими неудобствами и имело неблагоприятное влияние на ход обучения мальчиков ремеслам. Чтобы устранить подобные неудобства, решено было приобрести для ремесленной школы отдельное помещение. Средства для этого предоставили московские купцы Баклановы, владеющие в Чембаре шерстомойным заведением. Купленный на Никольской площади дом обошелся в 650 руб. [26, с. 3].

Таким образом, в формировании образовательной среды Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в. свою роль сыграла благотворительная инициатива. Развитие народного образования было одной из функциональных обязанностей губернского земства. Однако в рамках благотворительной инициативы пензенское земство поддерживало студентов учебных заведений выдачей различного рода стипендий, а также участием членов земств в работе общественных объединений. Формированию образовательной среды способствовала благотворительная деятельность ряда общественных организаций. Кроме того, частные жертвователи создавали новые эталоны поведения, открывая учебные заведения и всячески способствуя их совершенствованию. Рассматриваемые практики являлись обновленными механизмами взаимодействия общества и государства, эффективными паттернами функционирования гражданских институтов.

Список литературы

1. Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894. 277 с.
2. Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914 // *Sings: Journal of Women in Culture and Society*. 1993. Vol. 18, № 3. P. 562–591.
3. Соколов А. Р., Зимин И. В. Благотворительность царской семьи. XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М. : Центрполиграф, 2015. 604 с.
4. Радченко В. А. Благотворительность как средство развития отечественного образования в середине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Владикавказ, 2015. 197 с.
5. Алексеева М. Н. Становление и развитие благотворительной деятельности в сфере народного образования в Симбирской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. пед. наук : 5.8.1. Саранск, 2023. 206 с.
6. Быков А. А. К вопросу о благотворительности в сфере образования в Западной Сибири (XIX – начало XX века) // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. № 3. С. 175–178.
7. Соколова Л. Ю., Широкова М. П. О благотворительности в сфере начального и среднего профессионального образования в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2000. № 5 (21). С. 104–108.
8. Тригуб Г. Я. Общественная и частная благотворительность в городах Забайкалья в сфере народного образования (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2009. № 2 (9). С. 83–92.
9. Гошуляк Л. Д. Влияние просветительства и благотворительности на развитие системы общего образования Пензенской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 739–741.
10. Доклад Пензенской губернской земской управы об участии Пензенского губернского земства в развитии народного образования в 1901 году. Пенза : Первая типо-литография Н. Н. Молочникова, 1901. 72 с.
11. Пензенская губернская земская управа. Доклады Пензенской губернской земской управы по народному образованию Пензенскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1913 года. Пенза : Типография братьев Соломоновых, 1913. 110 с.
12. Двадцатипятилетняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии, 1865–1889 годы. Пенза : Типо-лит. В. Н. Умнова, 1894. 394 с.
13. Систематический сборник постановлений Пензенского губернского земского собрания 1865–1911 гг. Пенза : Пенз. губ. земство, 1913–1914. 652 с.
14. Государственный архив Пензенской области. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1242.
15. Пензенское губернское общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах им. А. С. Пушкина. Отчет Общества имени А.С. Пушкина взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Пензенской губернии за 1909–1912 гг. Пенза : Типография «Братьев Соломоновых», 1912. 46 с.
16. Устав общества вспомоществования бедным ученицам пензенских женских гимназий и прогимназий : утв. 21 мая 1877 г. Пенза : Тип. губ. правления, 1877. 7 с.
17. Журнал учеников Пензенской 2-й Гимназии. Пенза : Тип. Попова и Соломонова, 1906. № 1-2. Отдел IV-III. С. 1–15.
18. Отчет по деятельности Родительского Общества вспомоществования нуждающимся ученицам 1-й частной женской гимназии в г. Пензе, учрежденной Е. А. Сердобольской, за 1909–1910 отчетный год. Пенза : Паровая типо-лит. Е.М. Грушецкой, 1910. 8 с.

19. Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1890. № 183.
20. ПГВ. 1890. № 191.
21. ПГВ. 1890. № 185.
22. ПГВ. 1890. № 186.
23. Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие : в 3 т. Т. 2 (М–Т). М. : Локус Станди, 2012. 216 с.
24. Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны Общества поощрения трудолюбия в г. Пензе за 1909 год. Пенза : Тип. И. В. Савохина, 1910. 30 с.
25. ПГВ. 1890. № 187.
26. ПГВ. 1877. № 13.

References

1. Maksimov E.D. *Istoriko-statisticheskiy ocherk blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii* = *Historical and statistical essay on charity and public welfare in Russia*. Saint Petersburg, 1894:277. (In Russ.)
2. Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Sings: Journal of Women in Culture and Society*. 1993;18(3):562–591.
3. Sokolov A.R., Zimin I.V. *Blagotvoritel'nost' tsarskoy sem'i. XIX – nachalo XX vv. Povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora* = *The charity of the royal family. XIX – early XX centuries. Daily life of the Russian Imperial Court*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015:604. (In Russ.)
4. Radchenko V.A. *Charity as a means of developing domestic education in the mid-19th – early 20th centuries: PhD dissertation*. Vladikavkaz, 2015:197. (In Russ.)
5. Alekseyeva M.N. *Formation and development of charitable activities in the field of public education in the Simbirsk province (second half of the 19th – early 20th centuries): PhD dissertation*. Saransk, 2023:206. (In Russ.)
6. Bykov A.A. On the issue of charity in the field of education in Western Siberia (the 19th – early 20th centuries). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* = *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. 2007;(3):175–178. (In Russ.)
7. Sokolova L.Yu., Shirokova M.P. On charity in the sphere of primary and secondary vocational education in Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2000;(5):104–108. (In Russ.)
8. Trigub G.Ya. Public and private charity in the cities of Transbaikalia in the field of public education (second half of the 19th – early 20th centuries). *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* = *Oykumene. Regional studies*. 2009;(2):83–92. (In Russ.)
9. Goshulyak L.D. The influence of education and charity on the development of the general education system of Penza province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo* = *Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy*. 2012;(28):739–741. (In Russ.)
10. *Doklad Penzenskoy gubernskoy zemskoy upravy ob uchastii Penzenskogo gubernskogo zemstva v razvitii narodnogo obrazovaniya v 1901 godu* = *Report the Penza Provincial Zemstvo Council on the participation of Penza Provincial Zemstvo in the development of public education in 1901*. Penza: Pervaya tipo-litografiya N.N. Molochnikova, 1901:72. (In Russ.)
11. *Penzenskaya gubernskaya zemskaya uprava. Doklady Penzenskoy gubernskoy zemskoy upravy po narodnomu obrazovaniyu Penzenskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu ocherednoy sessii 1913 goda* = *Penza provincial land council. Reports of Penza provincial land council on national education of Penza provincial land council of the regular session of 1913*. Penza: Tipografiya brat'yev Solomonovykh, 1913:110. (In Russ.)

12. *Dvadsatipyatiletnyaya deyatel'nost' zemskikh uchrezhdeniy Penzenskoy gubernii, 1865–1889 gody* = *Twenty-five years of activity of zemstvo institutions of Penza province, 1865–1889*. Penza: Tipo-lit. V.N. Umnova, 1894:394. (In Russ.)
13. *Sistematicheskii sbornik postanovleniy Penzenskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 1865–1911 gg.* = *Systematic collection of resolutions of the Penza provincial zemstvo assembly from 1865 to 1911*. Penza: Penz. gub. zemstvo, 1913–1914:652. (In Russ.)
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoy oblasti. F. 81. Op. 1. D. 1242* = *State Archive of Penza region. Fund 81. Item 1. File 1242*. (In Russ.)
15. *Penzenskoye gubernskoye obshchestvo vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchim i uchivshim v narodnykh uchilishchakh im. A.S. Pushkina. Otchet Obshchestva imeni A.S. Pushkina vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchim i uchivshim v narodnykh uchilishchakh Penzenskoy gubernii za 1909–1912 gg.* = *Penza Governorate Society of Mutual Assistance to Teachers and Educators in People's Education named after A.S. Pushkin. Report of the A.S. Pushkin Society of Mutual Assistance to Teachers and Educators in People's Education of the Penza Governorate for 1909–1912*. Penza: Tipografiya «Brat'yev Solomonovykh», 1912:46. (In Russ.)
16. *Ustav obshchestva vspomoshchestvovaniya bednym uchenitsam penzenskikh zhenskikh gimnazii i progimnazii: utv. 21 maya 1877 g.* = *Charter of the society for assistance to poor students of the Penza Girls' Gymnasium and Progymnasium: approved May 21, 1877*. Penza: Tip. gub. pravleniya, 1877:7. (In Russ.)
17. *Zhurnal uchenikov Penzenskoy 2-y Gimnazii* = *Journal of students of Penza 2nd Gymnasium*. Penza: Tip. Popova i Solomonova, 1906;(1-2):1–15. (In Russ.)
18. *Otchet po deyatel'nosti Roditel'skogo Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya uchenitsam 1-y chastnoy zhenskoj gimnazii v g. Penze, uchrezhdennoy E.A. Serdobol'skoy, za 1909–1910 otchetnyy god* = *Report on the activities of the Parental Society in providing assistance to needy students of the 1st private women's gymnasium in Penza, taught by E.A. Serdobolskaya, for 1909–1910*. Penza: Parovaya tipo-lit. E.M. Grushetskoy, 1910:8. (In Russ.)
19. *Penzenskiye gubernskiye vedomosti (PGV). 1890. № 183* = *Penza provincial gazette. 1890. No. 183*. (In Russ.)
20. *PGV. 1890. № 191* = *Penza provincial gazette. 1890. No. 191*. (In Russ.)
21. *PGV. 1890. № 185* = *Penza provincial gazette. 1890. No. 185*. (In Russ.)
22. *PGV. 1890. № 186* = *Penza provincial gazette. 1890. No. 186*. (In Russ.)
23. Tyustin A.V., Shishkin I.S. *Penzenskaya personaliya. Slavu Penzy umnozhevshiye: v 3 t. T. 2 (M–T)* = *Penza personalities. Those who increased the glory of Penza: in 3 volumes. Volume 2 (M–T)*. Moscow: Lokus Standi, 2012:216. (In Russ.)
24. *Otchet o deyatel'nosti sostoyashchego pod avgusteyshim pokrovitel'stvom gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny Obshchestva pooshchreniya trudolyubiya v g. Penze za 1909 god* = *Report on the activities of the Labor Protection Society of the Augustinian Empress Maria Feodorovna in Penza for the year 1909*. Penza: Tip. I.V. Savokhina, 1910:30. (In Russ.)
25. *PGV. 1890. № 187* = *Penza provincial gazette. 1890. No. 187*. (In Russ.)
26. *PGV. 1877. № 13* = *Penza provincial gazette. 1877. No. 13*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Андреевна Коблова

соискатель, ассистент кафедры истории России и методики преподавания истории, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nata_koblova@mail.ru

Nataliya A. Koblova

Applicant, assistant of the sub-department of history of Russia and methods of teaching history, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 31.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.01.2025

Принята к публикации / Accepted 08.02.2025

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

**Революционные события начала XX в. глазами
православного духовенства (по материалам
«Пензенских епархиальных
ведомостей» 1905–1910 гг.)**

С. В. Домнин

Пензенская духовная семинария Пензенской епархии
Русской православной церкви, Пенза, Россия

serafim.mitr@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы определяется необходимостью исследования опыта преодоления кризисных тенденций в условиях модернизации российского общества и поиском путей к обеспечению единства и согласия в настоящее время. Цель исследования – анализ восприятия и исторических оценок православным духовенством революционных процессов начала XX в., а также роли Русской церкви в общественной жизни страны накануне крушения империи. *Материалы и методы.* Анализируются взгляды представителей православного духовенства на причины и предпосылки революционных событий, взаимоотношений Русской церкви с разными слоями общества и политическими партиями. В качестве источника для изучения данной проблемы использованы материалы «Пензенских епархиальных ведомостей» (1905–1910 гг.). Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории повседневности российского общества. Диахронический метод был применен для анализа проблемы в исторической ретроспективе, а синхронический метод позволил показать позицию Русской церкви на фоне происходящих исторических событий. *Результаты.* Исследовано отношение православного духовенства к проблемам революционного движения, дана характеристика взглядам конкретных священнослужителей на причины политической нестабильности российского общества и пути преодоления социального кризиса. *Выводы.* Анализ публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» позволяет сделать вывод о том, что с 1905 по 1908 г. авторы журнала искали ответы на три вечных вопроса российской истории: «Что происходит?», «Кто виноват?», и «Что делать?». На фоне революционных событий и кризиса синодальной системы авторы констатировали нарастание противоречий и в церковной среде, бюрократизацию Русской церкви, падение общественного авторитета духовенства; указывали на необходимость церковного реформирования и обновления приходской жизни. Своеобразная «революционная ситуация» внутри самой Церкви проявилась в формировании недовольства значительной части духовенства политикой Святейшего синода и обер-прокурора. Первая русская революция была оценена как анархия, политическая смута, общественное несчастье. В условиях нарастающего противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству. Русская церковь пыталась соотнести христианские идеалы с политикой, поскольку была вынуждена искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий вызывали критику церковных авторов, некоторые из которых подчеркивали несовместимость социализма и христианства. Однако звучали мнения, что духовенство не может устраниваться от участия в общественной и политической жизни.

© Домнин С. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «Пензенские епархиальные ведомости», православное духовенство, революция, освободительное движение

Для цитирования: Домнин С. В. Революционные события начала XX в. глазами православного духовенства (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» 1905–1910 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 100–109. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

Revolutionary events of the early 20th century through the eyes of the orthodox clergy (by the materials of Penza diocesan journal 1905–1910)

S.V. Domnin

Penza Theological Seminary of the Penza Diocese
of the Russian Orthodox Church, Penza, Russia

serafim.mitr@gmail.com

Abstract. *Background.* The relevance of the chosen topic is determined by the need to study the experience of overcoming crisis trends in the context of modernization of Russian society and the search for ways to ensure unity and harmony at the present time. The purpose of the study is to analyze the perception and historical assessments by the Orthodox clergy of the revolutionary processes of the early 20th century, as well as the role of the Russian Church in the public life of the country on the eve of the collapse of the empire. *Materials and methods.* The article analyzes the views of representatives of the Orthodox clergy on the causes and background of revolutionary events, the relationship of the Russian Church with different segments of society and political parties. The materials of the Penza Diocesan Journal (1905–1910) were used as a source for studying this problem. The research methodology is based on the principles of a systematic approach to the consideration of issues of the history of everyday life in Russian society. The diachronic method was used to analyze the problem in historical retrospective, and the synchronic method allowed us to show the position of the Russian Church against the background of historical events. *Results.* The article examines the attitude of the Orthodox clergy to the problems of the revolutionary movement, characterizes the views of specific priests on the causes of political instability in Russian society and ways to overcome the social crisis. *Conclusion.* An analysis of the publications of the Penza Diocesan Journal allows us to conclude that from 1905 to 1908 the authors of the journal were looking for answers to three “eternal” questions of Russian history: “What is happening?”; “Who is to blame?”; “What should I do?”. Against the background of revolutionary events and the crisis of the synodal system, the authors noted the growing contradictions in the church environment, the bureaucratization of the Russian Church, the decline in the public authority of the clergy; pointed to the need for church reform and renewal of parish life. A peculiar “revolutionary situation” within the Church itself manifested itself in the formation of dissatisfaction among a significant part of the clergy with the policies of the Holy Synod and the Chief Prosecutor. The first Russian Revolution was estimated as “anarchy”, “political turmoil”, “public misfortune”. In the context of the growing confrontation of classes and fierce controversy of various political parties, the clergy tried to determine their social status and role in the coming changes. Church authors emphasized the closeness of the clergy to the intelligentsia, which was often criticized, and the peasantry. The Russian Church tried to correlate Christian ideals with politics, as it was forced to look for its platform among the programs of other parties. The political doctrines of the left-wing parties were criticized by church authors, some of whom emphasized the incompatibility of socialism and Christianity. However, there were opinions that the clergy could not withdraw from participation in public and political life.

Keywords: Russian Orthodox Church, Penza Diocesan Journal, Orthodox clergy, revolution, liberation movement

For citation: Domnin S.V. Revolutionary events of the early 20th century through the eyes of the orthodox clergy (by the materials of Penza diocesan journal 1905–1910). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):100–109. (Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

Начало XX в. для Российской империи стало прологом к смене модели общественного развития, эпохой революционной ломки общественно-политического строя. Русская церковь в сложившихся обстоятельствах оказалась перед лицом новых вызовов. Так, М. В. Шкаровский убежден, что к началу XX в. Русская православная церковь находилась в состоянии «глубокого внутреннего кризиса, причиной которого послужило «введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату» [1]. Солидарна с этим утверждением и Н. Г. Карнишина: «Русская православная церковь была прочно вписана в бюрократический механизм государства» [2, с. 15].

В данной статье автор задался целью ответить на вопрос о том, какой предстала провинциальная повседневность и общественно-политическая ситуация 1905–1917 гг. в глазах духовенства Пензенской епархии. Наиболее информативным источником для поиска ответа на этот вопрос являются «Епархиальные ведомости», местные официальные церковные периодические издания (журналы), выходившие в 63 епархиях Русской православной церкви.

Епархиальные авторы искали ответы на три болевых вопроса российской истории: «Что происходит?», «Кто виноват?», «Что делать?». Очевидцам и современникам Первой русской революции было важно осмыслить причины социального взрыва, понять роль каждого общественного слоя и класса, определить собственную причастность к происходящим событиям. Духовенству предстояло, в дополнение ко всему перечисленному, помимо пастырского служения погрузиться в споры разных политических партий и искать ответ на вопрос, в каких пределах является допустимым участие пастырей в политической жизни, как соотносится христианство с политическими доктринами.

Тематические заголовки статей соответствуют общему направлению размышлений их авторов: «Духовный паралич общества», «Кто же виноват и где искать выхода?», «Пониженность духовенства», «Что нам делать?», «Пастырство и политика», «В чем причина наших общественных несчастий?» и др.

Так, на вопрос о том, что происходит в России, безымянный автор отвечал: «политическая смута и нравственная анархия» [3, с. 715]. В другой статье, тоже безымянной, картина происходившего отражает трагические подробности: «Пробуждение и расширение политической жизни в России залило кровью ее, наполнило ужасами, преступлениями, навело на всех страх и трепет... Сильно давила наш народ бюрократическая политика; но в тысячу раз ужасней оказалась революционерная ломка ея» [4, с. 300].

Характерной чертой провинциальной повседневности в 1905–1907 гг. стали антицерковные настроения, которые начали охватывать широкие народные

массы. Нередкими были случаи бойкотирования, изгнания священников, погромы домов и даже убийства. Например, священник Головин, который служил в с. Муромине Рязанского уезда, свидетельствовал: «Забастовка у нас, – пишет о. Головин, – выразилась в следующей форме. Фабричные отказались работать на суконной фабрике Арацкова в с. Муромине. Затем прошли по улицам толпы народа с красными флагами, с песнями и с криками “ура”; заходили к старшине, врачу, управляющим, священникам и требовали пройти с ними по улице, якобы ради великого народного праздника свободы. Отказывающимся наносили оскорбления, а меня прямо-таки схватили и потащили на улицу без шапки и обутого на босу ногу. Конечно, я тотчас же ушел, но вслед кричали: “долой попов!”, “обманщики попы”, “общественные паразиты! Хамы!”» [5, с. 333].

Другой священник, Владимир Иссинский, приводит примеры уничижительных оценок духовенства в повседневной жизни со стороны современников: «Ни о ком, кажется, у нас на Руси не ходит столько нелепых рассказов, обидных поговорок, оскорбительных примет и суеверий, как о православном духовенстве, преимущественно о священниках. Говорят и о поповских будто бы завистливых глазах, и о поповских широких карманах, о поповской ненасытности и алчности, о поповской неводержности и грубости» [6, с. 951]. Иссинский обратил также внимание на проявления негативного отношения к духовенству на политическом уровне со стороны всех партийных сообществ – левых, либеральных и правых партий. По его мнению, враждебное отношение общества к духовенству отразилось не только в партийной печати, но и в светской литературе: «Вы самозванцы, вы обманщики... Для чего вы протягиваете ваши рабские руки к школам? Чему вы можете учить народ? Новый общественный строй смывает вас с лица земли; только в истории останется одна черная страница. Вы не соль земли, вы грязь земли...» [6, с. 955].

Нагнетание нетерпимого отношения к духовенству на страницах светских печатных изданий происходило на фоне нарастающей волны беспорядков, краж церковных денег и имущества, нападений на церковнослужителей [7, с. 1007]. Например, вечером 8 июля 1906 г. толпа крестьян с. Чуфарова Саранского уезда при участии женщин и даже детей, вооруженная косами, топорами, вилами и кольями, сделала открытое нападение на плодовый сад Чуфаровского Троицкого женского монастыря, изломав изгородь и причинив значительный вред плодовым деревьям. При этом крестьянами было унесено до 400 пудов яблок и расхищено имущество караульщика. Заведующая садом монахиня получила два удара в бок косою. Толпа бунтовала всю ночь, ругаясь и распевая песни. Монастырские рабочие не могли остановить этот беспорядок [8, с. 862–863].

В мае 1907 г. Пензенская губерния была шокирована убийством ректора Пензенской духовной семинарии. В статье «Ужасное злодеяние» сообщались подробности трагического события. Архимандрит Николай Орлов был убит тремя выстрелами в аллее, ведущей от семинарского корпуса к его квартире, куда он возвращался после педагогического собрания Правления семинарии. Неизвестный автор недоумевал: «...о. архимандрит Николай не служил в Пензе и 5 месяцев. Какие были побуждения к убийству этого молодого и нового в Пензе человека, трудно даже представить себе; к тому

же это был человек очень добрый, благожелательный и благодушный; никакой политикой не занимался. Ввиду сего убийство о. Николая является особенно возмутительным. Светские власти и общество требовали немедленного закрытия семинарии. По распоряжению Св. Синода от 23 мая 1907 г., семинария закрыта на неопределенное время» [9, с. 472–475].

Авторы «Пензенских епархиальных ведомостей» оценивали события, происходившие в годы Первой русской революции, как «общественное несчастье» и размышляли над его причинами. «В чем причина наших общественных несчастий?» – восклицал автор, подписавшийся инициалами «М.В.», в одноименной статье: «Неужели лишь в том, что до сего времени мы жили теми формами государственной жизни, которые все же, худы они или хороши, создали русское государство, давали ему твердость и силу?» [10, с. 217]. Далее автор размышляет над вопросом, почему «наша русская государственная и общественная жизнь течет такими неправильными путями, сопровождается такими ужасающими событиями, проявляет столько зла и беззаконий, столько злобы и ненависти, разорения и разрушения». По мнению автора, имела место «нравственная причина», в обществе утрачено понимание добра и зла: «Разве не несчастье, что у нас потерялись всякий нравственный смысл, всякое человеческое чувство, и величайшие беззакония и злодеяния – убийства, грабежи, совершаемые среди белого дня, не только не считаются беззаконием, злом, а напротив – даже одобряются, радуют, а убийцы и грабители превозносятся, возводятся в великих людей, благодетелей человечества, коим готовы кланяться и прославлять?» [10, с. 215–216].

Далее автор перечисляет проявления «общественного несчастья». Во-первых, «наш крестьянин, которого мы считали благоговейным богоносцем, ныне, под влиянием проповеди “освободителей”, грабит своих соседей, сжигает, уничтожает всякими, часто бессмысленными и дикими способами их добро». Во-вторых, гибель «от руки убийц сотни царских слуг, верных исполнителей своего долга, не убоявшихся, по совести и в силу данной присяги, исполнить принятое на себя, или возложенное Царем и властями служебное дело» [10, с. 216].

Автора статьи крайне удивляло то обстоятельство, что изъяны общества вызывают у современников сокрушительный отклик: «У нас радуются, если услышат или прочитают о случаях измены воина данной присяге, неповиновения им своей законной власти, нарушения служебного порядка. Приходят в восторг, когда видят признаки упадка материального благосостояния нашего государства, когда враги издеваются над ним, радуются его несчастью, его ослаблению и унижению; помогают ослаблению, унижению своей родной земли, готовы разодрать ее, разделить то, что создали, приобретали наши предки, и при этом думают, что делают хорошо, делают то, что должны делать. Разве это не несчастье?» Великим бедствием автор назвал ежедневную сознательную ложь, которая стала «средством и орудием влияния печатного и устного слова на массы народа» [10, с. 216].

За гранью понимания автора находилась роль интеллигенции в происходивших событиях. «И чье сознание может вместить, – продолжает автор, – что убийцами, грабителями, сознательными лжецами, подстрекателями к беззакониям и преступлениям являются не невежды, ничему не учившиеся, не те, чей разум от пороков и беззаконий помутился, а совесть ослабела, а люди,

часто много и многому учившиеся, знакомые “с последними выводами науки и философии”, рассуждающие о благе народов и государств, о лучшем строе их жизни? Чья душа может мириться с тем, что оправдывают и даже сами поощряют беззакония, грабежи и убийства так называемые “лучшие русские люди, представители и избранники русского народа”, а к неповиновению законам государства зовут люди высокого умственного развития, просветители народа и юношества – светочи русской мысли, представители русской науки» [10, с. 215].

Вовлеченность интеллигенции в освободительное движение имела обратную сторону, которая выражалась в противоречии между идеалами интеллигенции и средствами их достижения. Политическим идеалом российской интеллигенции стало «переустройство гражданской и политической жизни на началах социально-экономического братства, равенства и свободы». Средства самой передовой интеллигенции символизирует красное знамя. Однако «средства эти самые бесчеловечные, противные элементарной нравственности и, конечно, духу христианства, и именно борьба самая ожесточенная, основывающаяся на безжалостном и бесчеловечном терроризме». Для достижения своих целей, своего идеала интеллигенция группируется в партии с незначительным курсом влево или вправо [11, с. 554]. Вербовка интеллигентов во фракции, партии, союзы, в целые движения – это «симптом подавления и даже убийства индивидуальных духовных свойств и качеств человека» [11, с. 555].

Независимо от умозаключений известных философов, епархиальные авторы в своих публикациях осознали и охарактеризовали сущность раскола русской культуры: «Когда высшая часть общества оторвалась от духовного союза с своею православною церковью и своим православным народом, поклонилась иноземной культуре, как своему богу, и стала служить ей, забыв о духовных интересах своего народа», в результате порвалась «цепь великая, цепь духовно-нравственной связи высшего общества с народом, и одним концом попав по барину, другим задела мужика. Именно в этом роковом разрыве образованного общества с народом заключается причина и источник наших бед, ибо с этого времени наши образованные люди перестали понимать свой народ, а народ с своей стороны перестал доверять им» [12, с. 292].

Почему образованные люди в стремлении быть «великими благодетелями» становятся «великими злодеями» и разоряют Россию? Вот еще один вопрос, поставленный епархиальными авторами перед читателями [10, с. 218]. И сами ответили на этот вопрос: «Весь ужас нашего времени в том, что мы не понимаем его причины и значения. Мы не замечаем того, что, потеряв Бога, мы потеряли все – всякое добро и способность к нему: наши понятия затемнились, убеждения извратились, сердце наше огрубело, ожесточилось. Мы стали “переоценивать все ценности” и потеряли цену души человеческой и самого человека» [10, с. 223]. Вывод анонимного автора неутешителен: «Современная общественная жизнь пребывает в состоянии духовного паралича» [11, с. 550].

Священник Алексей Швецов охарактеризовал происходившее как «время религиозного одичания». По его мнению, это выражалось в полном неверии, в отпадении из православия в раскол и сектантство, в религиозном индифферентизме и, наконец, в пренебрежительном отношении к Церкви

[13, с. 1007]. Другой автор констатировал «омертвление церковно-приходской жизни» [3, с. 717].

Еще один вопрос был поставлен авторами на страницах «Пензенских епархиальных ведомостей»: кто же был виноват в происходящем? В качестве виновников называли собственно «революционное брожение», а также интеллигенцию и даже само духовенство. Так, В. Иссинский сделал признание: «Не виноваты ли мы пред церковию, государством и народом? Ответ один: да, виноваты. Мы спали, а враг рода человеческого пришел и посеял плеве-лы. Поэтому и мы оказываемся в известной мере виноватыми в современных нестроениях, в нравственном разложении общества» [14, с. 557].

В статье «Кто же виноват и где искать выхода?» подчеркивается, что «освободительное» движение поставило пред духовенством целый ряд вопросов первостепенной важности, например, каким должен быть образ истинного пастыря. Образ церковной жизни подвергался критике со стороны самих священнослужителей, которые констатировали, что важным фактором ослабления влияния Русской церкви является «недостаточное благочиние в совершении церковной службы». Священник Алексей Швецов писал: «Уже с давних времен недостаток церковной службы бросался в глаза. Бестолковое чтение псаломщиков является неисчерпаемым источником разного рода острот» [13, с. 1011]. В итоге духовенство пересмотрело всю свою жизнь и деятельность, определило согласованность их с канонической нормой и запросами современности, осудило негодное старое и наметило дальнейший путь своей работы. Автор подчеркивал искренность желания духовенства «обновиться» [3, с. 715].

Для духовенства животрепещущим был вопрос об участии в освободительном движении и политических партиях. Должен ли участвовать пастырь в освободительном движении? Над этим задумывался каждый священнослужитель. В. Иссинский в статье «Что нам делать?» писал, что духовенству открылась возможность принять участие в общественной и государственной деятельности. Прежде священнослужители были устранены от непосредственного участия в этой деятельности. Далее Иссинский самокритично признает, что духовенство ограничилось только «пастырским попечением о спасении душ вверенного нам словесного стада Христова, и закрыло глаза на неправды и язвы, разъедающие народное благо». Поэтому «освободительное движение» стало совмещаться с насилием и террором, враждебностью по отношению к церкви [14, с. 563].

Священник Николай Быстров в статье предостерег современных пастырей церкви от уклонения от участия в освободительном движении [5, с. 334]. Однако участие священства в государственной жизни, по его мнению, не должно было быть сведено к его подчинению какой-либо из политических партий или созданию своей собственной партии: «Наше участие, говоря языком партий, должно быть участием свободных рук для того, чтобы поддержать нашу пастырскую силою то, что действительно ценно и истинно. А истинно и ценно только то, что согласно с духом христианства, с заветами Евангелия» [5, с. 344]. Быстров поделился наблюдениями, что значительная часть духовенства с увлечением «ухватилась за новую обязанность, с величайшим интересом повлеклась в водоворот политических мнений, партий и коллизий». Некоторые пастыри забыли даже, что они пастыри, и стали

трактовать себя исключительно лишь политическими деятелями, борцами, агитаторами, сторонниками партий и т.п. Автор предупреждает: «Необдуманное увлечение пастырей политикой предосудительно, так как идет разрез и прямой ущерб пастырству» [4, с. 296].

Анонимный автор в статье «Пастырство и политика» подчеркнул, что участие пастыря в политике «обособляет пастыря от всех прочих граждан» [4, с. 297]. Поскольку пастырство и политика по своей сущности – «две сферы жизнедеятельности, вполне различного, можно даже сказать, противоположного характера. Поэтому-то участие в обоих и ставит пастыря в запутанное и затруднительное положение» [4, с. 299]. По его мнению, если в политических отношениях есть светлые, добрые и нравственные стороны, то они заимствованы из религиозно-нравственной области и непременно через пастырство, которое является проводником религиозно-нравственных отношений. «Моральная подкладка политических отношений – идеи свободы, равенства и братства – заимствованы из религиозно-нравственной сферы», – подчеркнул автор. Однако политика основывается на принципах господства и обладания. Субъективный орган их – эгоистическая воля человека. Поэтому на политической почве происходит столкновение личных волеизъявлений, борющихся за обладание и господство. «Отдельные воли или личности объединяются в партии для большей успешности в борьбе за господство над прочими людьми и обладание земными благами, – делает вывод мыслитель. – Различные партии борются за них всеми силами, способами и средствами, ненавидят одна другую, кланут, истребляют и т.п.» [4, с. 300].

Итак, анализ публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» позволяет сделать вывод о том, что с 1905 по 1910 г. духовенство было глубоко вовлечено в происходящие события и наблюдало революционный взрыв «изнутри» народных масс, так как было тесно связано с крестьянством – самым многочисленным сословием Российской империи. Мысли и чувства епархиальных авторов, среди которых были как священнослужители, так и представители религиозной интеллигенции, позволяют изучить картину (ландшафт) провинциальной повседневности и основные социальные противоречия на фоне революционных перемен. В публикациях отражается кризис синодальной системы, осознание авторами бюрократизации Церкви и падения общественного авторитета духовенства, которое вынуждено было разделить с государством ответственность за неразрешенные противоречия в обществе. Многие священнослужители стали сознавать необходимость реформирования Церкви и стремились к обновлению приходской жизни. Факты подтверждают мнение историка М. В. Шкаровского относительно того, что в Церкви также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства проявляла недовольство политикой Святейшего синода и обер-прокурора.

Первая русская революция была оценена как анархия, политическая смута, общественное несчастье. В условиях противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали причастность духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому всецело сочувствовали.

Русская церковь была вынуждена соотносить христианские идеалы с политикой, искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий вызывали критику церковных авторов, некоторые из которых подчеркивали несовместимость социализма и христианства, поскольку социализм допускал принуждение и насилие, а христианство основывается на любви к человеку. Однако звучали и мнения, что духовенство не может устраниваться от участия в общественной жизни, иначе окажется «за бортом истории». Авторы публикаций сознавали, что возврат к прошлому уже невозможен, а будущее страны, Церкви и духовенства вызвало тревогу и опасения, поскольку рост антицерковных настроений в обществе продолжался. Призыв к «социальному перемирию» станет лейтмотивом многих публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» вплоть до закрытия издания в 1917 г.

В начале XX в. авторы «Пензенских епархиальных ведомостей» привлекали внимание своих читателей к злободневным проблемам повседневности, отстаивая мнение, что выход из кризиса возможен на основе социального перемирия, реформ и отказа от насилия, будущие масштабы которого были еще неизвестны, но предвосхищались в политических дебатах разных партий относительно роли Церкви в государстве и обществе, а также в нарастании социального конфликта вокруг духовенства.

Список литературы

1. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке // Санкт-Петербургская духовная академия. URL: <https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Карнишина Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2020. № 3 (55). С. 15–20. doi: 10.21685/2072-3024-2020-3-2
3. Кто же виноват и где искать выхода? // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. №16. С. 715–721.
4. Пастырство и политика // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 295–302.
5. Быстров Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 7. С. 331–347.
6. Иссинский Владимир, священник. Приниженность духовенства // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 20. С. 951–967.
7. По Епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 1007.
8. По Епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 861–863.
9. Ужасное злодеяние // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 472–475.
10. В чем причина наших общественных несчастий? // Пензенские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 215–224.
11. Духовный паралич общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1908. № 15. С. 549–560.
12. Церковь и современное общество (интеллигенция) // Пензенские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 289–300.
13. Швецов Алексей, священник. Религиозное одичание, его причины и борьба с ним // Пензенские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 1007–1014.
14. Иссинский Владимир, священник. Что нам делать? // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 557–566.

References

1. Shkarovskiy M.V. The Russian Orthodox Church in the 20th century. *Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya = Saint Petersburg Theological Academy*. (In Russ.). Available at: <https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/> (accessed 01.05.2024).
2. Karnishina N.G. Discussion in the press of the second half of the 20th century about the place and role of the Russian Orthodox Church in the public life of post-reform Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. Istoriya = University proceedings. Volga region. Humanities. History*. 2020;(3):15–20. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2020-3-2
3. Who is to blame and where to look for a way out? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(16):715–721. (In Russ.)
4. Pastoral care and politics. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(8):295–302. (In Russ.)
5. Bystrov Nikolay, svyashchennik. The liberation movement and the modern pastor. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(7):331–347. (In Russ.)
6. Issinskiy Vladimir, svyashchennik. Humiliation of the clergy. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(20):951–967. (In Russ.)
7. By Diocese. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(19):1007. (In Russ.)
8. By Diocese. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(16):861–863. (In Russ.)
9. A terrible crime. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(11):472–475. (In Russ.)
10. What is the cause of our social misfortunes? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1908;(6):215–224. (In Russ.)
11. Spiritual paralysis of society. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1908;(15):549–560. (In Russ.)
12. The Church and modern society (intelligentsia). *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1910;(9):289–300. (In Russ.)
13. Shvetsov Aleksey, svyashchennik. Religious savagery, its causes and the fight against it. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1910;(24):1007–1014. (In Russ.)
14. Issinskiy Vladimir, svyashchennik. What should we do? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(11):557–566. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Викторович Домнин
ректор, Пензенская духовная
семинария Пензенской епархии
Русской православной церкви
(Россия, г. Пенза, ул. Перекоп, 4)

Sergey V. Domnin
Rector, Penza Theological
Seminary of the Penza Diocese
of the Russian Orthodox Church
(4 Perekop street, Penza, Russia)

E-mail: serafim.mitr@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.01.2025

Принята к публикации / Accepted 01.02.2025

УДК 947(471.327)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-10

Выпускники и учащиеся Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне

С. В. Белоусов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sergbel_1812@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема подготовки педагогических кадров была и остается одной из важнейших проблем народного образования. Становление и развитие учреждений, в разные годы занимавшихся профессиональной подготовкой учителей, находится в центре внимания исследователей многих научных направлений. Одной из интересных проблем является всесторонняя характеристика преподавательского состава и воспитанников учительских семинарий. Изучение этой темы даст возможность не только охарактеризовать степень подготовленности будущих учителей к профессиональной деятельности, но и рассмотреть влияние образования на формирование региональной идентичности и территориальной интеграции. Особый интерес представляет обращение к биографиям преподавательского состава и воспитанников учительских семинарий в судьбоносные для страны периоды, что даст интересное поле для анализа и представляется весьма актуальным. В работе рассматривается участие выпускников и учащихся Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне. *Материалы и методы.* В исследовании применены принципы историзма, объективности и системности, что сделало возможным комплексно решить поставленные в работе задачи. В качестве основных источников использовались материалы фонда 136 (Пензенская учительская семинария) Государственного архива Пензенской области и фонды 408 (Списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров) и 409 (Послужные списки офицеров) Российского государственного военно-исторического архива. *Результаты.* Комплекс источников и анализ научной литературы позволил выявить имена воспитанников и выпускников Пензенской учительской семинарии, принимавших участие в Первой мировой войне. *Выводы.* Пензенская учительская семинария как среднее специальное учебное заведение была открыта 12 сентября 1874 г. Контингент обучающихся в Пензенской учительской семинарии был сравнительно невелик. За 1874–1917 гг. было выпущено всего чуть более 800 человек. В 1914 г. в ней обучался в общей сложности 61 человек (в 1-м классе числилось 25 воспитанников, во 2-м – 14, в 3-м – 22). В отношении исполнения воинской повинности учителями и воспитанниками учительских семинарий законодательство Российской империи предусматривало целый ряд льгот и преимуществ. В целом они сводились к тому, что все учителя освобождались от действительной военной службы в мирное время и зачислялись в запас с обязательством прослужить в должности учителя не менее 5 лет. Лица, обучающиеся в учительских семинариях, на период обучения имели право на отсрочку от военной службы. В военное время, в соответствии с законодательством, лица, занимающие должности народных учителей, теряли право на отсрочку и подлежали призыву в войска или государственное ополчение. Лица, обучающиеся в учительских семинариях, по соглашению между Министерством народного просвещения и Министерством внутренних дел имели право на отсрочку от призыва по мобилизации до завершения обучения. В результате архивных поисков удалось выявить имена воспитанников Пензенской учительской семинарии, выразивших желание добровольно уйти на фронт, и выпускников этого учебного заведения, принимавших участие в Первой мировой войне.

© Белоусов С. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Пензенская губерния, Пензенская учительская семинария, Первая мировая война, Пенза

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-20015: «Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности».

Для цитирования: Белоусов С. В. Выпускники и учащиеся Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 110–123. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-10

Graduates and students of Penza teachers' seminary in the First World War

S.V. Belousov

Penza State University, Penza, Russia

sergbel_1812@mail.ru

Abstract. *Background.* The problem of teacher training has been and remains one of the most important problems of public education. The formation and development of institutions that have been engaged in the professional training of teachers over the years is the focus of attention of researchers in many scientific fields. One of the interesting problems is the comprehensive characterization of the teaching staff and students of teachers' seminaries. The study of this topic makes it possible not only to characterize the degree of preparedness of future teachers for professional activity, but also to consider the impact of education on the formation of regional identity and territorial integration. Of particular interest is the appeal to the biographies of the teaching staff and pupils of teachers' seminaries in crucial periods for the country, which provides an interesting field for analysis and seems very relevant. The article examines the participation of graduates and students of Penza Teachers' Seminary in the First World War. *Materials and methods.* The article is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, which made it possible to comprehensively solve the tasks set in the work. The main sources used were the materials of Fund 136 (Penza Teachers' Seminary) of Penza Region State Archive and funds 408 (Lists of seniority of generals, staff and chief officers) and 409 (Service records of officers) of the Russian State Military Historical Archive. *Results.* A set of sources and an analysis of scientific literature made it possible to identify the names of pupils and graduates of the Penza Teachers' Seminary who took part in the First World War. *Conclusions.* Penza Teachers' Seminary, as a secondary specialized educational institution, was opened on September 12, 1874. The contingent of students at Penza Teachers' Seminary was relatively small. In 1874–1917, just over 800 people were graduated. In 1914, there were a total of 61 students (there were 25 students in the 1st grade, 14 in the 2nd, and 22 in the 3rd). With regard to the performance of military service by teachers and pupils of teachers' seminaries, the legislation of the Russian Empire provided for a number of benefits and advantages. In general, they boiled down to the fact that all teachers were released from active military service in peacetime and enlisted in the reserve with the obligation to serve as a teacher for at least 5 years. Persons studying at teachers' seminaries were eligible for a deferral from military service for the duration of their studies. In wartime, in accordance with the law, persons holding the positions of national teachers lost the right to a postponement and were subject to conscription into the army or the state militia. Persons studying at teachers' seminaries, by agreement between the Ministry of Public Education and the Ministry of the Interior, were entitled to a deferral from conscription until completion of their studies. As a result of archival searches, it was possible to identify the names of pupils

of Penza Teachers' Seminary who expressed a desire to voluntarily go to the front, and graduates of this educational institution who took part in the First World War.

Keywords: Penza province, Penza Teachers' Seminary, World War I, Penza

Financing: the research was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences in the framework of scientific project No. 22-18-20015: "The power and society of the Penza Region in the 18th – 21st centuries: historical aspects of territorial integration and the formation of regional identity".

For citation: Belousov S.V. Graduates and students of Penza teachers' seminary in the First World War. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):110–123. (Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-10

Проблема подготовки педагогических кадров была и остается одной из важнейших проблем народного образования. Становление и развитие учреждений, в разные годы занимавшихся профессиональной подготовкой учителей, находится в центре внимания исследователей многих научных направлений. Характеристика законодательной базы, организация учебного процесса и быта воспитанников – вот лишь небольшой спектр вопросов, поднимаемых в научных работах [1, 2]. Одной из интересных проблем является всесторонняя характеристика преподавательского состава и воспитанников учительских семинарий. Изучение этой темы дает возможность не только охарактеризовать степень подготовленности будущих учителей к профессиональной деятельности, но и рассмотреть влияние образования на формирование региональной идентичности и территориальной интеграции. Особый интерес представляет обращение к биографиям преподавательского состава и воспитанников учительских семинарий в судьбоносные для страны периоды, что дает интересное поле для анализа и представляется весьма актуальным [3, 4].

В данной публикации рассматривается участие выпускников и учащихся Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне.

Пензенская учительская семинария как среднее специальное учебное заведение была открыта по решению губернского земского собрания 12 сентября 1874 г. [5, с. 218]. Целью ее создания являлась возможность «дать педагогическое образование молодым людям всех сословий, православного вероисповедания, желающих посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах ведомства Министерства народного просвещения» [6; 7; 8, с. 100; 9, с. 246–247]. В семинарию принимались юноши, достигшие 16-летнего возраста. Срок обучения был рассчитан на 3 года. После окончания учительской семинарии воспитанники получали свидетельство на звание учителя и на время занятия этой должности освобождались от всех личных повинностей, в том числе и военной.

Контингент обучающихся в Пензенской учительской семинарии был сравнительно невелик. За 1874–1917 гг. было выпущено всего чуть более 800 человек [8, с. 103].

Вопрос об исполнении воинской повинности воспитанниками учительских семинарий и учителями накануне Первой мировой войны решался на основе целого ряда законодательных актов, среди которых важное место занимали «Устав о воинской повинности» 1874 г. и Закон от 23 июня 1912 г. «Об изменении Устава о воинской повинности», Указ Сената 1910 г.

№ 13 606 «Об освобождении от призыва на военную службу народных учителей», Распоряжение Правительства от 24 февраля 1911 г. № 6847 «Об отбывании воинской повинности лицами, оставившими церковнослужительство или педагогическую деятельность» [10].

В отношении исполнения воинской повинности учителями и воспитанниками учительских семинарий законодательство Российской империи предусматривало целый ряд льгот и преимуществ. В целом они сводились к тому, что все учителя освобождались от действительной военной службы в мирное время и зачислялись в запас с обязательством прослужить в должности учителя не менее 5 лет. Лица, обучающиеся в учительских семинариях, на период обучения имели право на отсрочку от военной службы [10, с. 16–17; 11, с. 49–59].

В военное время, в соответствии с законодательством, лица, занимающие должности народных учителей, теряли право на отсрочку и подлежали призыву в войска или государственное ополчение. Имея определенный образовательный уровень, при поступлении на военную службу учителя могли рассчитывать на зачисление в военные училища или школы прапорщиков и, пройдя кратковременные курсы, получить чин прапорщика армейской пехоты [12]. Лица, обучающиеся в учительских семинариях, имели право на отсрочку от призыва по мобилизации до завершения обучения, но не далее окончания того учебного года, в котором им исполнится 27 лет [10, с. 17–18].

Возвращаясь к вопросу об участии в Первой мировой войне воспитанников и выпускников Пензенской учительской семинарии, следует отметить, что в 1914 г. в ней обучался в общей сложности 61 человек (в 1-м классе числилось 25 воспитанников, во 2-м – 14, в 3-м – 22) [13, л. 4–9]. Учительскую семинарию в Пензе в это время возглавлял Андрей Андреевич Остроумов. Воспитанники, имея право на отсрочку от призыва на военную службу, могли записываться на фронт добровольцами. В 1914 г. патриотический порыв охватил учащуюся молодежь, в том числе и Пензенскую учительскую семинарию. В одном из дел Государственного архива Пензенской области сохранились сведения о том, что несколько воспитанников учительской семинарии в начале войны подали прошения об отпуске до окончания военных действий и зачислении на военную службу. Всего на имя директора было подано 7 таких прошений: воспитанниками А. Александровым, В. А. Дмитриевым, А. М. Дорофеевым, В. Г. Мещеряковым, А. М. Силантьевым, Ф. Ситниковым и А. Стукаловым [14, л. 101–107]. Прошения были составлены 7–10 октября 1914 г. Причем для поступления добровольцами на военную службу обучающимся требовалось согласие родителей. Однако свое согласие на зачисление в ряды действующей армии дали родители лишь двух воспитанников. «Против желания сына идти добровольцем в действующую армию я ничево не имею», – писала мать воспитанника Валентина Александровича Дмитриева П. Дмитриева [14, л. 113]. «Сына благословляю на войну. Прошу отпустить», – сообщил телеграммой директору семинарии отец Александра Михайловича Силантьева [14, л. 112]. 8 октября Совет учительской семинарии просил разъяснить Попечителя учебного округа, можно ли удовлетворить прошения остальных воспитанников и выдать им необходимые документы на поступление в добровольцы без согласия родителей, а также продолжать ли выдавать им стипендию за все время состояния на военной службе [14, л. 158–158 об.]. 26 ноября

А. А. Остроумов уведомил крестьянина Михаила Николаевича Дорофеева, что его сын, воспитанник 3-го класса семинарии, «отправился... без ведома начальства... с воинским поездом добровольцем на театр военных действий» [14, л. 145].

Основываясь на данных, содержащихся в общих ведомостях успеваемости за 1914–1915 учебный год, можно сделать вывод о том, что в 1914 г. добровольно на фронт отправились четыре учащихся 3-го класса учительской семинарии, так как сведения об их оценках по различным предметам по четвертям отсутствуют [13, л. 8 об. – 9]. Это В. А. Дмитриев, Х. С. Кусакин, В. Г. Мещеряков и А. М. Силантьев. Документы особого делопроизводства по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, отчасти дают возможность пролить свет на их судьбу. В. Г. Мещеряков и А. М. Силантьев поступили на службу в 50-й Сибирский стрелковый полк. Оба принимали участие в боях. А. М. Силантьев был дважды ранен. За отличие произведен в ст. унтер-офицеры. В. Г. Мещеряков в чине мл. унтер-офицера 3 июля 1915 г. «был оставлен на поле боя» и, очевидно, попал в плен. Х. С. Кусакин поступил на службу добровольцем в 24-й Сибирский стрелковый полк [15, л. 23 об. – 24, 181 об. – 182]. Подробная информация о В. А. Дмитриеве отсутствует. Вопрос об участии в боевых действиях в качестве добровольца А. М. Дорофеева остается открытым, так как никаких свидетельств, подтверждающих это, в архиве не обнаружено.

В своем письме директору Пензенской учительской семинарии А. А. Остроумову от 6 ноября 1914 г. командир 98-го пехотного запасного батальона полковник М. И. Мирошниченко отмечал: «Святая обязанность каждого военнослужащего с распростертыми объятиями встречать каждого добровольца, поступающего в ряды защитников Царя и родины. Добровольцы – это люди, желанные в войсках. Торжественно принимая в батальон двух добровольцев, я только исполнил свой долг перед Царем и родиной. Как сам слуга Царя и родины, приношу глубокую благодарность Вам и всему персоналу учительской семинарии за двух добровольцев, воспитанных Вами в любви и преданности Царю и дорогой нам родиной» [14, л. 169–169 об.].

В Российском государственном военно-историческом архиве удалось обнаружить сведения еще о четырех обучающихся в 1914–1915 учебном году, которые поступили на военную службу уже после окончания учебы в Пензенской учительской семинарии (С. С. Грылеве, А. М. Самойлове, Н. С. Соловьеве и П. Ф. Степанникове) (приложение 1) [16, л. 93 об. – 94; 17, л. 75 об. – 76; 18; 19].

С объявлением мобилизации лица, занимавшие должности народных учителей, теряли право на отсрочку и призывались на военную службу. Имея среднее специальное образование, они направлялись на кратковременные курсы в военные училища или школы прапорщиков, после обучения в которых получали чин прапорщиков армейской пехоты и продолжали службу сначала в запасных частях Казанского военного округа, а затем с маршевыми ротами отправлялись на театр военных действий. Реалии повседневной жизни призванного на военную службу народного учителя хорошо описаны в записках И. Н. Краснова [12].

В настоящее время мы располагаем сведениями об участии в Первой мировой войне 28 выпускников Пензенской учительской семинарии, которые

закончили ее ранее 1914 г. Интересно, что многие из них не являлись уроженцами Пензенской губернии. Поступать в учительскую семинарию в Пензу приезжали молодые люди со всей страны. Встречаются уроженцы Саратовской, Тамбовской, Симбирской, Нижегородской, Смоленской губерний, а также области Войска Донского. Информация о военной службе в годы Первой мировой войны большинства из них, которой мы располагаем, ограничивается данными о получении ими чина прапорщика армейской пехоты после окончания кратковременных курсов в военных училищах и школах прапорщиков и зачислении в какой-либо пехотный запасной полк. Лишь у некоторых из них встречаются свидетельства об участии в боевых действиях (приложение 2).

В годы Первой мировой войны отличился выходец из крестьян Смоленской губернии Семен Васильевич Орлов. После окончания 1-я Ораниенбаумской школы прапорщиков он был направлен на укомплектование 409-го пехотного Новохоперского полка и назначен командующим 7-й ротой. В боях был дважды ранен и контужен. В 1916 г. произведен в подпоручики. За храбрость награжден Георгиевским крестом 4-й ст. (№ 35 255), орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами [20].

Уроженец с. Ершово Чембарского уезда Гавриил Семенович Хрянин после окончания 3-й Петроградской школы прапорщиков служил младшим офицером пулеметной команды 117-го пехотного Ярославского полка. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. В 1916 г. попал в плен. После окончания войны продолжил педагогическую деятельность, работал учителем математики Поимской школы и Пензенских пулеметных курсов, в разные годы являлся директором 2-й школы им. Рыкова г. Пензы, директором 6-й школы фабрично-заводского дела при трубочном заводе, директором средней школы № 4, затем заведующим учебной частью средней школы № 1 [21].

В 20–60-е гг. XX в. большую известность своей педагогической деятельностью получил учитель Атмисской школы Георгий Дмитриевич Смагин. Он происходил из крестьян с. Коповка Керенского уезда Пензенской губернии. В 1906 г. после окончания Пензенской учительской семинарии служил народным учителем в Покровской слободе г. Верхнего Ломова, а затем являлся заведующим двухклассного училища с. Атмис Нижнеломовского уезда. В начале Первой мировой войны Смагин был призван по мобилизации на военную службу и вскоре направлен во 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков. После ее окончания, получив чин прапорщика, последовательно проходил службу в 241-м, 51-м, 70-м пехотных запасных батальонах. В 1916 г. он был направлен в 7-й гренадерский Самогитский полк, где зачислен младшим офицером 16-й роты. В начале 1917 г. переведен во вновь формируемый 20-й гренадерский Базарджикский полк. В феврале того же года произведен в подпоручики. После революции он служил в Красной армии. Смагин был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а за свою трудовую деятельность орденами Ленина и Трудового Красного Знамени (дважды) [22, 23].

Таким образом, воспитанники и выпускники Пензенской учительской семинарии приняли самое активное участие в Первой мировой войне. Патриотический порыв охватил учащуюся молодежь, некоторые из них выразили желание добровольцами уйти на фронт. В свою очередь, многие народные учителя в начале войны были мобилизованы на военную службу и, имея среднее специальное образование, окончив кратковременные курсы при военных училищах и школах прапорщиков и получив чин прапорщика, также принимали участие в боевых действиях.

Приложение 1

Учащиеся Пензенской учительской семинарии 1914–1915 учебного года – участники Первой мировой войны

АЛЕКСАНДРОВ А. – в 1914 г. воспитанник учительской семинарии.

ДМИТРИЕВ Валентин Александрович (ок. 1897, Тамбовская губ., Моршанский у., Раевская вол. – ?) – в 1914 г. воспитанник III класса. Есть благословение матери идти добровольцем в действующую армию.

ДОРОФЕЕВ Александр Михайлович (1.08.1896 – ?) – из крестьян Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Чугуевское военное училище; холост. В службе: нижний чин 23.08.1915, прапорщик 1.05.1916, направлен в 98-й пех. запасной полк, отправлен в действующую армию в 6-й армейский запасной батальон 20.06.1916, поступил в 50-й пех. Белостокский полк, участник Первой мировой войны, ранен у д. Беримовка 1.08.1916.

КУСАКИН Хрисанф Семенович (? – ?) – из крестьян с. Яковщина Трехсвятской вол. Инсарского у. Пензенской губ. В 1914 г. воспитанник III класса. Поступил на службу добровольцем в 24-й Сибирский стр. полк. 1.05.1917 с диагнозом «фурункулез» поступил в 128-й сводный эвакуационный госпиталь.

МЕЩЕРЯКОВ Василий Григорьевич (ок. 1894, Пензенская губ., Керенский у., Рахманская вол., с. Коповка – 3.07.1915) – православный; холост. В 1914 г. воспитанник III класса. Поступил на службу добровольцем в 50-й Сибирский стр. полк. 3.07.1915 в чине мл. унтер-офицера оставлен на поле боя.

СИЛАНТЬЕВ Александр Михайлович (ок. 1896, Тамбовская губ., Елатомский у., Поляковская вол., д. Архапки – ?) – православный; холост. В 1914 г. воспитанник III класса. Есть благословение отца идти добровольцем в действующую армию. Поступил на службу добровольцем в 3-ю роту 50-го Сибирского стр. полка. 14.05.1915 в чине ефрейтора ранен. 4.07.1916 в чине ст. унтер-офицера ранен в левое бедро под Ригой и 12.07.1916 поступил на лечение в лазарет Боровического отделения Новгородского дамского комитета Красного Креста.

СИТНИКОВ Федор – в 1914 г. воспитанник II класса.

СТУКАЛОВ Алексей – в 1914 г. воспитанник III класса.

ГРЫЛЕВ Семен Степанович (9.04.1896 – ?) – сын крестьянина, уроженец Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Казанское военное училище; холост. В службе: зачислен в 164-й пех. запасной батальон молодым солдатом 14.08.1915, командирован в Казанское военное училище для прохождения курса 30.05.1916, мл. унтер-офицер 23.11.1916, прапорщик 1.12.1916, направлен в 137-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 4-й роты 6.12.1916, отправлен на Румынский фронт 26.06.1917, поступил на укомплектование 99-го пех. Ивангородского полка и зачислен младшим офицером 1-й роты 22.07.1917, по болезни эвакуирован в тыловое лечебное заведение 15.09.1917, по выздоровлении прибыл в полк 14.11.1917, уволен 9.01.1918.

САМОЙЛОВ Андриан Михайлович (26.08.1896 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил

курс) и Оренбургская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 9.08.1915, прапорщик 5.09.1916, направлен в 98-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 8-й роты 17.09.1916.

СОЛОВЬЕВ Никодим Степанович (28.08.1895 – ?) – из крестьян Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и 1-я Казанская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 15.06.1915, прапорщик 15.06.1916, направлен в 161-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 11-й роты 24.06.1916.

СТЕПАННИКОВ Петр Федорович (27.06.1895 – ?) – сын крестьянина, уроженец Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (полный курс) и Казанское военное училище (4-месячный курс по 1-му разряду). В службе: в 239-й пех. запасной полк молодым солдатом 25.06.1916, командирован в Казанское военное училище для прохождения курса 21.01.1917, зачислен в списки юнкеров 3.02.1917, мл. унтер-офицер 6.05.1917, мл. портупей-юнкер 7.05.1917, ст. портупей-юнкер 25.05.1917, по окончании курса произведен в прапорщики 1.06.1917, направлен в 140-й пех. запасной полк 3.06.1917, отправлен в действующую армию 27.06.1917, зачислен мл. офицером 2-й роты 467-го пех. Кинбурнского полка 16.07.1917, участник Первой мировой войны, участвовал в боях у с. Хорошеуцы 19.07.1917, у Млынских хуторов севернее с. Малинцы 25.07.1917, убыл в разрешенный кратковременный отпуск 25.11.1917.

Приложение 2

Выпускники Пензенской учительской семинарии в Первой мировой войне

АВРАМЕНКО Григорий Иванович (10.01.1883 – ?) – из крестьян, уроженец Воронежской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Казанская школа прапорщиков; женат, имеет сына. В службе: нижний чин 3.08.1914, участник Первой мировой войны, прапорщик 13.12.1915, направлен в 159-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 4-й роты 29.12.1915, начальник хоз. части 23.10.1916.

АНОХИН Федор Михайлович (7.02.1887 – ?) – из крестьян Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Чугуевское военное училище; холост. В службе: нижний чин 7.08.1914, прапорщик 1.12.1916, направлен в 102-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 9-й роты 9.12.1916.

АПЕКИН Семен Георгиевич (27.04.1891 – ?) – сын крестьянина Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил полный курс) и Алексеевское военное училище; холост. В службе: нижний чин 25.09.1914, прапорщик 10.05.1916, прибыл в 110-й пех. Камский генерал-адъютанта графа Толя 1-го полк из 256-го пех. запасного полка 11.10.1916, младший офицер 8-й роты на 21.01.1917, участник Первой мировой войны.

БАЛАШОВ Григорий Федорович (2.01.1891 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Чугуевское военное училище; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 12.11.1915, прапорщик 1.10.1916, направлен в 98-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 14-й роты 8.10.1916.

БОЛИБАРДИН Владимир Васильевич (10.07.1882 – после 05.1939) – из казаков ст. Усть-Медведицкой Донской области; православный; образование: Пензенский учительский институт и 2-я Московская школа прапорщиков; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 29.01.1915, прапорщик 3.05.1915, направлен в 83-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером, командир 7-й роты 19.07.1916, убыл в действующую армию, поступил в 246-й пех. Бахчисарский полк, участник

Первой мировой войны, ранен у м. Крево 9.07.1917, участник Гражданской войны в составе пулеметной сотни Донской армии. В 1938 г. ревизор главного управления Наркомлеса, арестован 2-м отделом УГБ УНКВД МО по обвинению в участии контрреволюционной эсеровско-белогвардейской группы по ст. 58-10 1.10.1938, дело прекращено 26.05.1939. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (ВП 11.02.1917).

БУРЕНИН Иван Васильевич (19.06.1891 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Виленское военное училище; холост. В службе: нижний чин 13.09.1915, прапорщик 1.10.1916, направлен в 212-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 10-й роты 9.10.1916, отправлен в распоряжение командира 54-го пех. запасного полка.

ВЕЧКУТОВ Павел Гаврилович (27.06.1895 – после 08.1920) – из крестьян Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Виленское военное училище; холост. В службе: нижний чин 29.11.1915, прапорщик 1.05.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 8-й роты, отправлен в действующую армию в распоряжение начальника 34-й пех. запасной бригады 29.07.1916, участник Гражданской войны, служил в армии Колчака, арестован 31.05.1920, осужден Красноярской ГубЧК 21.08.1920, дело прекращено по амнистии.

ВЛАСОВ Николай Михайлович (8.05.1888 – ?) – из мещан, уроженец Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Казанское военное училище; женат, имеет дочь. В службе: нижний чин 22.05.1915, прапорщик 1.06.1916, направлен в 145-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 7-й роты.

ДМИТРИЕВ Валентин Андреевич (6.07.1886 – ?) – сын крестьянина, уроженец Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Казанское военное училище; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 1.08.1914, прапорщик 1.02.1916, направлен в 90-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 10-й роты 8.02.1916, отправлен в действующую армию со 128-й маршевой ротой 14.08.1916.

ИНЯКОВ Николай Григорьевич (4.12.1893 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и 1-я Казанская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 27.10.1914, прапорщик 13.03.1916, направлен в 99-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 9-й роты, отправлен в распоряжение начальника 24-й запасной бригады.

КЛЕНИН Петр Николаевич (24.06.1894 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Казанское военное училище; холост. В службе: нижний чин 16.09.1915, прапорщик 1.10.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 4-й роты.

КОРОЧКОВ Василий Федорович (20.01.1891 – ?) – из крестьян, уроженец Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Виленское военное училище; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 1.02.1916, прапорщик 1.06.1916, направлен в 101-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 8-й роты 12.06.1916.

КОРЯГИН Федор Александрович (24.05.1878 – ?) – из мещан г. Городище Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Виленское военное училище; женат, имеет 2-х сыновей и 4-х дочерей. В службе: нижний чин 15.08.1915, прапорщик 1.05.1916, направлен в 64-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 6-й роты 13.05.1916, признан годным к нестроевой службе при Московском Генеральном Императора Петра Великого госпитале 17.11.1916.

КОЧЕТКОВ Дмитрий Платонович (18.09.1893 – 7.09.1938) – из крестьян г. Саранска Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская

семинария и Алексеевское военное училище; женат. В службе: нижний чин 1.10.1915, прапорщик 1.02.1916, направлен в 137-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 1-й роты, отправлен в распоряжение полковника Мириманова 19.06.1916. Арестован по обвинению в ст. 58-10, 11 УК РСФСР 7.10.1935, осужден военным трибуналом СибВО и приговорен на 10 лет лишения свободы 13.03.1936, прибыл из тюрьмы г. Новосибирска в Ухтпечлаг 10.04.1936, умер 7.09.1938.

КРАСНОВ Сергей Васильевич (31.08.1887 – ?) – из мещан Симбирской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Александровское военное училище; холост. В службе: нижний чин 2.02.1916, прапорщик 1.06.1916, направлен в 100-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 7-й роты.

ЛАПИН Иван Филиппович (18.06.1896 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Чистопольская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 2.01.1916, прапорщик 6.09.1916, направлен в 240-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 11-й роты 16.09.1916.

ЛОГИНОВ-ЛОНГИНОВ Алексей Афанасьевич (10.03.1890 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Виленское военное училище; холост. В службе: нижний чин 3.09.1915, прапорщик 1.12.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 14-й роты.

ЛЯПИН Николай Николаевич (17.02.1896 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Алексеевское военное училище (4-месячный ускоренный курс); холост. В службе: нижний чин 30.08.1915, прапорщик 1.02.1916, направлен в 6-й Сибирский стр. запасной батальон и назначен младшим офицером 11-й роты 22.02.1916, командирован в распоряжение инспектора инженерной части Туркестанского ВО 9.04.1916.

МАКАРЕНКО Павел Дементьевич (4.11.1892 – ?) – из казаков Глуховского у. Черниговской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Александровское военное училище; холост. В службе: нижний чин 4.01.1916, прапорщик 1.05.1916, направлен в 126-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 2-й роты.

МАМЫКИН Иван Иванович (2.04.1895 – 13.12.1916) – сын крестьянина Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Алексеевское военное училище; холост. В службе: нижний чин 26.05.1915, прапорщик 1.02.1916, направлен в 137-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 10-й роты, отправлен в распоряжение начальника 24-й пех. запасной бригады 24.06.1916, поступил на укомплектование 117-го пех. Ярославского полка, участник Первой мировой войны, убит 13.12.1916.

МАРТЫНОВ-УСТИНОВ Александр Васильевич (3.09.1885 – ?) – из крестьян Саратовской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и Казанское военное училище; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 26.05.1915, прапорщик 1.06.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 12-й роты, отправлен в распоряжение начальника 37-й пех. запасной бригады 15.09.1916, поступил в 313-й пех. Балашовский полк, участник Первой мировой войны, ранен у д. Гринява 7.11.1916.

МОРОЗОВ Александр Федорович (5.08.1891 – ?) – из крестьян Нижегородской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и 4-я Киевская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 2.09.1915, участник Первой мировой войны, прапорщик 28.04.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 14-й роты, отправлен в действующую армию в г. Вязьму в распоряжение генерала Левицкого 3.09.1916.

ОРЛОВ Семен Васильевич (17.07.1892 – ?) – из крестьян Смоленской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (полный курс) и

1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 19.11.1913, участник Первой мировой войны, прапорщик 10.07.1915, поступил на укомплектование 409-го пех. Новохоперского полка и назначен командующим 7-й ротой 11.08.1915, подпоручик 20.06.1916, контужен на позиции под Кирли-Бабой 3.07.1916, ранен в бою под Кирли-Бабой 29.07.1916, ранен и контужен в бою под Кирли-Бабой (Карпаты) 6.09.1916, поручик 14.09.1916, ранен 5.01.1917, направлен в 56-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 1-й роты 12.08.1917. Награды: Георгиевский крест 4-й ст. (№ 35 255), ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

ПЕТРОВ Трофим Пегасьевич (14.04.1893 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил курс) и Виленское военное училище; женат, имеет сына. В службе: нижний чин 23.01.1916, прапорщик 1.12.1916, направлен в 140-й пех. запасной полк и назначен младшим офицером 2-й роты.

СМАГИН Георгий Дмитриевич (19.04.1887 – 24.09.1967) – из крестьян с. Коповка Керенского у. Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (1906) и 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков; женат. В службе: народный учитель в Покровской слободе Верхнего Ломова 1906 г., заведующий 2-классного училища с. Атмис Нижнеломовского у. 1908 г., мобилизован и зачислен в 99-й пех. запасной батальон 20.07.1914, направлен в 177-й пех. запасной батальон (Новгород) 1.10.1914, направлен во 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков 1915 г., по окончании которой зачислен в учебную команду 241-го пех. запасного батальона (Пенза), направлен в 51-й пех. запасной батальон (г. Зубцов, Тверская губ.) 17.06.1916, направлен в 70-й пех. запасной батальон (Ржев), мл. офицер 16-й роты 7-го грен. Самогитского полка 10.08.1916, зачислен казначеем во вновь формируемый 20-й грен. Базарджикский полк *.01.1917, подпоручик *.02.1917, демобилизован *.01.1918, мобилизован в Красную Армию, учитель, директор Атмисской школы. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст., Ленина, Трудового Красного Знамени (дважды).

ХРЯНИН Гавриил Семенович (26.03.1885 – 12.09.1947) – из крестьян с. Ершово Чембарского у. Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария, Московский учительский институт и 3-я Петроградская школа прапорщиков; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 29.05.1915, прапорщик 15.08.1915, участник Первой мировой войны, младший офицер пулеметной команды 117-го пех. Ярославского полка на 6.01.1916, пропал без вести 18.12.1916, попал в плен, поручик на 31.01.1917, учитель математики Поимской школы, учитель математики Пензенских пулеметных курсов 1920–1922, директор 2-й школы им. Рыкова 1922–1924, директор 6-й школы фабрично-заводского дела при трубочном заводе 1924–1930, директор средней школы № 4 1931–1932, затем зав. учебной частью средней школы № 1, общественный инспектор гороно 1945. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (31.01.1917).

ЧЕРНОВ Иван Дмитриевич (5.09.1895 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария и 3-я Московская школа прапорщиков; холост. В службе: нижний чин 26.06.1915, участник Первой мировой войны, прапорщик 14.02.1916, направлен в 78-й пех. запасной батальон и назначен младшим офицером 7-й роты, отправлен в распоряжение командира 1-го стрелкового полка 8.04.1916.

ШАРОВ Григорий Трофимович (27.09.1892 – ?) – из крестьян Пензенской губ.; православный; образование: Пензенская учительская семинария (окончил) и Тифлисская школа прапорщиков ополчения; женат, детей не имеет. В службе: нижний чин 28.07.1914, участник Первой мировой войны, прапорщик 14.11.1915, адъютант 218-й пешей Саратовской дружины 31.01.1916.

Список литературы

1. Масанова М. Д. Подготовка народных учителей в России во второй половине XIX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 1. С. 174–180.
2. Телина С. А. К 100-летию со дня открытия Саранской учительской семинарии (по материалам фондов МРОКМ им. И. Д. Воронина) // Краеведческие записки. 2015. № 22. С. 116–126.
3. Ватник Н. С. Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94–102.
4. Ялозина Е. А. Военнопленные российские учителя и педагогическая общественность в годы Первой мировой войны // Преподавание истории в школе. 2014. № 10. С. 24–27.
5. Гошуляк Л. Д. Земская школа в Пензенской губернии, 1865–1917 // Земство. 1995. № 2. С. 212–224.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 136. Оп. 1. Д. 95.
7. Пензенские губернские ведомости. 1874. 14 сентября.
8. Губанова О. А. К истории Пензенской учительской семинарии // Новые страницы истории Отечества : межвуз. сб. науч. тр. Пенза : ПГПИ им. В. Г. Белинского, 1992. С. 100–103.
9. Винокуров Г. Ф. Пензенская учительская семинария // Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза : Изд-во ИПКиПРО, 1997. С. 246–249.
10. Еремина Т. И. Законодательство Российской империи о льготах учителей при исполнении воинской повинности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 3, № 20. С. 15–18.
11. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2006. 528 с.
12. Исаев А. Б. Первая мировая война в записках учителя из г. Алатыря И. Н. Краснова // Первая мировая война в истории народов Поволжья : материалы Междунар. науч. конф. (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.). Чебоксары : ЧГИГН, 2015. С. 182–196.
13. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 528.
14. ГАПО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 536.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16 196. Оп. 1. Д. 813.
16. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10 038.
17. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 8279.
18. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 55 867.
19. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 67 694.
20. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 63 766.
21. Дмитриева В. И. Хрянин Гавриил Семенович // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Н–Я / под ред. А. Ю. Казакова. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. С. 637.
22. Власов В. А. Народный учитель и краевед Георгий Смагин // Краеведение. 1997. № 1. С. 44–46.
23. Фадеева Н. А. Дневник из Первой мировой войны // Пензенское краеведение. 2016. № 4 (20). С. 29–33.

References

1. Masanova M.D. Training of public teachers in Russia in the second half of the 19th century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* = *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2013;4(1):174–180. (In Russ.)

2. Telina S.A. On the 100th anniversary of the opening of the Saransk Teachers' Seminary (by the materials from the funds of Mordovian Museum of Local History named after I.D. Voronin). *Krayevedcheskiye zapiski = Local history notes*. 2015;(22):116–126. (In Russ.)
3. Vatnik N.S. Everyday life of secondary school students in Moscow province during the First World War. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*. 2014;(9):94–102. (In Russ.)
4. Yalozina E.A. Prisoners of war Russian teachers and the teaching community during the First World War. *Prepodavaniye istorii v shkole = Teaching History at school*. 2014;(10):24–27. (In Russ.)
5. Goshulyak L.D. Zemstvo school in Penza province, 1865–1917. *Zemstvo = Zemstvo*. 1995;(2):212–224. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 136. Op. 1. D. 95 = State Archive of Penza region. Fund 136. Item 1. File 95. (In Russ.)
7. Penzenskiye gubernskiye vedomosti = Penza provincial gazette. 1874; 14 September. (In Russ.)
8. Gubanova O.A. On the history of the Penza Teachers' Seminary. *Novyye stranitsy istorii Otechestva: mezhvuz. sb. nauch. tr. = New pages of the history of the Fatherland: inter-university collected articles*. Penza: PGPI im. V.G. Belinskogo, 1992:100–103. (In Russ.)
9. Vinokurov G.F. Penza Teachers' Seminary. *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Penzenskogo kraya = Essays on the history of public education in Penza region*. Penza: Izd-vo IPKiPRO, 1997:246–249. (In Russ.)
10. Yeremina T.I. Legislation of the Russian Empire on the benefits of teachers during military service. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2006;3(20):15–18. (In Russ.)
11. Golovin N.N. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne = Russia in World War I*. Moscow: Veche, 2006:528. (In Russ.)
12. Isayev A.B. The First World War in the notes of a teacher from the city of Alatyř I.N. Krasnov. *Pervaya mirovaya vojna v istorii narodov Povolzh'ya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Cheboksary, 24 oktyabrya 2014 g.) = The First World War in the history of the peoples of the Volga region: proceedings of the International Scientific Conference (Cheboksary, October 24, 2014)*. Cheboksary: CHGIGN, 2015:182–196. (In Russ.)
13. GAPO. F. 136. Op. 1. D. 528 = State Archive of Penza region. Fund 136. Item 1. File 528. (In Russ.)
14. GAPO. F. 136. Op. 1. D. 536 = State Archive of Penza region. Fund 136. Item 1. File 536. (In Russ.)
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). F. 16 196. Op. 1. D. 813 = Russian State Military Historical Archive. Fund 16 196. Item 1. File 813. (In Russ.)
16. RGVIA. F. 408. Op. 1. D. 10 038 = Russian State Military Historical Archive. Fund 408. Item 1. File 10 038. (In Russ.)
17. RGVIA. F. 408. Op. 1. D. 8279 = Russian State Military Historical Archive. Fund 408. Item 1. File 8279. (In Russ.)
18. RGVIA. F. 409. Op. 1. D. 55 867 = Russian State Military Historical Archive. Fund 409. Item 1. File 55 867. (In Russ.)
19. RGVIA. F. 409. Op. 1. D. 67 694 = Russian State Military Historical Archive. Fund 409. Item 1. File 67 694. (In Russ.)
20. RGVIA. F. 409. Op. 1. D. 63 766 = Russian State Military Historical Archive. Fund 409. Item 1. File 63 766. (In Russ.)
21. Dmitriyeva V.I. Khryanin Gabriel Semenovich. *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 2. N–YA = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 2. N–Ya*. 2nd edition updated and expanded. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019:637. (In Russ.)

22. Vlasov V.A. People's teacher and local historian Georgy Smagin. *Krayevedeniye = Regional studies*. 1997;(1):44–46. (In Russ.)
23. Fadeyeva N.A. Diary from the First World War. *Penzenskoye krayevedeniye = Penza regional studies*. 2016;(4):29–33. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Владиславович Белоусов

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: sergbel_1812@mail.ru

Sergey V. Belousov

Doctor of historical sciences,
professor, head of the sub-department
of general history and social studies,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.01.2025

Принята к публикации / Accepted 13.02.2025

УДК 61(091)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-11

Проблемы развития здравоохранения Пензенской области в 1939–1940 гг.

Р. Ю. Поляков

Филиал Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулева Министерства обороны
Российской Федерации в г. Пензе, Пенза, Россия
rus-history@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность рассматриваемого вопроса определяется тем, что в настоящее время недостаточно рассмотрен процесс организации и становления здравоохранения в первые годы после создания Пензенской области. Цель работы – рассмотреть состояние и проблемы организации здравоохранения во вновь сформированной области. *Материалы и методы.* В основу исследования легли документы архивов и материалы, раскрывающие состояние здравоохранения в Пензенской области в 1939–1940 гг. В ходе написания работы использовались базовые методы исследования – диалектический, метод историзма, объективности, системности, позволившие упорядочить и структурировать материал с учетом военной проблематики. Для определения степени достоверности и репрезентативности документального материала использовался метод критического анализа исторических источников. *Результаты.* Впервые в научный оборот введены показатели оснащенности больниц и поликлиник, заболеваемости в Пензенской области в 1939–1940 гг., а также содержание и практика решения проблем, стоявших перед руководством областздравоотдела. *Выводы.* Несмотря на объективные и субъективные трудности, здравоохранение Пензенской области в целом эффективно решало поставленные перед ним задачи и подготовило необходимую базу, что было проверено в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Пенза, больные, больницы, поликлиники, заболеваемость, эпидемиологическая обстановка, врачи

Для цитирования: Поляков Р. Ю. Проблемы развития здравоохранения Пензенской области в 1939–1940 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 124–138. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-11

Problems of development of healthcare in Penza region in 1939–1940

R.Yu. Polyakov

The Branch of the Military Academy of Logistics named after
General of the Army A.V. Khrulyov of the Ministry of Defense
of the Russian Federation in Penza, Penza, Russia
rus-history@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the issue under consideration is determined by the fact that currently the process of healthcare organization in the first years after the creation of Penza region has not been sufficiently considered. The purpose of the work is to consider

© Поляков Р. Ю., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

to consider the state and problems of health care organization in the newly formed region. *Materials and methods.* The research is based on archival documents and materials revealing the state of healthcare in Penza region in 1939–1940. During the writing of the work, basic research methods were used – dialectical, the method of historicism, objectivity, and consistency, which made it possible to organize and structure the material taking into account military issues. To determine the degree of reliability and representativeness of the documentary material, the method of critical analysis of historical sources was used. *Results.* For the first time, indicators of hospital and clinic equipment, morbidity in Penza region in 1939–1940, as well as the content and practice of solving problems facing the leadership of the regional health department were introduced into scientific circulation. *Conclusions.* Despite objective and subjective difficulties, the health care of Penza region as a whole solved the tasks assigned to it and prepared the necessary base, which was tested during the Great Patriotic War.

Keywords: Penza, patients, hospitals, polyclinics, morbidity, epidemiological situation, doctors

For citation: Polyakov R.Yu. Problems of development of healthcare in Penza region in 1939–1940. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):124–138. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-11

Пензенская область была образована Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 4 февраля 1939 г. В течение почти 10 лет Пензенский край входил в состав других административных образований, где пензенские земли зачастую рассматривали как периферию. Это состояние не могло не сказаться на развитии Пензенского региона, в том числе и на здравоохранении. Поэтому одной из важнейших и первостепенных задач руководства нового региона стала организация системы здравоохранения. Однако данный короткий отрезок мирного времени оставался в тени судьбоносных вопросов, которые приходилось решать во время Великой Отечественной войны. Поэтому исследователи больше внимания уделяли вкладу области в общую победу и чаще рассматривали вопросы лечения военнослужащих Красной армии в эвакогоспиталях [1]. Вопросы здравоохранения гражданского населения в военное время долго оставались на вторых ролях и только недавно стали объектом изучения в трудах И. Н. Иноземцева [2–4], С. Н. Кузичкина [5] и др. Несмотря на это, вопросы здравоохранения в Пензенской области в 1930-е гг. были рассмотрены в работах И. В. Жигалиной [6], Л. М. Забежинского [7] и др. [8–10].

Так, И. В. Жигалина, рассмотрев в комплексе все стороны социальной политики в Среднем Поволжье, уделила достаточно внимания развитию здравоохранения во входящей в него Пензенской области. Исследователь констатировал, что медицинское обслуживание населения Средне-Волжского края в 1930-е гг. находилось на низком уровне развития. Это во многом обуславливалось недостаточным количеством медицинских учреждений и квалифицированного персонала. Тем не менее 1930-е гг. характеризовались активным развитием системы здравоохранения в крае. Был предпринят ряд мер, направленных на улучшение обслуживания населения, повышение эффективности медицинской помощи. Начали создаваться медицинские пункты на предприятиях, была создана система помощи на дому и скорой медицинской

помощи. Однако исследование не акцентировало внимание конкретно на Пензенской области. Поэтому становление системы здравоохранения в только сформированной Пензенской области является недостаточно изученной темой.

Одним из первых мероприятий по организации здравоохранения в Пензенской области стало образование 25 марта 1939 г. областного отдела здравоохранения. Пензенская область имела ряд существенных недостатков в деле организации лечебной помощи населению и нуждалась, по мнению заведующего областным здравоотделом Захарова, в неотложных мероприятиях по укреплению лечебно-профилактической сети.

В области имелось 76 больниц и 17 роддомов на 3743 койки. Из них в городах и рабочих поселках – 22 больницы и 5 роддомов на 1713 коек, что составляло 5,7 койки на 1000 человек населения. В сельской местности – 54 больницы, 12 роддомов на 1718 коек, что составляло 1,2 койки на 1000 человек населения. Эти показатели больничной помощи были значительно ниже средних показателей по стране.

Некоторые районы или совершенно не имели больниц (Тамалинский), или не имели их в райцентрах (Кондольский, Николаевский, Телегинский). Особенно остро, по мнению руководства, обстояло дело с госпитализацией больных в Пензе. Население Пензы, имеющей в то время около 160 тыс. человек, в 1930-х гг. выросло почти вдвое и продолжало расти в связи с ростом промышленности. Больничная же сеть за этот период пополнилась всего лишь одной больницей на 150 коек при заводе им. Фрунзе.

Помещения некоторых больниц (в Башмаково, Сердобске) были перегружены и с трудом вмещали штатное количество коек. Больницы в Кузнецке и Сердобске располагались в деревянных зданиях семидесятилетней давности, особенно ветхим было здание больницы в Кузнецке, хотя в течение последних лет вопрос о строительстве новой больницы в Кузнецке ставился перед Наркомздравом ежегодно. Почти все больницы области нуждались в капитальном ремонте.

Состояние больниц в ряде районов и отчасти в городах за зиму 1939–1940 гг. было очень тяжелым. Все больницы к началу отопительного сезона не были обеспечены топливом, и в течение всей зимы поставка топлива проходила не регулярно. В результате этого больницы отапливались недостаточно, а некоторые из них частично, как, например, в Мокшанской больнице из 10 палат отапливались только 3, в других больницах топка печей производилась не ежедневно, вследствие чего температура в палатах доходила до +5–6 градусов. С большими перебоями отапливались все лечебные учреждения Пензы. Ряд врачебных и фельдшерских пунктов совершенно не отапливались.

Вследствие отсутствия нормального финансирования все больницы находились в тяжелом состоянии в отношении не только отопления, но и питания. Исключение составляли Чембарская больница (главврач А. Ф. Соинов), Городищенская больница (главврач Шумаров) и некоторые другие, при которых действовали подсобные хозяйства.

Центральная городская больница, имевшая только 330 коек и крайне ограниченная в своих ресурсах, должна была обслуживать всеми видами квалифицированной помощи население 38 районов области. В областном центре не было всех видов помощи беременным, совершенно отсутствовало

отделение оториноларингологии, не было неврологического отделения. Только детская больница на 75 коек находилась в приспособленном коммунальном здании, а такие отделения, как глазное, туберкулезное, инфекционное, были настолько малы, что не могли даже частично удовлетворить нуждающихся.

В целях надлежащего обеспечения стационарной квалифицированной современной медпомощью населения городов и районов, по мнению руководства, необходимо было построить в Пензе клиническую больницу на 500 коек. Тогда вместе со старой больницей было бы 830 коек, что давало возможность иметь отделения по всем специальностям: хирургических – 200 коек, терапевтических – 50, глазных – 50, уха, горла, носа – 50, детских – 100, нервных – 20, онкологических – 20, «отделение хроников» – 30, «заразных» – 150. Отделения для хронических больных необходимы были ввиду того, что большое количество этих пациентов не имели возможности оставаться дома из-за недостаточности жилплощади, а иногда из-за отсутствия должного ухода.

При наличии новой больницы можно было бы развернуть инфекционное отделение для взрослых, которое на тот момент для всех инфекций размещалось в одном здании на 45 коек, вследствие чего приходилось постоянно закрывать другие отделения для размещения в них инфекционных больных. Вместе с тем постройка новой больницы могла обеспечить, по мнению руководства, в полной мере и базу для организации в Пензе медицинского института.

Также неудовлетворительно обстояло дело в областном центре и с физиотерапевтической помощью, хотя «Основные положения 2-го пятилетнего плана здравоохранения в СССР» специальной физиотерапевтической помощи уделяли особое внимание: «К концу пятилетки удельный вес применения воздуха, тепла должен занять первенствующее место». По мнению специалистов, физиотерапия вместе с рационально организованным диетпитанием сокращала срок пребывания больного в больнице, давала максимальное восстановление сил.

В январе 1940 г. по решению Пензенского облисполкома на базе Пензенской больницы им. Н. А. Семашко был организован физиотерапевтический институт на 125 коек. В то же время больница им. Семашко, являющаяся базой для института, была слишком мала, чтобы обеспечить даже тяжелых госпитальных больных. Еще в 1927 г. в Наркомздрав был представлен проект расширения здания больницы им. Н. А. Семашко. Пристрои были крайне необходимы, так как при существующей электро-водо-светосети в лечебнице не было возможности выделять помещение для грязелечения, для парафинолечения, для лечения ультравысокочастотными волнами, для врачебной гимнастики и пр. Расширение здания давало возможность развернуть все виды электро-водо-грязелечения и организовать клиническую лабораторию.

Кроме того, в Пензе остро ощущалась необходимость открытия центральной лаборатории, так как в городе не было лаборатории клинического характера, которая производила бы все виды клинического исследования: химико-биологические, гематологические, серологические. Необходимость открытия подобной лаборатории диктовалась потребностью врачей в улучшении диагностирования, а также потребностью поднятия квалификации врачей и младшего медперсонала и подготовки новых кадров для районов.

Для оказания внебольничной помощи в Пензе имелось 4 поликлиники и 2 амбулатории, не считая лечебных амбулаторных учреждений, обслуживающих железнодорожный узел. Все территориальные амбулаторные лечебные учреждения занимали не приспособленные здания, которые по своим размерам и расположению комнат не могли отвечать требованиям, предъявляемым к поликлиникам.

Всего в 1939 г. в Пензе было 452 225 посещений поликлиник и амбулаторий, что составляло 2,8 посещения в год на каждого человека. Этот показатель был ниже по сравнению с показателями обращаемости в других крупных городах. Так, например, показатель посещаемости по Свердловской области в 1935 г. – 4,3 на одного жителя в год. Таким образом, по мнению облздрави, недостаточная поликлиническая сеть и низкая квалификация персонала являлись основной причиной невысокой посещаемости.

Все это вместе взятое, а также ожидаемый в ближайшее годы прирост населения Пензы заставляло поднять вопрос о необходимости постройки в центральной части города центральной поликлиники со всеми специальными отделениями с общей пропускной способностью в год до 1 млн человек. При этих условиях показатель посещаемости поликлинических учреждений Пензы можно было бы довести до 5–7 в год на одного жителя, в том числе и профилактические посещения.

Всего в городах и рабочих поселках области было 20 поликлиник и амбулаторий со 100 врачебными приемами, в том числе 3 детских с 14 врачебными приемами. В сельской местности – 119 врачебных амбулаторий, из них 54 прибольничных, 242 фельдшерско-акушерских пункта и 31 акушерский.

Для оказания медпомощи рабочим и служащим без отрыва от производства на промышленных предприятиях имелось 11 врачебных и 28 фельдшерских здравпунктов, из которых 6 врачебных и 5 фельдшерских в Пензе.

Все поликлиники Пензы работали с большой перегрузкой, особенно при заводе им. Фрунзе. В отдельные дни, вследствие колоссального наплыва больных, прием последних ограничивался лишь лихорадящими.

С ростом населения Пензы ставился вопрос о реорганизации станции скорой помощи, об образовании в городе неотложной помощи с круглосуточным дежурством врачей в каждой поликлинике. Для этого, по мнению руководства, для города необходимо 6 автомашин для неотложной помощи, 4 машины для скорой помощи и 2 машины для перевозки рожениц и больных.

С образованием Пензенской области в Пензе были организованы следующие областные учреждения: станция переливания крови, онкологический пункт, малярийная станция, тубдиспансер и вендиспансер. В мае 1940 г. была организована санавиастанция, психоневрологический диспансер с 10 стационарными койками. Из специальных видов помощи в области имелось 63 трахоматозных пункта, 9 венпунктов, 1 тубдиспансер (г. Кузнецк) со стационаром при нем на 10 коек и 4 тубпункта. Кроме того, в Кузнецке имелась трахоматозная лечебница на 50 коек областного значения.

На организацию лечебно-профилактической помощи детям было обращено особое внимание руководства здравоохранения области.

Высокая детская заболеваемость инфекционными болезнями, в частности летними желудочно-кишечными заболеваниями, с большой детской смертностью в городах, особенно в Пензе, объяснялась слабой сетью детских

консультаций, плохой организацией патронажной помощи детям и слабым развертыванием профилактических мероприятий.

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 г. значительные силы медицинских работников были направлены на профилактическую работу, но все же без расширения сети консультаций, молочных кухонь задача борьбы с детской заболеваемостью не могла быть решена успешно.

Имеющаяся в Пензе единственная молочная кухня совершенно не удовлетворяла потребности детского населения в лечебных молочных смесях. Планировалось в 1941 г. организовать несколько молочных кухонь и развернуть по области дополнительную сеть детских консультаций с обеспечением 100 % патронирования детей раннего возраста во всех городах и райцентрах.

Одним из наиболее актуальных вопросов являлась противотуберкулезная помощь населению. Однако по области сеть противотуберкулезных учреждений была развита очень слабо, вследствие чего не имелось полных данных об больных туберкулезом. В Пензе, по докладу заведующего горздравотделом Л. Д. Киреева, в туберкулезном диспансере состояло на учете 4048 человек. В вопросах лечебной работы Пензенский тубдиспансер отставал от других областных центров. Из активных лечебных вмешательств диспансер применял только искусственный пневмоторакс. Совершенно отсутствовала легочная хирургия, что резко снижало качество лечебной помощи. В 1940 г. противотуберкулезная коечная сеть области расширилась только за счет костно-туберкулезного детского санатория на 60 коек.

По мнению руководства, было необходимо создать в областном центре полноценный туберкулезный диспансер со стационаром, который мог бы более эффективно проводить лечебную работу и управлять районными тубдиспансерами. Кроме того, требовалось построить санаторий для детей с открытой формой туберкулеза на 60 коек и ночной санаторий для взрослых на 30 коек.

Одним из элементов профилактики заболеваний являлось санаторно-курортное лечение. Однако в Пензенской области санаторно-курортная помощь была развита очень слабо. В регионе имелось 2 санатория для взрослых: летний тубсанаторий на 200 коек в Чаадаевке, а также круглогодичный нервно-сердечный санаторий на 150 коек в Зубриловке, самый новый, открытый в марте 1940 г. в поместье князя Голицына. Расположен он был в живописной местности. Здание санатория – большой трехэтажный корпус – утопало в зелени тенистого парка, окаймленного фруктовыми садами. Санаторий располагал хорошей водолечебницей, в которой имелись души всех видов, ванны, производились обливания с растиранием. Здесь планировалось оборудовать углекислые ванны, являющиеся хорошим способом лечения нервно-сердечных больных. Однако за внешней чистотой и опрятностью скрывалась неутешительная действительность. Журналист газеты «Сталинградское знамя» так описал внутреннюю жизнь санатория: «Внутренние распри, склоки, беспринципные споры, подсиживание одного работника другим, семейственность вносят большой разлад в коллектив врачей санатория, вредят делу. Здесь подбирают людей по знакомству, по родству, не считаясь с их деловыми качествами. От неудовлетворяющих этим требованиям избавляются,

как избавились от опытного врача-психоневролога М. Л. Козловской. Большой авторитет, которым заслуженно пользовалась среди больных М. Козловская, был не по душе ее коллегам». В конце концов ее освободили от должности врача и назначили библиотекарем.

Автор статьи был поражен тем, что «увольняют нужных специалистов, а в это время набирают целый штат бездельников, халтурщиков, которым платят не меньшую зарплату, чем врачам. К числу таких в первую очередь относятся физкультурник, который занят в день максимум час и томится от безделья, и баянист, не умеющий играть на баяне» [11].

Кроме того, имелось 4 детских санатория на 280 коек, содержавшихся за счет местного бюджета. Помимо санаториев, принадлежащих облздраву, в области имелось более 10 домов отдыха, принадлежавших управлению делами Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и местным обкомам профсоюзов, причем использование указанных домов отдыха происходило бессистемно и бесконтрольно. В целях упорядочения деятельности домов отдыха было необходимо, по мнению руководства, организовать областное управление домами отдыха.

Для усиления санаторной помощи детям планировалось расширение действовавшего детского санатория «Белое озеро» и оборудование его всей современной аппаратурой для физиолечения.

Санитарно-эпидемиологическое состояние населения в 1930-е гг. постоянно было в центре внимания наркомата здравоохранения СССР и здравоотдела Пензенской области в частности. Однако эпидемиологическое состояние Пензенской области по ряду инфекционных заболеваний являлось неудовлетворительным. Так, в 1939 г. на каждые 10 000 жителей имелось заболеваний по брюшному тифу 6,81; сыпному тифу – 4,79; скарлатине – 11,58; дифтерии – 15,4; кори – 36,42; детским поносам (дети до 2 лет) – 174,84. Динамика эпидемических заболеваний в 1939 и 1940 гг. приведена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика эпидемических заболеваний в 1939 и 1940 гг.

Заболевание	Первое полугодие 1939 г.	Первое полугодие 1940 г.
Брюшной тиф	589	469
Скарлатина	723	616
Корь	2997	1694
Дизентерия и гемоколит	1669	971
Детский понос	7278	2905
Дифтерия	1051	1056
Сыпной тиф	533	594
Детские простые острые гастродитероколиты	Нет данных	2904

Многие приведенные данные, как признавали сами руководители облздравотдела, из-за недостаточного учета не соответствовали действительности.

Одной из необходимых мер профилактики инфекционных заболеваний являлась своевременная и полная госпитализация. Охват госпитализацией составлял при брюшном тифе 98,7 %, сыпном тифе – 95,0 %, скарлатине – 86,3 %, дифтерии – 80,4 % и кори – 10,6 %. Что касалось госпитализации при кори, то охват ею был чрезвычайно низок, так как госпитализация проводилась только в исключительно тяжелых случаях. Наиболее благополучными по госпитализации являлись Пенза, Кузнецк и Сердобск, где имелись специальные инфекционные отделения.

Во исполнение приказа Наркомздрава в области было организовано пять межрайонных санитарно-эпидемических станций (Пенза, Кузнецк, Сердобск, Пачелма и Телегино), причем только станция Пензы возглавлялась врачом. Укомплектованность этих станций средним медперсоналом составляла в 1939–1940 гг. не более 50 %.

Необходимо отметить значительную заболеваемость бруцеллезом по Сердобскому и Малосердобскому районам, где работали два временных отряда и было проведено массовое обследование на бруцеллез. В результате амбулаторного исследования в Сердобском районе у 74 из 99 подозрительных на бруцеллез и в Малосердобском районе у 32 из 68 проверенных выявлен бруцеллез. Единичные случаи бруцеллеза отмечались в Кузнецком и Сосновоборском районах. В то же время борьба с бруцеллезом должна была идти главным образом по линии Ветнадзора, так как заражение происходило от животных, поэтому облздравотдел просил Наркомздрав прислать специальный отряд по борьбе с бруцеллезом.

Заболеваемость малярией в результате проводимых мероприятий в области постоянно снижалась. Так, в 1937 г. по области было зарегистрировано 84 595 «маляриков», в 1938 г. – 79 098, в 1939 г. – 52 295. Еще большее снижение произошло в Пензе благодаря организации в городе в 1935 г. малярийной станции: в 1937 г. – 9345 «маляриков», в 1938 г. – 7294, в 1939 г. – 4717. Вследствие сильной заболоченности р. Суры на территории Пензы особенно проблемным местом являлся район фабрики «Маяк Революции».

В целях борьбы с малярией по области в 1940 г. количество малярийных станций было доведено до 16 и малярийных пунктов – до 12.

Несмотря на то что предохранительные прививки являлись одним из основных моментов в профилактике инфекционных заболеваний, все же план по прививкам не выполнялся. В 1939 г. план противобрюшотифозных прививок был выполнен лишь на 49 %, противодизентерийных – на 48 % и противодифтерийных – на 50 %; в первом полугодии 1940 г. по противобрюшотифозным – на 37,5 % (50 684), по противодизентерийным – на 36,2 % (72 434) [12, л. 5].

Недовыполнение плана прививок объяснялось главным образом несвоевременным получением прививочного материала. Так, противодизентерийные таблетки получены только в апреле 1940 г. и то только 50 % от потребности, брюшнотифозная дивакцина получена в марте-апреле 1940 г. и противодизентерийный анатоксин – в конце марта и то только 70 % потребности. Неполное получение бактериофагов зависело также от плохого финансирования на противоэпидемические мероприятия. По Пензе в качестве профилактики планировалось провести фагирование 10 000 человек, однако привито было только 4500 человек.

Из райцентров особенно неблагополучным был Сердобск и Сердобский район (табл. 2).

Таблица 2

Динамика заболеваемости по г. Сердобску в 1938–1939 гг.

Заболевание	1938 г.	1939 г.
Брюшной тиф	1	16
Дизентерия	75	107
Дифтерия	33	38
Скарлатина	39	18

Причиной такого состояния являлось неудовлетворительное центральное водоснабжение в Сердобске, которое представляло собой примитивную самотечную систему: из общей линии водопроводной сети в 10 814 метров 62 % сети состояло из деревянных ветхих и худых труб. На углах улиц были поставлены деревянные чаны-водоразборы, на 50 % требующие полной замены. К тому же данный водопровод удовлетворял лишь 30 % населения в воде. Учитывая, что Сердобск являлся местом расквартирования воинских частей, была острая необходимость реконструкции городского водопровода.

По желудочно-кишечным заболеваниям наибольшую заболеваемость имели Пенза и Кузнецк, а также Городищенский, Яссинский, Каменский, Лунинский районы.

Наибольшая заболеваемость по сыпному тифу как в 1939 г., так и в 1940 г. отмечалась в Телегинском, Бессоновском, Пачелмском, Свищевском и Иссенском районах. Динамика заболеваемости инфекционными заболеваниями в Телегинском, Иссенском и Бессоновском районах Пензенской области в 1938–1939 гг. представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика заболеваемости инфекционными заболеваниями в Телегинском, Иссенском и Бессоновском районах Пензенской области в 1938–1939 гг.

Район	Заболевание	1938 г.	1939 г.
Телегинский	Брюшной тиф	66	19
	Сыпной тиф	173	65
	Дифтерия	21	27
	Скарлатина	124	17
Иссинский	Брюшной тиф	–	–
	Сыпной тиф	193	2
	Дифтерия	24	155
	Скарлатина	56	23
Бессоновский	Брюшной тиф	104	44
	Сыпной тиф	23	22
	Дифтерия	53	84
	Скарлатина	102	34

Также неблагополучно обстояло дело в Пензенской области и по детским инфекциям, в частности скарлатине (в 1939 г. был зафиксирован 1971 случай и в 1940 г. – 1190 случаев) и дифтерии (в 1939 г. – 2656 и за 9 месяцев 1940 г. – 1615 случаев).

Неблагополучие Пензенской области в эпидемическом отношении являлось следствием ее неудовлетворительного санитарного состояния. Особенно плохо обстояло дело с водоснабжением. Так, например, имеющийся в Пензе водопровод вследствие своей изношенности вызывал частое появление в водопроводной воде кишечной палочки. Дебет воды городского водопровода был недостаточен вследствие того, что часть скважин еще не была пущена в эксплуатацию. К тому же часть районов Пензы вообще были без водопровода. При этом переоборудование городского водопровода и постройка канализации шли очень медленно.

Санитарное состояние Пензы, являющейся эпидемическим очагом брюшного тифа и других желудочно-кишечных заболеваний, ухудшалось вследствие чрезвычайного загрязнения почвы из-за отсутствия канализации и очень малого процента (3–5 %) вывозки нечистот из города. Ассенизационный обоз в Пензе был недостаточен. Кроме того, имеющиеся автоцистерны в большинстве своем не работали из-за отсутствия горючего.

Руководство области поднимало весной 1939 г. вопрос о том, что медленно вывозится обледеневший снег с улиц и дворов. Из запущенных помоек и уборных оттаивающие отбросы загрязняли прилегающую территорию. Из отдельных дворов грязь вытекала на улицу. Особенно плохая ситуация была вокруг железнодорожной станции Пенза I: места общего пользования своевременно не подметались, не мылись, не вентилировались и не дезинфицировались. Мостовые перед станцией, в результате стока весенних вод со склонов, превращались в болота. Проходящие машины «обдавали прохожих брызгами грязи, а сверху на прохожих течет грязная смесь мазута с водой».

Не лучше было положение на станции Пенза III. Пути были замусорены и захламлены. Освобождая территорию станции от шлака, отдельные работники станции разгружали его под откос на Транспортную улицу [13].

Основным недостатком проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий являлось полное отсутствие бань общественного пользования в пяти районных центрах (Барановка, Верхний Вьясс, Неверкино, Камешкир и Голицино), а также чрезвычайно малая пропускная способность бань в девяти райцентрах (Телегино, Тамала, Свищевка, Беково, Бессоновка, Городище, Исса, Лопатино, Малая Сердоба). В Белинском баня не работала в течение последних двух лет. Не было закончено оборудование коммунальной бани в Нижнем Ломове. Большинство бань зимой не работало из-за отсутствия дров.

Кроме того, в Печелмском и Лунинском районах имеющиеся бани находились в ведении железнодорожного ведомства. Вот почему были необходимы, по мнению руководства, ассигнования на постройку 16 коммунальных бань с пропускной способностью не менее 50 человек в час.

Одновременно была необходима постройка бань на железнодорожных станциях, на которых производилась посадка призывников и переселенцев, а именно на ст. Ночка, Канаевка, Чаадаевка, Сомаяевка и Торбеево с пропускной способностью не менее 30 человек в час.

Особенно неудовлетворительно была поставлена санитарная обработка в Пензе. Имеющаяся в городе баня-пропускник имела недостаточную пропускную способность для массовых профилактических обработок, к тому же была расположена на территории детской инфекционной больницы. В этом

же пропускнике производилась как профилактическая обработка, так и обработка эпидемических очагов.

Основным мероприятием по борьбе с инфекционными заболеваниями являлась своевременная госпитализация больных, обработка очагов и профилактические прививки.

Одним из главных вопросов, с которого нужно было начинать решать многие проблемы здравоохранения области, являлось состояние обеспеченности области медицинскими кадрами.

Неукомплектованность врачебными кадрами лечебно-профилактической сети, а также большая текучесть кадров являлись наиболее тяжелым вопросом.

В Пензенской области в 1940 г. были не замещенными 254 врачебные должности, 29 участков не имели ни одного врача [12, л. 7]. Хотя по другим данным в 1940 г. врачей не было в 52 участках, или около 50 % [14, л. 11]. По состоянию на 1 января 1941 г. было не укомплектовано врачами 35 участков.

В 1939 г. прибыло в Пензенскую область 69 врачей. Но одновременно за этот же период выбыло из области 46 врачей (из которых 35 врачей выпуска 1939 г.).

В 1940 г. по наряду Наркомздрава в область должны были приехать 94 молодых врача, но прибыло 83. По данным облздравотдела, около 20 % выпускников медицинских вузов уклонялись под различными предлогами от работы по распределению. Так, в 1940 г. выбыли 59 врачей, самыми массовыми причинами стали: зачислены в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии – 17 %, как жены военнослужащих – 30 %.

Несмотря на трудности, кадровый вопрос постепенно решался. Так, если на 1 января 1940 г. в области работало 384 врача, то уже 1 января 1941 г. – 449.

Особенно неблагоприятно обстояло дело с обеспечением санитарно-эпидемическими врачебными кадрами. Если учесть, что была необходимость открытия новых больниц в ряде районных центрах, не имеющих совершенно больниц, недостаток во врачах еще более возрастал.

Острая нужда во врачебных кадрах диктовала необходимость срочного разрешения вопроса об открытии в Пензе мединститута. С реорганизацией Куйбышевского мединститута в Военно-медицинскую академию соседние области Куйбышевская, Чкаловская, Тамбовская и Мордовская АССР, по мнению руководства, могли бы обеспечиваться врачебными кадрами за счет Пензенского мединститута.

Для повышения квалификации врачей облздравотдел получал путевки для специализации по всем специальностям в институты усовершенствования врачей в Москву, Ленинград, Казань, Харьков и Киев. Всего за 1940 г. было направлено на усовершенствование 36 человек и по линии наркомата обороны 68 человек.

Кроме того, для получения практической стажировки по отдельным специальностям введены краткосрочная (от 1 до 3 месяцев) интернатура при лечебных учреждениях и краткосрочные десятидневные стажировки врачей при станции переливания крови.

В 1940 г. в лечебно-профилактических учреждениях и санитарно-эпидемиологических организациях области работало 2425 средних медработников.

Всего же среднего медперсонала в 1940 г. по области было 2274 человека. Из них в сельской местности работали 1230 человек.

Недостаток среднего медперсонала ощущался в области значительно меньше, чем во врачах. Это объяснялось тем, что в области было две медшколы (в Пензе и Кузнецке), подготавливающие фельдшеров и акушеров, кроме того, имелись три школы медсестер (Пенза, Чембар и Николо-Пестровка). В 1940 г. предполагалось выпустить из этих школ 22 фельдшера, 174 акушерки и 134 медсестры.

В целях подготовки среднего медперсонала планировалось в 1940–1941 учебном году принять в существующие по области медшколы 695 человек, из них на фельдшерское отделение – 250 человек, акушерское – 180 человек и отделение санитарных фельдшеров – 80 человек. Кроме того, вновь планировалось организовать отделение для медлаборантов на 30 человек и зубоврачебную школу на 30 человек. Медсестер планировалось принять 60 человек, причем Николо-Пестровская школа должна была ликвидироваться, а медсестры детских учреждений должны были подготавливаться в обычной сестринской школе при одном из лечебных учреждений Пензы.

Для нужд Пензенской области Наркомздравом в 1940 г. выделялось 130 фельдшеров, 118 акушерок и 152 медсестры.

Положение с руководящими кадрами тоже нельзя было назвать удовлетворительным. Из числа 40 заведующих райздравами и горздравами 23 не имели медицинского образования. В большинстве случаев они случайно попали на эту работу, как, например, заведующие Поимским и Свищевским райздравами, которые были раньше директорами машинно-тракторных станций. Часть работников были назначены в порядке выдвижения с низовой работы в советских учреждениях и колхозах. Не было уделено внимания выдвижению на эту руководящую работу лучших медработников района. После проверки всех заведующих райздравотделов 14 из числа тех, кто не имел медицинского образования, подлежали немедленной замене как совершенно не обеспечивающие руководство делом здравоохранения в районе [12, л. 1–8].

Решение почти всех вышеназванных проблемных вопросов зависело от состояния бюджета. На 1940 г. общий бюджет по здравоохранению области был принят в сумме 41 026,3 тыс. руб. – это больше бюджета 1939 г. на 3255,1 тыс. руб., или на 8,6 %. Указанный объем бюджета давал возможность значительно укрепить здравоохранение в области и расширить лечебно-профилактическую помощь населению.

Исполнение бюджета за 1939 г. выражалось в сумме 36 107 тыс. руб., что составляло 95,5 % запланируемой суммы. Что же касалось исполнения бюджета 1940 г., то оно являлось крайне низким и совершенно недостаточным для нормальной работы лечебно-профилактических учреждений области. Так, на первый квартал 1940 г. на здравоохранение по области было выделено 79,2 % средств от запланированных. В апреле 1940 г. на такие первоочередные расходы, как зарплата, питание, медикаменты и стипендии учащимся, в месяц требовалось 840 тыс. руб. Даже на эти расходы в апреле недодано по областному бюджету 165 тыс. руб.

Несмотря на ряд жалоб как со стороны облздравотдела, так и со стороны непосредственно лечпрофучреждений по вопросу о плохом финансировании лечебно-профилактической сети области, сдвига в этом вопросе

не было и финансирование продолжало оставаться совершенно неудовлетворительным. Учреждения и мероприятия, состоящие на собственном областном бюджете, за первое полугодие были профинансированы на 72,2 % от утвержденного плана.

Особенно плохо финансировались учреждения, состоящие на сельских и районных бюджетах. Такое положение привело к катастрофической задержке зарплаты медработникам. Так, к концу июня 1940 г. по большинству учреждений в районах зарплата была выплачена лишь по 14–15 апреля, а в отдельных случаях задержка зарплаты достигала 3–4 месяца. Заведующий Вадинским райздравотделом в своем письме от 17 июня 1940 г. докладывал, что зарплата медработникам района не выплачена с марта. Заведующий Ртищевским медпунктом не получал зарплату с января 1940 г. Из письма главного врача Поимской райбольницы Попова от 10 июня 1940 г. видно, что зарплата работникам этой больницы за первую половину апреля была выплачена лишь в июне.

В медшколах (Пензенской, Кузнецкой фельдшер-акушерских школах и Чембарской школе медсестер), ввиду плохого финансирования, несвоевременно выплачивалась стипендия учащимся и не было средств для выплаты зарплаты педагогическому персоналу за каникулярное время.

Плохое финансирование нарушало нормальную работу лечебно-профилактических учреждений и резко понижало их качество. Недофинансированием срывались противоэпидемические и противомаларийные мероприятия.

В летнее время необходимо было заготавливать топливо на весь сезон, однако из-за отсутствия средств это мероприятие срывалось, из-за чего лечебно-профилактические учреждения рисковали остаться без топлива на зиму.

Снабжение лечебно-профилактических учреждений области бельем, инвентарем и медоборудованием находилось в 1940 г. в крайне тяжелом состоянии. Контора снабжения облздора, занимавшаяся этим вопросом, находилась на хозрасчете и совершенно не имела финансовых средств. Неоднократная попытка облздора добиться выделения этой конторе денег ни к чему не приводила. Таким образом, лечебные учреждения области были лишены возможности удовлетворить острую нужду в белье и инвентаре.

В отношении обеспеченности мягким инвентарем и бельем состояние обеспеченности было различным. Многие зависело от работы по данному вопросу заведующих райздравотделов и главных врачей больниц. Особенно тяжелое положение с обеспечением инвентарем было в Мокшанской больнице, где в течение двух лет не было главврача и его обязанности выполнял заведующий райздравотделом товарищ Скворцов, который, по мнению облздора, «развалил окончательно районную больницу» [14, л. 1–13].

И все же, несмотря на объективные и субъективные трудности, здравоохранение Пензенской области в целом решало поставленные перед ним задачи и подготовило необходимую базу, что было проверено в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Поляков Р. Ю. Деятельность эвакогоспиталей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 31–42.

2. Иноземцев И. Н. Здоровоохранение и медико-санитарные аспекты повседневной жизни населения Пензенской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2023. 193 с.
3. Иноземцев И. Н. Деятельность Пензенского института эпидемиологии и микробиологии в годы Великой Отечественной войны // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 110–118.
4. Иноземцев И. Н. Здоровоохранение Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и позднего сталинизма: к историографии проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 123–133. doi: 10.21685/2072-3024-2022-2-10
5. Кузичкин С. Н. Здоровоохранение Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Пензенское краеведение. 2020. № 3-4 (35-36). С. 10–15.
6. Жигалина И. В. Социальная политика Советского государства в 30-е годы XX века: по материалам Среднего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 171 с.
7. Забежинский Л. М. Здоровоохранение Пензенской области за 50 лет Советской власти: Материалы к истории. Саратов ; Пенза : Приволж. кн. изд-во, 1968. 128 с.
8. Годин В., Савин О., Шалдыбин Г. Путь в полтора столетия. Страницы истории Пензенской больницы им. Бурденко. Пенза, 1996. 352 с.
9. Захаров Ф. С. Из истории здравоохранения Пензенской области // Научные работы Пензенской областной больницы им. Бурденко. Саратов ; Пенза : Привол. кн. изд-во, 1970. С. 5–12.
10. Сурина Л. «Мы были счастливы лечить». История медицины в Пензе // Наша Пенза. 1993. № 25. С. 6.
11. Мишкин М. В Зубриловском санатории // Сталинское знамя. 1940. 6 июля.
12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 1320. Оп. 1. Д. 256.
13. Просвирнин В. За образцовое санитарное состояние Пензы // Сталинское знамя. 1939. 2 апреля.
14. ГАПО. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 180.

References

1. Polyakov R.Yu. Activities of evacuation hospitals of Penza region during the Great Patriotic War. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(3):31–42. (In Russ.)
2. Inozemtsev I.N. *Healthcare and medical and sanitary aspects of everyday life of the population of the Penza region during the Great Patriotic War: PhD dissertation*. Penza, 2023:193. (In Russ.)
3. Inozemtsev I.N. Activities of Penza Institute of Epidemiology and Microbiology during the Great Patriotic War. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* = *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(2):110–118. (In Russ.)
4. Inozemtsev I.N. Healthcare in Penza Region during the Great Patriotic War and Late Stalinism: towards the historiography of the problem. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(2):123–133. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2022-2-10
5. Kuzichkin S.N. Healthcare in Penza Region during the Great Patriotic War. *Penzenskoye krayevedeniye* = *Penza regional studies*. 2020;(3-4):10–15. (In Russ.)
6. Zhigalina I.V. *Social policy of the Soviet state in the 1930s: based on materials from the Middle Volga region: PhD dissertation*. Penza, 2005:171. (In Russ.)
7. Zabezhinskiy L.M. *Zdravookhraneniye Penzenskoy oblasti za 50 let Sovetskoy vlasti: Materialy k istorii* = *Healthcare of Penza region in 50 Years of Soviet Power: materials for history*. Saratov; Penza: Privolzh. kn. izd-vo, 1968:128. (In Russ.)

8. Godin V., Savin O., Shaldybin G. *Put' v poltora stoletiya. Stranitsy istorii Penzenskoy bol'nitsy im. Burdenko* = A journey of one and a half centuries. Pages of history of Penza Burdenko Hospital. Penza, 1996:352. (In Russ.)
9. Zakharov F.S. From the history of healthcare in Penza region. *Nauchnyye raboty Penzenskoy oblastnoy bol'nitsy im. Burdenko* = Scientific works of Penza regional hospital named after Burdenko. Saratov; Penza: Privol. kn. izd-vo, 1970:5–12. (In Russ.)
10. Surina L. “We were happy to treat”. History of medicine in Penza. *Nasha Penza* = Our Penza. 1993;(25):6. (In Russ.)
11. Mishkin M.V. Zubrilov sanatorium. *Stalinskoye znamya* = Stalin's banner. 1940;6 July. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 1320. Op. 1. D. 256 = State Archive of Penza region. Fund 1320. Item 1. File 256. (In Russ.)
13. Prosvirnin V. For the exemplary sanitary condition of Penza. *Stalinskoye znamya* = Stalin's banner. 1939;2 April. (In Russ.)
14. GAPO. F. 1320. Op. 1. D. 180 = State Archive of Penza region. Fund 1320. Item 1. File 180. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Роман Юрьевич Поляков

кандидат исторических наук,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических
дисциплин, Филиал Военной академии
материально-технического
обеспечения имени генерала армии
А. В. Хрулева Министерства обороны
Российской Федерации в г. Пензе
(Россия, Пензенская область,
г. Пенза-5)

E-mail: rus-history@mail.ru

Roman Yu. Polyakov

Candidate of historical sciences,
candidate of engineering sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of humanities
and socio-economic disciplines,
The Branch of the Military Academy
of Logistics named after General
of the Army A.V. Khrulyov of the
Ministry of Defense of the Russian
Federation in Penza (Penza-5,
Penza region, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.07.2024

Принята к публикации / Accepted 24.10.2024

УДК 947.087+7.075

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-12

Развитие Пензенской художественной школы в 1938–1964 гг.: роль регионального отделения Союза советских художников

Е. А. Аншаков¹, Е. П. Барина²

¹Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Самара, Россия

²Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

¹anshakov.evgenij@yandex.ru, ²rfnz25@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Утверждение государственной монополии в сфере искусства изменило вектор и траектории развития художественного процесса. В идеологических кампаниях государства и практике реальной художественной жизни долгое время сосуществовали противоположные тенденции. Цель исследования – выявить специфику создания и деятельности Пензенского отделения организации «Союз советских художников». *Материалы и методы.* Системно-структурный метод использован для изучения способов взаимодействия власти и творческой художественной интеллигенции, выявления эффективности деятельности регионального отделения. Сравнительно-исторический метод позволил выявить специфику деятельности регионального отделения Союза советских художников. *Результаты.* Исследование показало влияние идеологических кампаний на тематику и стилистику творческих работ. Выявлены направления индивидуальных творческих поисков пензенских художников. Отмечены организационные трудности деятельности отделения: недостаточное финансирование, отсутствие помещений для творческой работы и нерегулярность заказов. Положительное влияние оказывала тесная связь отделения с художественным училищем, которое обеспечивало кадровый потенциал отделения. Пензенское отделение демонстрировало организационную стабильность и высокий уровень участия творческой интеллигенции в выставках. *Выводы.* Пензенские художники внесли вклад в развитие советского искусства. Руководство правления отделения и областные органы власти осуществляли идеологический контроль творчества художников, однако не подавляли полностью индивидуальные художественные поиски. Организационные проблемы отделения и недостаток материальных ресурсов препятствовали развитию пензенской художественной школы, однако сильная связь с художественным училищем обеспечивала относительную стабильность.

Ключевые слова: Союз советских художников, Пензенское отделение, художественное творчество, послевоенный период, советское искусство, правление, кадровые проблемы

Для цитирования: Аншаков Е. А., Барина Е. П. Развитие Пензенской художественной школы в 1938–1964 гг.: роль регионального отделения Союза советских художников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 139–150. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-12

Development of Penza art school in 1938–1964: the role of the regional branch of the Union of Painters

© Аншаков Е. А., Барина Е. П., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

E.A. Anshakov¹, E.P. Barinova²

¹Samara Campus of Moscow City University, Samara, Russia

²Samara National Research University, Samara, Russia

¹anshakov.evgenij@yandex.ru, ²rfnz25@yandex.ru

Abstract. *Background.* The establishment of the state monopoly in the sphere of art has changed the vector and trajectories of the development of the artistic process. For a long time opposite tendencies coexisted in the ideological campaigns of the state and in the practice of real artistic life. The purpose of the research is to reveal the specifics of creation and activity of Penza branch of the organisation “Union of Soviet Painters”. *Materials and methods.* System-structural method was used to study the ways of interaction between the authorities and creative artistic intelligentsia, to identify the effectiveness of the regional branch. The comparative-historical method allowed to reveal the specificity of activity of the regional branch of the “Union of Soviet Painters”. *Results.* The study showed the influence of ideological campaigns on the themes and stylistics of creative works. The directions of individual creative searches of Penza artists were revealed. Organisational difficulties of the department’s activity were noted: insufficient funding, lack of premises for creative work and irregularity of orders. The close connection of the department with the art school, which provided the personnel potential of the department, had a positive influence. Penza branch demonstrated organisational stability and a high level of participation of creative intellectuals in exhibitions. *Conclusions.* Penza artists contributed to the development of Soviet art. The management of Penza branch and the regional authorities exercised ideological control over the work of artists, but did not completely suppress individual artistic endeavours. Organisational problems of the branch and lack of material resources hindered the development of Penza art school, but the strong connection with the art school ensured relative stability.

Keywords: Union of Soviet Painters, Penza branch, artistic creativity, post-war period, Soviet art, board, personnel problems

For citation: Anshakov E.A., Barinova E.P. Development of Penza art school in 1938–1964: the role of the regional branch of the Union of Painters. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):139–150. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-12

Введение

Специфичный характер деятельности российских художников – тесные корпоративные связи, наличие коллективных форм презентации деятельности, харизматичность отдельных лидеров – способствовали созданию во второй половине XIX – начале XX в. различных творческих объединений, которые сыграли важную роль в поддержке молодых талантов, просветительской деятельности. Они способствовали возникновению новых творческих идей и реализации художественной продукции. Возникшие объединения, с одной стороны, имели ярко выраженную гражданскую позицию, с другой – играли роль своеобразного посредника между властью и обществом, способствовали демократизации культуры.

Великая российская революция и последующие трансформации общества способствовали формированию новых моделей взаимоотношений «власть – художник». Формирование нового человека – борца за светлое коммунистическое будущее – требовало идеологического воспитания населения, поэтому творческая интеллигенция (прежде всего художники) рас-

смаatrивалась в партийно-государственной политике как работники «идеологического фронта». Необходимость создания ярких визуальных образов, демонстрировавших победы и достижения Советского государства, превращало художественное творчество в одно из главных средств пропаганды. Созданию единого Союза художников предшествовали активные дискуссии о путях развития изобразительного искусства между апологетами реалистического направления и сторонниками новых художественно-стилистических течений [1, с. 540]. Недолгий период свободы творчества в 1920-х – начале 1930-х гг. сменился жестким контролем со стороны власти за его содержанием. В 1932 г. организацией, объединяющей и направляющей творческую деятельность советских художников, стал Союз художников СССР (СХ СССР), в состав которого вошли местные организации разного уровня. Общее руководство местными отделениями и их взаимосвязь осуществляло выборное Правление СХ СССР. Они были теснейшим образом связаны с государством и финансировались в значительной мере из госбюджета [2]. Несмотря на большое количество публикаций в течение последних лет, посвященных СХ СССР и его региональным отделениям, место и роль этой организации в социокультурном пространстве российской провинции очерчена поверхностно, не до конца выявлен механизм коммуникативных практик.

Материалы и методы

Научная проблематика, связанная с историей создания и деятельности Союза советских художников и его региональных отделений, достаточно обширна. В советской историографии можно выделить общие работы по истории культуры и искусства, в которых основное внимание уделялось государственной политике в области руководства культурой [3, 4], и работы искусствоведов и историков культуры [5, 6]. На региональном уровне предметом исследования становилось творчество того или иного художника. Представителям русского искусства начала XX в., выпускникам Пензенского художественного училища посвящены работы Э. А. Полищук [7], В. К. Чеснокова [8], Ю. И. Нехорошева [9]. Творчеству мастеров изобразительного искусства Пензы в послевоенный период посвящен ряд статей и иллюстративных альбомов, содержащих богатый материал о творчестве пензенских художников и биографические справки на них [10, 11].

В современной российской историографии достаточно подробно проанализированы особенности взаимоотношений художественного сообщества и органов государственной власти в 1917–1932 гг., показан процесс трансформации повседневных и коммуникативных практик представителей профессионального сообщества, охарактеризована деятельность различных творческих объединений в этот период [12, 13]. Становлению и деятельности Союза художников СССР и его региональных отделений в 1930–1960-е гг. посвящены комплексные исследования Г. А. Янковской [14, 15] и М. Р. Зезиной [16, 17], в которых впервые художественное сообщество рассматривается в рамках социальной истории. Из региональных отделений наиболее детальному изучению подверглась деятельность Московского [1, 18] и Ленинградского [2, 13] отделений союза, а также Урала и Сибири [19, 20]. Отдельные аспекты деятельности региональных отделений Союза художников СССР косвенно затронуты в статье Н. А. Кузнецовой [21] и диссертации

Р. Б. Хаплахамитова [22], посвященных творческим союзам Среднего Поволжья. В коллективных монографиях пензенских историков содержатся обобщающие сведения о деятельности Пензенского областного товарищества «Художник», Картинной галереи, Пензенского художественного училища в 40–50-е гг. XX в. [23; 24, с. 74–78, 126–142].

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа делопроизводственной документации, хранящейся в фондах государственных архивов областей Среднего Поволжья. В годовых отчетах, переписке и докладах о работе филиала Союза советских художников отражен характер и особенности деятельности творческого союза. О разнообразии выставочной деятельности Пензенской организации Союза художников свидетельствуют материалы периодической печати, в которых характеризуется их творчество.

Результаты и обсуждение

В первые десятилетия советской власти развитие изобразительного искусства в Пензенской области было неравномерным. Несмотря на наличие художественного училища, способствовавшего сохранению классических традиций и подготовке новых кадров, внимание властей к этой сфере было недостаточным. Тем не менее уже в 1920–1930-е гг. в Пензе работали талантливые художники, чьи работы выставлялись на всесоюзном уровне. Среди них Н. К. Краснов, А. Г. Вавилин, А. И. Постнов, М. Е. Валукин.

К концу 1930-х гг. в СССР в сфере творчества наблюдалось усиление идеологического контроля и повышение внимания государства к сфере искусства. После выхода в 1932 г. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»¹ во всех крупных городах Среднего Поволжья началась подготовка к созданию областных отделений Союза советских художников (ССХ). 21 июля 1939 г. было принято постановление СНК СССР «Об образовании Союза советских художников СССР»². Союз должен был объединять художников разных видов и жанров, осуществлять руководство их деятельностью и контроль за ней. Организация выполняла идеологические функции, пропагандировала идеалы социалистического общества и принципы социалистического реализма в искусстве, оказывала поддержку лояльным государству художникам.

В 1934 г. художники Пензы объединились в областное товарищество «Художник», созданное как филиал Всероссийского кооперативного объединения художников [24, с. 74]. В феврале 1937 г. был создан оргкомитет Пензенского отделения Союза советских художников, который возглавил Алексей Иванович Постнов (22.02.1900–11.11.1980). Он включал в свой состав два организационных сектора: творческо-производственный и культурно-

¹ О перестройке литературно-художественных организаций : постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/451314> (дата обращения: 10.01.2025).

² Об образовании Союза советских художников СССР : постановление Совета Народных Комиссаров от 21 июня 1939 г. № 922 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/402757-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskih-hudozhnikov-sssr-21-iyunya-1939-g-locale-nil-922> (дата обращения: 10.01.2025).

массовый. Первый занимался организацией выставок и обмена опытом с художниками Москвы и Ленинграда, а второй – популяризацией изобразительных искусств среди широких слоев трудящихся, организуя лекции, доклады, беседы в клубах и на предприятиях [23, с. 282–283]. Отделение было создано 25 января 1940 г. Председатели правления в первые годы существования отделения (1940–1942 гг.) достаточно часто менялись, что, на наш взгляд, было связано с организационными трудностями. 24 августа 1942 г. правление вновь возглавил А. И. Постнов, лишь в 1953 г. его сменил Алексей Григорьевич Вавилин (13.03.1903–14.12.1978). Развитие творческой жизни отделения Союза долгое время было малозначительным. На выставках в Москве появлялись картины, в основном созданные пензенскими художниками старшего поколения: Н. К. Красновым, М. Е. Валукиным, А. И. Поповым, А. Г. Вавилиным.

Великая Отечественная война внесла коррективы в творческие планы интеллигенции. Однако, несмотря на тяжелые условия быта, выставки, хотя и скромные по масштабу, продолжались. На них демонстрировались картины, отражающие события военного времени. Художники города активно участвовали в создании агитационных плакатов. В конце 1941 – начале 1942 г. пензенские художники во главе с эвакуированным профессором живописи П. И. Котовым приступили к созданию «Агит-окон» – ярких плакатов с емкими текстами, отражавшими события военного времени. В творческую группу вошли: Н. К. Краснов, А. И. Постнов, А. Г. Вавилин, Г. А. Бочканов, Н. Я. Евстигнеев, М. И. Козицин, А. М. Сперанский, Б. И. Лебедев, Н. А. Алентьев, А. П. Баринов. Литературные тексты писали М. И. Инюшкин, М. М. Протусевич, К. И. Постнова, Я. М. Тайц. Первый номер «Агит-окон» вышел 15 октября 1941 г. Товарищество и отделение Союза советских художников тесно взаимодействовали [24, с. 74–75]. За годы войны было выпущено 40 агитплакатов, среди них можно отметить следующие: «Сталинский приказ в действии», «Лев и котенок», «Зевс и фюрер» и др. [23, с. 405]. Художниками оформлялись красные уголки, клубы, общежития, площади города, госпитали и призывной пункт г. Пензы. С этой целью создавались копии с картин русских художников, а также писались портреты вождей партии и правительства, командиров Красной армии.

Несмотря на сложности, пензенские художники принимали участие во всесоюзных выставках, утверждая свое место в художественной жизни страны. Так, они приняли участие во Всесоюзном вернисаже «Великая Отечественная война», состоявшемся 7 ноября 1942 г. в Москве [23, с. 405]. При поддержке пензенских мастеров были проведены три выставки в Пензенской области. Самой крупной стала четвертая областная выставка, открывшаяся летом 1944 г. Здесь было экспонировано 118 работ 13 авторов, среди которых следующие: «Разгром немецкой группировки у берегов Буга» и «В деревне, отбитой у немцев» Н. К. Краснова, «Допрос партизанки» А. Г. Вавилина, композиция из воска «Не простим» М. Ф. Бабурина. Одиннадцать картин представил И. С. Горюшкин-Сорокопудов, активное участие принял А. И. Постнов. О. Б. Бурдин презентовал бюст И. Н. Ульянова пензенского периода жизни и деятельности. Выставка 1944 г. продемонстрировала значительный профессиональный рост художников и высокий уровень идеологического колорита произведений. Саркастические плакаты, обличающие фашистского

врага и восхваляющие советского солдата, экспансивная живопись, графические рисунки имели глубокое эмоциональное воздействие на зрителей [23, с. 406]. Необходимо отметить, что деятельность как отделения ССХ, так и товарищества «Художник» регламентировалась местными органами власти. В частности, копирование работ и их продажа, организация выставок требовали разрешения отдела по делам искусства при облисполкоме [24, с. 75, 77].

Значимой творческой фигурой в среде художественной интеллигенции был И. С. Горюшкин-Сорокопудов [9]. В военные годы он являлся директором Пензенского художественного училища и Картинной галереи. В ноябре 1943 г. исполнилось 70-летие со дня рождения и 40-летие его творческой и педагогической деятельности. Учитывая особые заслуги в области творческой и педагогической деятельности, Пензенский облисполком ходатайствовал о награждении художника орденом Трудового Красного Знамени. Мастер одним из первых художников в стране получил почетную награду [23, с. 406].

Послевоенный период в советском искусстве характеризовался доминированием направления социалистического реализма. Деятельность художников находилась под строгим идеологическим контролем со стороны как городских и областных органов власти, так и руководства отделения союза. Необходимо отметить, что успешное участие в официальных выставках – всесоюзных и республиканских – было важным фактором признания художника и возможностью продемонстрировать свое мастерство и идеологическую лояльность [25, л. 15]. В состав Пензенского отделения ССХ в 1946 г. входило 16 человек: 14 живописцев, 1 график и 1 декоратор [26, л. 177].

Во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг. сохранялась тесная связь Пензенского отделения ССХ с городским художественным училищем. Значительная часть членов союза преподавала в училище [25, л. 12], что, с одной стороны, обеспечивало кадровый потенциал и преемственность традиций, а с другой – создавало определенные ограничения для творческой деятельности из-за большой преподавательской нагрузки. Художники зависели от училища, так как оно предоставляло им помещения в аренду. На собраниях отделения союза неоднократно ставился вопрос о необходимости развития собственной инфраструктуры [25, л. 32]. Художники принимали участие в областных и всесоюзных выставках, выезжали в творческие командировки, привлекались к оформлению избирательных участков.

Работы пензенских художников, экспонировавшиеся на выставке 1946 г. в Москве (А. Г. Вавилин «Письмо с фронта», М. Е. Валукин «После ухода немцев», Н. К. Краснов «Сталин под Нарвой», В. В. Горлышкин «Уборка сена», А. П. Свиридов «Встреча В. Г. Белинского с М. Ю. Лермонтовым»), были положительно оценены критиками. Однако представители власти полагали, что деятельность отдельных художников не отвечает задачам времени. В постановлении облисполкома Пензенской области отмечалось: «Большинство художников не участвуют в работе над такими важными жанрами, как политический плакат, книжная иллюстрация. На выставке есть работы пассивные с точки зрения интересов нашей живой советской современности. Это пейзажи, натюрморты или цветы, технически хорошо исполненные, но стилистически подражающие старым образцам из далекого прошлого и не говорящие ничего ни уму, ни сердцу советского человека» [25, л. 32]. Необходимо отметить, что подобные оценки были типичными – художников

критиковали за низкий политический, культурно-профессиональный уровень, а руководство отделений за недостаточно активную идеологическую работу и пропаганду творчества.

Особое место в деятельности ССХ в 1953–1964 гг. уделялось сохранению творческого наследия И. С. Горюшкина-Сорокопудова (1873–1954), которое характеризовалось приверженностью к реалистическому направлению в живописи, что отвечало запросам государства к изобразительному искусству. Его творчество отличалось тщательностью исполнения, вниманием к деталям и точностью в передаче натуры. Он обращался к историческим темам и сюжетам, создавая картины, отражающие прошлое России, а также современную ему жизнь. Среди его работ – «Деспотичка прошлых столетий», «Звонница в Ростове Ярославском», «Плач Ярославны», «Старостиха Василиса», «Похороны В. И. Ленина», «Сталин у гроба Кирова», а также жанровые сцены, такие как «Сбор ягод» [27, л. 5]. Художник работал также в жанре пейзажа, создавая произведения, воспевающие красоту русской природы. Он был тонким наблюдателем и умел передавать в своих картинах настроение и атмосферу окружающей среды. Пензенское отделение Союза советских художников оценивало его творчество как вклад в борьбу против формалистических тенденций в искусстве [25, л. 133]. Его работы ставились в пример художникам как ориентир на следование реалистическим традициям. В 1955 г. было принято обращение Пензенской областной организации Союза художников России, в котором Горюшкин-Сорокопудов был отмечен как пример служения искусством народу, а его наследие – как ориентир для развития современных художников [27, л. 13]. Горюшкин-Сорокопудов был одним из наиболее известных пензенских художников, чьи работы выставлялись не только в Пензе, но и в других городах. Его творчество было своеобразной визитной карточкой пензенского искусства. Через свою преподавательскую деятельность Горюшкин-Сорокопудов способствовал формированию нового поколения пензенских художников. Творческое наследие Горюшкина-Сорокопудова рассматривалось как имеющее единую ценность для искусствоведов, художников и всех, кто интересуется жизнью и творчеством художника [25, л. 133].

В то же время существовали и проблемы, связанные с его наследием. Так, еще при жизни художника ряд его работ был вывезен в Астраханский музей, что свидетельствует о проблеме сохранения и учета художественного наследия, а также об отсутствии должного контроля за перемещением ценных произведений искусства. После смерти Горюшкина-Сорокопудова его усадьба была передана Пензенскому художественному училищу. Руководство ССХ отмечало, что училище не использовало ее по назначению [27, л. 23]. Это вызывало беспокойство у пензенских художников, которые неоднократно обращались к властям с просьбой об организации на ее территории дома творчества и отдыха межобластного значения. Усадьба, состоящая из жилого дома и мастерской, находилась в неудовлетворительном состоянии и требовала ремонта. Отсутствие должного ухода и охраны грозило ее разрушением. В связи с этим Пензенский ССХ на протяжении нескольких лет добивался передачи усадьбы Горюшкина-Сорокопудова в ведение художественного фонда, чтобы создать там дом творчества и отдыха для худож-

ников [27, л. 21]. Пензенские художники 1950-х гг. осознавали важность сохранения и популяризации творческого наследия художника, однако сталкивались с трудностями в этом вопросе.

Значительное оживление творческой жизни города началось в 1950-е гг. Основным содержанием художественных произведений являлись исторические события края, труд и подвиг советского человека, картины родной природы, проблемы современной жизни. Ежегодно проводились областные выставки Пензенского отделения ССХ, в которых участвовали также работы «Советского отдела» Картинной галереи. Картины первоначально экспонировались в здании краеведческого музея, а затем выставка передвигалась по городам области [24, с. 132–133]. Пензенские художники принимали участие в республиканских (А. М. Егидис, В. С. Зевакин, М. С. Шанин, Н. М. Сидоров, А. С. Король и др.) и всесоюзных выставках (А. А. Оя, М. С. Шанин) [25, л. 15; 27, л. 74]. Однако число участников было незначительным по сравнению с крупными художественными центрами. Подобная ситуация была вызвана комплексом факторов: недостаточным финансированием, ограниченностью материальных ресурсов, организационными проблемами, в частности постоянной сменой руководителей отделения: за достаточно короткий промежуток (1953–1968 гг.) на посту председателя правления сменилось 8 руководителей. Некоторые из них возглавляли отделение не более полугода. Поэтому руководство Пензенского филиала ССХ неоднократно ставило на повестку дня вопросы о необходимости дальнейшего развития художественной школы, повышения уровня мастерства пензенских художников, способных создавать произведения, соответствующие стандартам всесоюзных выставок того периода.

Анализ планов работ Пензенского ССХ за 1953–1964 гг. показал, что главным в деятельности руководства филиала было осуществление идеологического контроля за творчеством членов союза [27, л. 13]. Художники должны были в своем творчестве отражать достижения пятилеток, решения партии и правительства. Для них были организованы занятия по марксистско-ленинской эстетике [25, л. 15]. На собраниях союза постоянно подчеркивалась важность идеологической подготовки. Неоднократно отмечалось, что главной проблематикой картин должны быть сюжеты, связанные с колхозной жизнью, радостью труда, героическими свершениями.

Пензенские художники сталкивались с такими серьезными проблемами, как нехватка рабочих помещений, нерегулярность заказов [27, л. 67, 85]. Для творчества не хватало и материальных ресурсов [25, л. 15]. Эти проблемы были типичными для всех отделений ССХ областей Среднего Поволжья.

На собраниях отделения союза неоднократно поднимался вопрос о создании Дома художника как ключевом условии для развития творческого потенциала художников. Правление отделения обращалось за помощью в строительстве здания в облисполком [25, л. 21, 23; 27, л. 109]. Его открытие 29 декабря 1959 г. стало значительным достижением, положительно повлиявшим на художественную жизнь Пензы.

Заключение

Сравнительный анализ условий деятельности пензенских художников с их коллегами из соседних областей позволил прийти к выводу о том, что

жизнедеятельность творческой интеллигенции протекала в идентичной обстановке. Анализ делопроизводственной документации отделений ССХ Ульяновской, Пензенской областей и Татарской Автономной Советской Социалистической Республики показал, что для всех областных и даже республиканских творческих организаций были характерны одни и те же проблемы: ограниченность ресурсов и управленческие препятствия, ограничивающие свободу творчества [28, л. 1, 5; 29, л. 5]. Однако траектории их развития были разными. Пензенское отделение было тесно связано с художественным училищем, что обеспечивало стабильность кадрового потенциала и преемственность традиций. Несмотря на проблемы с финансированием и популяризацией творчества, Пензенское отделение демонстрировало большую стабильность в управлении по сравнению с соседними областями. Оно избежало серьезных кризисов руководящего органа. Различия в развитии местных отделений подчеркивают важность региональных условий и особенностей управления властью процесса формирования художественной жизни регионов в сложной обстановке послевоенного СССР. Участие пензенских художников во всесоюзных и республиканских выставках в 1950–1960-е гг. было определено сложным взаимодействием творческих стремлений художников, идеологического контроля со стороны власти и совместных организационных условий. Несмотря на существовавшие ограничения, художники внесли свой вклад в советское искусство. Создание Дома художника стало важным достижением в развитии пензенской художественной школы, способствуя повышению уровня творческой деятельности и участию в общесоюзной художественной жизни.

Список литературы

1. Иогансон Б. И. Первые тридцать лет Московского союза художников (1932–1962). Мифы, реальности, парадоксы // Искусствознание. 2012. № 3/4. С. 537–562.
2. Северюхин Д. Я. Союз Советских художников и практическая сторона художественной жизни в СССР // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, № 2. С. 298–311.
3. Ким М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М. : Госполитиздат, 1955. 340 с.
4. Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР : сб. ст. М. : Институт истории СССР, 1983. 221 с.
5. Лебединский М. С. Живопись, рожденная Октябрем: Становление и развитие социалистического реализма в русской, советской живописи. 1920-е – 1930-е гг. М. : Искусство, 1986. 249 с.
6. Конев В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века (теоретико-исторический анализ) : дис. ... д-ра культурологии. Новосибирск, 2004. 415 с.
7. Полищук Э. А. Георгий Константинович Савицкий. 1887–1949. М. : Искусство, 1961. 264 с.
8. Чесноков В. К. Вадим Дмитриевич Фалилеев. М. : Изобразительное искусство, 1975. 23 с.
9. Нехорошев Ю. И. Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов. Л. : Художник РСФСР, 1968. 81 с.
10. Изобразительное искусство // Пензенская область за сорок лет Советской власти. 1917–1957. Пенза : Книжное изд-во, 1957. С. 537–541.
11. Художники Пензы : альбом. Л. : Художник, 1964. 51 с.

12. Филина Ю. С. Сообщество советских художников в 1917–1927 гг.: историко-поколенческий анализ : дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 360 с.
13. Рябов А. В. Художник и власть (борьба и сотрудничество, 1918–1932 гг.). СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. 310 с.
14. Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь : Пермский государственный университет, 2007. 311 с.
15. Янковская Г. А. Советское искусство в годы позднего сталинизма и «рядовой зритель» // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018. № 1. С. 39–45.
16. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 344 с.
17. Зезина М. Р. Творческие союзы как корпоративные организации советской художественной интеллигенции // *Ученые записки РАГС*. 2009. Вып. 1 (IX). С. 37–56.
18. Му Кэ. Трансформация образов советского изобразительного искусства в послевоенный период (1945–1960 годы) // *Человек и культура*. 2017. № 5. С. 45–55.
19. Зыкова А. В. Власть и местные отделения Союза художников РСФСР в 1950–1970-е гг. (на материалах Южного Урала) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. № 4/4 (64). С. 85–88.
20. Михайлова М. В. Союзы художников Восточной Сибири и их деятельность в 1971–1980 годы (на примере Иркутской, Красноярской и Читинской организаций) // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2012. № 1 (60). С. 258–263.
21. Кузнецова Н. А. Творческие союзы Среднего Поволжья в послевоенные годы (1946–1953 гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13, № 3. С. 156–159.
22. Хаплекамитов Р. Б. Татарская творческая интеллигенция и власть (1944–1965 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 200 с.
23. История Пензенского края : монография : в 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века / под общ. ред. О. В. Мельниченко ; под ред. О. А. Суховой. 2-е изд. испр. и доп. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. 767 с.
24. Вазерова А. Г., Королева Л. А., Мику Н. В. История и культура Пензенского края XX века : монография. Пенза : ПГУАС, 2015. 192 с.
25. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2654. Оп. 1. Д. 7.
26. ГАПО. Ф. Р-2355. Оп. 1. Д. 80.
27. ГАПО. Ф. Р-2654. Оп. 1. Д. 8.
28. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 6031. Оп. 1. Д. 9.
29. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 7064. Оп. 1. Д. 8а.

References

1. Ioganson B.I. The first thirty years of the Moscow Union of Artists (1932–1962). Myths, Realities, Paradoxes. *Iskusstvoznaniye = Art studies*. 2012;(3/4):537–562. (In Russ.)
2. Severyukhin D.Ya. The Union of Soviet Artists and the practical side of artistic life in the USSR. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii = Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2023;24(2):298–311. (In Russ.)
3. Kim M.P. *Kommunisticheskaya partiya – organizator kul'turnoy revolyutsii v SSSR = The Communist Party is the organizer of the cultural revolution in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat, 1955:340. (In Russ.)
4. *Iz istorii partiyno-gosudarstvennogo rukovodstva kul'turnym stroitel'stvom v SSSR: sb. st. = From the history of party and state leadership of cultural development in the USSR: collected articles*. Moscow: Institut istorii SSSR, 1983:221. (In Russ.)

5. Lebedyanskiy M.S. *Zhivopis', rozhdannaya Oktyabrem: Stanovleniye i razvitiye sotsialisticheskogo realizma v russkoy, sovetской zhivopisi. 1920-e – 1930-e gg.* = *Painting born in october: formation and development of socialist realism in russian, soviet painting. 1920s – 1930s.* Moscow: Iskusstvo, 1986:249. (In Russ.)
6. Konev V.P. *Soviet Art Culture from the 1930s to the 1980s (theoretical and historical analysis): DSc dissertation.* Novosibirsk, 2004:415. (In Russ.)
7. Polishchuk E.A. *Georgiy Konstantinovich Savitskiy. 1887–1949 = Georgiy Konstantinovich Savitsky. 1887–1949.* Moscow: Iskusstvo, 1961:264. (In Russ.)
8. Chesnokov V.K. *Vadim Dmitriyevich Falileyev = Vadim Dmitriyevich Falileyev.* Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo, 1975:23. (In Russ.)
9. Nekhoroshev Yu.I. *Ivan Silych Goryushkin-Sorokopudov = Ivan Silych Goryushkin-Sorokopudov.* Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1968:81. (In Russ.)
10. Fine arts. *Penzenskaya oblast' za sorok let Sovetskoy vlasti. 1917–1957 = Penza Region for forty years of Soviet power. 1917–1957.* Penza: Knizhnoye izd-vo, 1957:537–541. (In Russ.)
11. *Khudozhniki Penzy: al'bom = Artists of Penza: album.* Leningrad: Khudozhnik, 1964:51. (In Russ.)
12. Filina Yu.S. *The Community of Soviet Artists in 1917–1927: Historical and Generational Analysis: PhD dissertation.* Moscow, 2023:360. (In Russ.)
13. Ryabov A.V. *Khudozhnik i vlast' (bor'ba i sotrudnichestvo, 1918–1932 gg.) = Artist and Power (struggle and cooperation, 1918–1932).* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2000:310. (In Russ.)
14. Yankovskaya G.A. *Iskusstvo, den'gi i politika: khudozhnik v gody pozdnego stalinizma = Art, Money and Politics: The Artist in the Late Stalinist Years.* Perm: Permskiy gosudarstvennyy universitet, 2007:311. (In Russ.)
15. Yankovskaya G.A. Soviet Art in the Years of Late Stalinism and the “Ordinary Viewer”. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology.* 2018;(1): 39–45. (In Russ.)
16. Zezina M.R. *Soviet artistic intelligentsia and power in the 1950–1960s: DSc dissertation.* Moscow, 2000:344. (In Russ.)
17. Zezina M.R. Creative unions as corporate organizations of the Soviet artistic intelligentsia. *Uchenyye zapiski RAS = Proceedings of the Russian Academy of State Administration.* 2009;1(IX):37–56. (In Russ.)
18. Mu Ke. Transformation of images of Soviet fine art in the post-war period (1945–1960). *Chelovek i kul'tura = Person and culture.* 2017;(5):45–55. (In Russ.)
19. Zytkova A.V. The authorities and local branches of the Union of Artists of the RSFSR in the 1950s–1970s (by the materials from the Southern Urals). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altay State University.* 2009;(4/4):85–88. (In Russ.)
20. Mikhaylova M.V. Unions of Artists of Eastern Siberia and their activities in 1971–1980 (by the example of the Irkutsk, Krasnoyarsk and Chita organizations). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University.* 2012;(1):258–263. (In Russ.)
21. Kuznetsova N.A. Creative unions of the Middle Volga region in the post-war years (1946–1953). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2011;13(3):156–159. (In Russ.)
22. Khaplekhmitov R.B. *Tatar creative intelligentsia and power (1944–1965): PhD dissertation.* Kazan, 2008:200. (In Russ.)
23. Mel'nichenko O.V., Sukhova (eds.). *Istoriya Penzenskogo kraya: monografiya: v 3 t. T. 3. Penzenskiy kray v XX – nachale XXI veka. 2-e izd. ispr. i dop. = History of penza region: monograph: in 3 volumes. Volume 3. Penza region in th 20th – early 21st centuries. The 2nd edition, revised and supplemented.* Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2024:767. (In Russ.)

24. Vazeroва A.G., Koroleva L.A., Miku N.V. *Istoriya i kul'tura Penzenskogo kraya XX veka: monografiya = History and culture of Penza region of the twentieth century: monograph*. Penza: PGUAS, 2015:192. (In Russ.)
25. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-2654. Op. 1. D. 7 = State Archive of Penza region. Fund P-2654. Item 1. File 7. (In Russ.)
26. GAPO. F. P-2355. Op. 1. D. 80 = State Archive of Penza region. Fund P-2355. Item 1. File 80. (In Russ.)
27. GAPO. F. P-2654. Op. 1. D. 8 = State Archive of Penza region. Fund P-2654. Item 1. File 8. (In Russ.)
28. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Ul'yanovskoy oblasti. F. 6031. Op. 1. D. 9 = State Archive of Ulyanovsk region. Fund 6031. Item 1. File 9. (In Russ.)
29. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 7064. Op. 1. D. 8a = State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 7064. Item 1. File 8a. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Алексеевич Анишаков

аспирант кафедры истории
и социально-политических дисциплин,
Самарский филиал Московского
городского педагогического
университета (Россия, г. Самара,
ул. Стара-Загора, 76)

E-mail: anshackov.evgenij@yandex.ru

Evgeny A. Anshakov

Postgraduate student of the sub-
department of history and socio-
political disciplines, Samara Campus
of Moscow City University
(76 Stara-Zagora street, Samara, Russia)

Екатерина Петровна Барина

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
отечественной истории
и историографии, Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
Московское шоссе, 34)

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Ekaterina P. Barinova

Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of national history
and historiography, Samara National
Research University
(34 Moskovskoye highway,
Samara, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 13.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2025

Принята к публикации / Accepted 03.02.2025

УДК 947.084(470.40)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-13

Советская модель раздельного обучения (на примере Пензенской области)

В. Н. Паршина¹, А. В. Каширский²

^{1,2}Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

¹parshina.v.n@mail.ru, ²alexallanpoe@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современных условиях вопрос о перспективах введения раздельного школьного образования является дискуссионным. В то же время в историографии присутствует лишь фрагментарное освещение данной проблемы, что задает необходимость изучения исторического опыта реализации раздельного обучения в СССР. Целью данной работы является рассмотрение реализации политики раздельного обучения в СССР на примере Пензенской области в 1943–1954 гг. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе архивных документов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Пензенской области, постановлений партии и правительства. Реализация исследовательских задач была достигнута за счет применения системного и комплексного подходов к рассмотрению вопросов организации системы раздельного обучения мальчиков и девочек в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. *Результаты.* Разработка данной темы несет в себе историческую новизну. В ходе исследования было рассмотрено раздельное обучение в СССР не только в организационно-правовом или педагогическом преломлении, но и с точки зрения региональной истории. В ходе проведенного анализа выявлены предпосылки введения гендерной модели обучения в СССР. Рассмотрена динамика деятельности раздельных учебных заведений. Выявлены разноплановые трудности в организации раздельного обучения и причины отказа от системы мужских и женских школ в 1954 г. *Выводы.* Введение раздельного обучения в советский период было обусловлено государственным заказом. Партийное руководство, опираясь на опыт раздельного обучения дореволюционного периода, во избежание социального неравенства полов сохраняло в мужских и женских школах единообразные школьные программы, за исключением программ по военной подготовке. Отказ от реализации раздельной модели обучения в 1954 г. был обусловлен тем, что не были учтены педагогические, материальные и бытовые трудности военных лет. В ходе реализации раздельного обучения в городских школах выросла наполняемость классов, возникли проблемы с распределением учащихся по школам, с подбором персонала, не хватало учебного оборудования.

Ключевые слова: Пензенская область, раздельное обучение в СССР, мужские и женские школы, народное образование

Для цитирования: Паршина В. Н., Каширский А. В. Советская модель раздельного обучения (на примере Пензенской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 151–162. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-13

Soviet model of separate education (by the example of Penza region)

© Паршина В. Н., Каширский А. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

V.N. Parshina¹, A.V. Kashirskiy²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹parshina.v.n@mail.ru, ²alexallanpoe@yandex.ru

Abstract. *Background.* In modern conditions, the question of the prospects for introducing separate school education is debatable. At the same time, historiography contains only fragmentary coverage of this problem, which makes it necessary to study the historical experience of implementing separate education in the USSR. The purpose of this work is to consider the implementation of the policy of separate education in the USSR on the example of Penza region in 1943–1954. *Materials and methods.* The study was carried out on the basis of archival documents of the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Penza Region, party and government resolutions. The implementation of research tasks was achieved through the application of systematic and integrated approaches to the consideration of the organization of a system of separate education for boys and girls during the Great Patriotic War and the post-war years. *Results.* The development of this topic carries a historical novelty, in the course of the study, not only separate education in the USSR was considered in organizational, legal or pedagogical terms, but also from the point of view of regional history. The analysis revealed the prerequisites for the introduction of a gender model of education in the USSR. The dynamics of the activity of separate educational institutions is considered. The diverse difficulties in the organization of separate education and the reasons for the abandonment of the system of men's and women's schools in 1954 were revealed. *Conclusions.* The introduction of separate education in the Soviet period was due to a government order. The party leadership, based on the experience of separate education in the pre-revolutionary period, in order to avoid social inequality of the sexes, maintained uniform school curricula in men's and women's schools, with the exception of military training programs. The refusal to implement a separate model of education in 1954 was due to the fact that the pedagogical and material and everyday difficulties of the war years were not considered. During the implementation of separate education in urban schools, class occupancy increased, problems arose with the distribution of students to schools, with the selection of staff, and there was a lack of educational equipment.

Keywords: Penza region, separate education in the USSR, schools for men and women, public education

For citation: Parshina V.N., Kashirskiy A.V. Soviet model of separate education (by the example of Penza region). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):151–162. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-13

Революционные потрясения и советская модернизация послужили факторами трансформации гендерной политики в СССР, что проявилось во многих общественных сферах, в частности в реализации государственной семейной политики с четким разделением роли женщин и мужчин, а также в системе образования. Реактуализация забытого имперского опыта в период Великой Отечественной войны становится естественным продолжением тренда на восстановление исторической преемственности как важного фактора мобилизации советского общества.

Анализируя степень изученности истории раздельного обучения, следует отметить, что большее количество исследований посвящено изучению проблемы в дореволюционной России, гендерному подходу в обучении, междисциплинарным аспектам раздельного обучения. Данные проблемы отражены в исследованиях Л. Е. Раскина, А. В. Пыжикова, М. А. Болотова,

Ю. А. Пинаевой, Г. Д. Гончаровой и др. [1–5]. Несмотря на значительное число работ отечественных исследователей по теме раздельного обучения, региональные аспекты проблемы изучены лишь частично. В частности, Ш. Ф. Садыков рассмотрел в своем исследовании опыт реализации раздельного обучения в школах г. Казани [6]. М. К. Елисафенко, А. К. Шитов провели сравнительный анализ реализации раздельного обучения в общеобразовательных школах Урала в дореволюционной и советской России [7].

Исследование проблемы раздельного обучения в Пензенской области фрагментарно отражено в работах Л. Ю. Пресняковой и Л. Д. Гошуляк в рамках изучения истории образования в Среднем Поволжье, что усиливает актуальность данной темы [8].

В дореволюционной России наряду с сословностью образования существовала практика раздельного обучения мальчиков и девочек, когда учащиеся мужского и женского пола обучались не в смешанных, а в раздельных учебных подразделениях и даже в разных учебных заведениях или учебно-воспитательных учреждениях [9]. Этот опыт был взят на вооружение в условиях возвращения имперских традиций в СССР во второй половине 1930-х гг. Свидетельства тому содержатся в переписке А. А. Жданова и В. М. Молотова: «Я ознакомился с правилами для учеников гимназий и прогимназий, утвержденными в 1877 г. Там очень много правильных и заслуживающих перенесений в наши правила (с существенными исправлениями) положений» [10, л. 61–62]. Идея введения раздельного образования постепенно утверждалась в сознании руководства Советского Союза и в конкретных гендерных стратегиях. Так, в конце 1930-х гг. появились проекты унификации школьной формы, которые символизировали различие призваний и ролей мальчиков и девочек в рамках советского гендерного порядка. Для мальчиков предлагалась форма, элементы которой напоминали военную форму как средство проявления маскулинности. Школьная форма для девочек (платье коричневого цвета и фартук) отражала феминность.

Таким образом, проекты внедрения раздельного обучения обсуждались партийным руководством и педагогами еще до начала Великой Отечественной войны. Например, в докладной записке Отдела школ ЦК ВКП(б) в 1941 г. отмечалось, что революционный слом имперской системы образования преодолен и равноправие мужчин и женщин было достигнуто во всех сферах деятельности. Но совместное обучение стало создавать «затруднения педагогического и организационного порядка. Рекультивированный подход к системе позволил бы минимизировать риски возможного проявления нестандартного поведения между обучающимися противоположных полов. А также даст ясные перспективы для воспитания трудящегося населения страны» [11, л. 1].

Изначально раздельные учебные заведения планировались как образцовые, с элементами элитарности, что выражалось бы в высоком уровне образованности сотрудников, во владении иностранными языками, а также планировалось углубленное изучение отдельных предметов учениками. Зарплата учителей на 50 % превышала заработок учителей обычных школ [2, с. 78]. Следует отметить, что данные планы впоследствии частично были введены в практику. Например, в 1948 г. было разработано «Положение о средней мужской школе с преподаванием ряда предметов на иностранном языке». Это стало прообразом спецшкол, которые появились в СССР в 1950-х гг.

Также, следует отметить, что финансированию и обеспечению учительскими кадрами мужских школ также уделялось больше внимания. Так, согласно отчету отдела народного образования Пензенского облисполкома за 1952–1953 учебный год за счет дополнительных ассигнований мужским школам г. Пенза были выделены максимальные суммы по статьям № 7, 11, 12 на приобретение учебно-наглядных пособий, спортивного инвентаря и мебели. В преддверии 1953–1954 учебного года лучшие выпускники педагогического института были направлены в мужские школы Пензенской области [12, л. 60].

Внедрение системы раздельного обучения было прервано с началом Великой Отечественной войны. Вновь актуальным для советского руководства этот вопрос становится с осени 1942 г. На основании Постановления № 1729 Совета Народных Комиссаров (СНК) от 24 октября 1942 г. раздельное обучение мальчиков и девочек было введено в начальной школе и на занятиях по допризывной военной подготовке. Указания директивных органов были выполнены весьма оперативно, и уже через 2 месяца после этого Постановления в приказе № 12 по Пензенскому областному отделу народного образования (ОблОНО) от 02.01.1942 отмечалось: «Проверкой ОблОНО выявлено высокое качество работ по военному обучению учащихся. Все учителя сдали нормы на значок ГТО первой ступени. С учащимися 8–10 классов мальчиками, проводятся занятия по подготовке истребителей танков. Девушки 8–10 классов, по линии первичной организации РОКК вовлечены в санитарную дружину» [13, л. 8].

В деле военизации системы образования ключевое значение имело Постановление СНК № 110 от 29 января 1943 г., подписанное лично И. В. Сталиным, согласно которому, начиная с пятого класса, требовалось «полностью осуществить в г. Москве с начала 1943/44 учебного года принцип раздельного обучения, образовав отдельные школы раздельного обучения мальчиков и девочек в школах Москвы» [14, л. 276–277]. Чуть позже, 16 июля 1943 г., появилось Постановление СНК СССР № 789 «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943–1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных республик и крупных промышленных городов» [15, с. 229–230].

Таким образом, с 1943 г. в городах СССР появились новые типы школ – мужские, женские и смешанные. Необходимость реформы объяснялась тем, что совместное обучение создавало «некоторые затруднения в учебно-воспитательной работе с учащимися» [16, с. 203]. По мнению авторов проекта, в образовательном процессе не учитывались особенности физического развития мальчиков и девочек, различия в их подготовке к труду, военному делу.

В рамках реализации стратегии раздельного обучения в СССР предписывалось, что мужские и женские школы должны были иметь отдельное учебное здание. В мужских учебных заведениях следовало, учитывая специфику профессиональной ориентации юношей того времени, значительно увеличить лабораторные и практические работы по физике, химии, биологии, что предполагало спецификацию в оборудовании рабочих комнат, учебных кабинетов, библиотек и т.д. Также в экстремальных условиях войны планировалось больше времени уделять военной подготовке. Программы общеобразовательных предметов в мужских и женских школах по содержанию

не отличались, за исключением начальной и допризывной военной подготовки [17, с. 61].

Введение раздельного обучения обозначило проблему переподготовки педагогических кадров. Так, в Пензе уже в июне 1943 г. была подготовлена программа краткосрочных курсов для учителей 5–7 классов неполных средних школ. Она включала в себя вопросы о роли воспитания в процессе обучения, о методах воспитательного влияния на учащихся в связи с возрастными особенностями подростков, о правилах поведения учащихся и об укреплении дисциплины, о военном обучении в школе [18, л. 13].

В Пензенской области введение раздельного обучения было завершено к 1 сентября 1943 г. В установленные сроки в Пензе мужскими стали средние школы № 2 и 10, семилетние № 7, 12, 14, женскими – средние № 4, 6, 17, семилетние № 5, 8, 9, 11, 16, 23 и 24; семилетние № 19 и 37 остались смешанными [19, с. 397].

Статистические данные о раздельном обучении в семилетних и средних школах г. Пензы в период Великой Отечественной войны представлены в табл. 1.

Таблица 1

Статистические данные о раздельном обучении
в семилетних и средних школах г. Пензы в период Великой
Отечественной войны [18, л. 13; 20, л. 1]

Учебный год	Всего школ	Кол-во учащихся	Мужские школы	Кол-во учащихся / в классах	Женские школы	Кол-во учащихся / в классах	Смешанные школы	Кол-во учащихся / в классах
1943–1944	26	–	5	–	10	–	11	–
1944–1945	23	12 532	9	3765/59	10	7222/62	4	1545/42

Ориентация на результативность реформы требовала полного перехода на раздельное обучение, и именно на этом этапе руководство области столкнулось с проблемой организации раздельного обучения в Пензенской области.

Исполнение указа о раздельном обучении требовало отдельного здания для каждой школы и ликвидации трехсменной работы, что по объективным причинам выполнить было невозможно. В городе и области остро ощущалась нехватка школьных зданий, что было обусловлено резким уменьшением школьных помещений, которые передавались в условиях военного времени под госпитали и другие учреждения.

Так, например, занятия в семилетней женской школе № 5 проводились в здании мужской семилетней школы № 7. Уроки в женской школе № 6 проходили в три смены. Занятия в специальной семилетней школе № 21 проходили в здании № 29 начальной школы в третью смену [12, л. 2; 20, л. 1]. В послевоенное время занятия в 10 школах г. Пензы проводились в три смены. В начале

1950-х гг. из 10 школьных зданий, занятых не по назначению и подлежащих освобождению, возвращено в школьный фонд было только одно [12, л. 2].

Учитель средней школы № 4 г. Пензы Лидия Ивановна Гомерова
с классом, январь 1952 г. ПГКМ КП 8974/2
(Л. И. Гомерова удостоена Ордена Ленина в 1949 г.)

В целях улучшения условий работы мужских школ в 1952 г. из здания мужской средней школы № 2 г. Пензы было переведено 8 классов рабочей молодежи школы № 7 в здание средней женской школы № 16. Школа рабочей молодежи № 2 г. Кузнецка была переведена из здания мужской средней школы № 4 в здание женской школы № 1. Также была освобождена часть здания средней школы № 2 г. Пензы, занимаемой в течение ряда лет клубом областного Управления Министерства внутренних дел [12, л. 59].

Введение раздельного обучения вызвало ряд изменений в методах работы в мужских и женских школах. Так, например, в отчете Городского отдела народного образования в разделе «Воспитательная работа» за 1943–1944 учебный год отмечалось, что данные изменения связаны с гендерными особенностями мальчиков и девочек. В женских школах учителя, не меняя учебного материала, подбирали тексты письменных работ, статьи и конспекты для творческих работ с преобладанием эмоциональных сторон [20, л. 3 об.].

В действительности же образовательная программа не могла быть полноценно усвоена в классе с более чем 50 обучающимися и внеклассные мероприятия носили формальный характер по объективным причинам. Педагоги не имели возможности для реализации индивидуального подхода к каждому ребенку. В архивных документах сохранились сведения, что работа кружков в мужских школах велась замкнуто, с малым охватом учащихся; самодеятельность, в отличие от женских школ, была развернута слабо, и этот участок воспитательной работы не был в должной мере использован препода-

давателями для укрепления дисциплины [20, л. 7–7 об.]. Возникали факты безнадзорности, что приводило к нарушению дисциплины.

Согласно докладной записке о состоянии дисциплины в мужских школах г. Пензы в октябре 1943 г. отмечалось большое число пропусков уроков мальчиками, проявление хулиганских проступков, драк, использование неприличных слов, случаи воровства. Так, например, ученик школы № 7 Ведерников являлся в класс в нетрезвом виде, его одноклассник Забиров занимался воровством тетрадей, ученики Потапов и Можаров систематически срывали уроки. Ученики № 17 школы Грудкин и Решетов систематически занимались умышленной порчей мебели. Ученики школы № 14 под руководством ученика Коблова играли на уроке в «орлянку» и карты, учителям на замечания отвечали: «Сама иди из класса» [20, л. 4 об.].

В целях повышения ответственности учащихся мужских школ города и области за их поведение классные руководители неоднократно возвращались к разъяснению на классных и родительских собраниях «Правил для учащихся». Отдельные факты недисциплинированности учащихся разбирались на классных собраниях, педсоветах в присутствии родителей, от имени директоров школ выносились выговоры; как крайняя мера применялось исключение из школы. Проводились беседы о замечательных людях, героях. Администрация мужских школ добивалась, чтобы уроки военного дела были образцами дисциплины и порядка [20, л. 5].

Была предпринята смена руководства мужских школ на основании приказа Отдела народного образования города от 11 ноября 1943 г. А институту усовершенствования учителей было предписано организовать для администрации и педагогов семинар на тему «Особенности физиологического развития мальчиков и девочек в возрасте 5–7 лет».

Несмотря на все принятые меры, вопросы дисциплины в мужских школах продолжали оставаться актуальными на протяжении всего периода действия раздельного обучения. Так, например, в отчете о работе школ Пензенской области в 1952–1953 учебном году отмечалось, что дисциплина учащихся мужских школ значительно хуже, нежели учащихся женских и смешанных: «Поведение части учащихся мужских школ г. Пенза, г. Белинска остается на низком уровне. Имели место случаи нарушения правил поведения и обязательного решения Исполкома Облсовета от 4.06.1952 г. “О правилах поведения детей и подростков на улицах и общественных местах”» [12, л. 57]. В области вопросам дисциплины постоянно уделялось внимание на заседаниях облисполкома, ОблОНО. В результате проверки мужских школ области в начале учебного года был издан приказ ОблОНО № 241 от 10.10.1952.

Во исполнение данного приказа был усилен контроль за работой мужских школ, укреплен состав физруков, старших пионервожатых, преподавателей школ, также освобожден от обязанностей директор школы № 2, завучи школ.

Еще одним фактором сложности реализации принятого решения, с которым столкнулись местные власти, был подбор персонала. Согласно изданной Наркоматом просвещения РСФСР инструкции от 23 июля 1943 г., директорами мужских школ должны были назначаться обязательно мужчины, а женских – женщины [18, л. 150]. В рамках исполнения указа Наркомпроса партийному руководству области и города требовалось решить несколько задач. Во-первых, обеспечить существенно возросшую потребность школ

в учительских кадрах. Во-вторых, выполнить требование законодательства о расстановке педагогов согласно гендерной модели.

В. И. Лебедев с одноклассником – учащимся мужской средней школы № 7 – за игрой в шахматы, Пенза, 1949 г. Фото из личного архива семьи Лебедевых

Отсутствие учителей мужского пола было продиктовано мобилизацией учителей на фронт и военными потерями. Как следствие, даже мужские школы имели директоров женщин, что вызывало диссонанс. Так, например, директором мужской школы № 1 г. Пензы на протяжении долгого времени работала Ирина Николаевна Андреевская [12, л. 2 об.]. Согласно архивным данным на начало 1954–1955 учебного года должность директора в пяти мужских школах Пензы занимали женщины.

На рис. 1 и 2 приведены статистические данные о работниках школ, которые свидетельствуют о том, что в области присутствовали проблемы с гендерным кадровым составом руководителей образовательных учреждений [21, л. 8; 22, л. 10].

Перевод на раздельное обучение сопровождался нехваткой кадров, школьных зданий и других материальных составляющих, поэтому фактически только чуть больше половины школ, запланированных для перехода, действительно перешло на такое обучение.

Проведя анализ региональных архивных источников, материалов дискуссии в «Литературной газете», следует отметить, что преобразование не встретило единодушного одобрения в среде как учителей, так родителей и учеников.

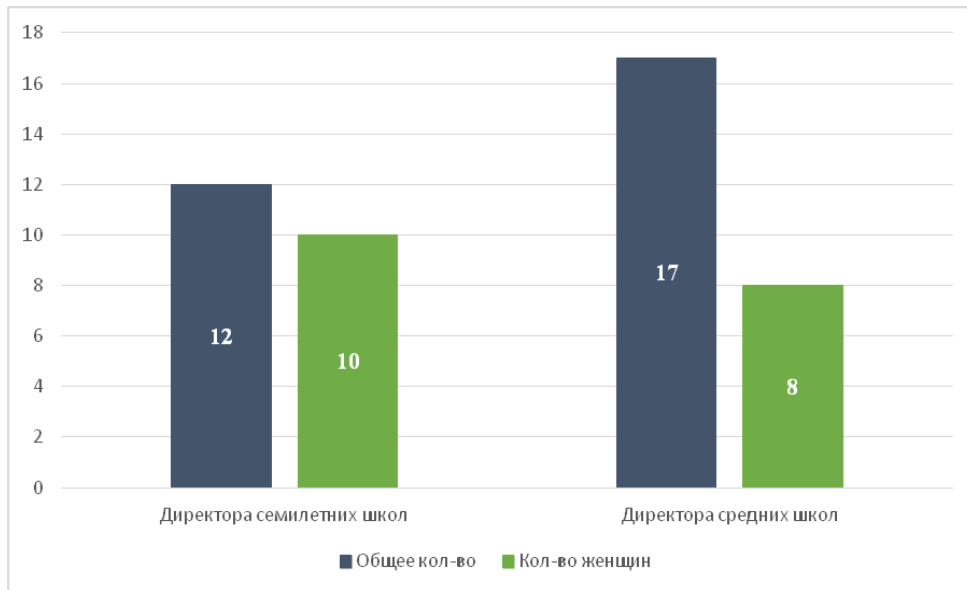

Рис. 1. Данные о количественном составе директоров семилетних и средних школ г. Пензы на начало 1954–1955 учебного года

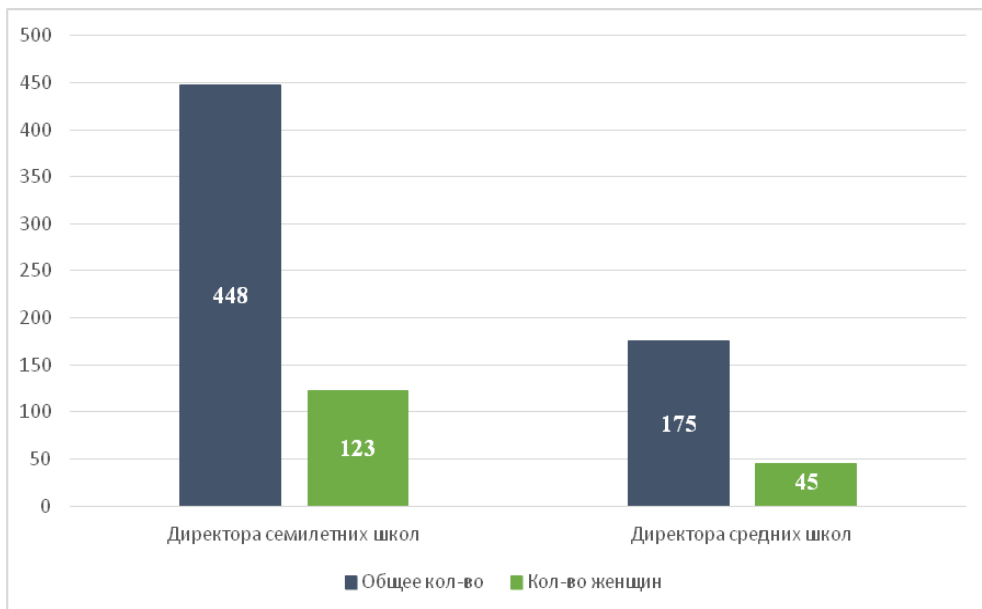

Рис. 2. Данные о количественном составе директоров семилетних и средних школ Пензенской области на начало 1954–1955 учебного года

В условиях окончания войны раздельное обучение стало вызывать все больше вопросов и противоречило новым задачам развития государства и общества. Часть школ были реорганизованы в смешанные. Так, например, мужская школа № 14 г. Пензы в 1948 г. была реорганизована в смешанную. На начало 1952 г. в Пензенской области действовало 8 мужских школ: в г. Пензе – средние № 1, 2; семилетние № 7, 35, в г. Кузнецке – средняя № 4 и семилетняя № 12, в г. Белинском – средняя, в г. Городище – средняя [12, л. 58].

Среди причин отказа от раздельного обучения в школах СССР в 1954 г. можно обозначить недостаточную подготовленность педагогического теоретического обоснования и материальной базы для перехода на новую форму организации обучения. Раздельное обучение не решило задач, поставленных партийным руководством. К тому же реализация организации отдельных учебных заведений для мальчиков и девочек экономически оказалась для государства и советской семьи делом весьма обременительным.

Таким образом, раздельное обучение в советских школах, введенное во время Великой Отечественной войны, основывалось на совершенно иных принципах, чем в дореволюционный период. Преобразования были вызваны тяжелой и изнурительной войной, военным положением, необходимостью широкой, можно сказать, тотальной военной подготовки мужской части населения, что вызывало необходимость введения в школе целого ряда специфических дисциплин, изучать которые девочкам не было острой необходимости. При этом равенство прав женской части населения в сравнении с мужской под сомнение не ставилось.

Список литературы

1. Раскин Л. Е. Проблема мальчиков и девочек в воспитании / Народный комиссариат просвещения РСФСР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 60 с.
2. Пыжиков А. В. Раздельное обучение в советской школе // Педагогика. 2004. № 5. С. 78–82.
3. Болотов М. А. Раздельное обучение: проблемы и перспективы // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 213–216.
4. Пинаева Ю. А. Реформирование системы образования в 1940–1950-х годах // 2023. № 47 (145). URL: <https://scilead.ru/article/5343-reformirovanie-sistemi-obrazovaniya-v-1940-19>
5. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 28 с.
6. Садыков Ш. Ф. Вопросы раздельного обучения в школах Казани в 1943–1954 годах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 12-2. С. 370–374.
7. Елисафенко М. К., Шитов А. К. Опыт реализации раздельного обучения в общеобразовательных школах Урала в дореволюционной и советской России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (31). С. 45–57.
8. Гошуляк Л. Д., Преснякова Л. Ю. Образовательный процесс в школах Среднего Поволжья в 1943–1954 гг. на основе гендерного подхода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11). С. 138–145.
9. Богатикова О. Н. Раздельное обучение в школе: история и современность // Воспитание в современных условиях: региональный аспект : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29 октября 2021 г.) / под ред. М. А. Лыгиной, О. А. Логиновой, П. А. Гагаева. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. С. 192–197.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 44. Д. 1088.
11. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2997.
12. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 1008.
13. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 544.
14. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210.

15. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л. : Лениздат, 1944. 252 с.
16. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сборник документов за 1917–1947 гг. / сост. Н. И. Болдырев. М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 320 с.
17. В учебно-методическом совете Наркомпроса РСФСР // Советская педагогика. 1945. № 3. С. 61.
18. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 632.
19. История Пензенского края : монография : в 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX – начале XXI века / под общ. ред. О. В. Мельниченко ; под ред. О. А. Суховой. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. 768 с.
20. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 344.
21. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 1010.
22. ГАПО. Ф. Р-1381. Оп. 1. Д. 1092.

References

1. Raskin L.E. *Problema mal'chikov i devochek v vospitanii* = *The issues of boys and girls in education. People's Commissariat of Education of the RSFSR*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1929:60. (In Russ.)
2. Pyzhikov A.V. Segregated education in Soviet schools. *Pedagogika* = *Pedagogics*. 2004;(5):78–82. (In Russ.)
3. Bolotov M.A. Separate education: issues and prospects. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = *Bulletin of Bashkir University*. 2010;15(1):213–216. (In Russ.)
4. Pinayeva Yu.A. *Reformirovaniye sistemy obrazovaniya v 1940–1950-kh godakh* = *Reforming the education system in the 1940s and 1950s*. 2023;(47). (In Russ.). Available at: <https://scilead.ru/article/5343-reformirovanie-sistemi-obrazovaniya-v-1940-19>
5. Goncharova G.D. *Period razdel'nogo obucheniya v SSSR v 1943–1945 gg. i yego otrazheniye v literature i kinematografe* = *The period of separate education in the USSR in 1943–1945 and its reflection in literature and cinema*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2013:28. (In Russ.)
6. Sadykov Sh.F. Issues of separate education in Kazan schools in 1943–1954. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* = *International Journal of Applied and Basic Research*. 2017;(12-2):370–374. (In Russ.)
7. Yelisafenko M.K., Shitov A.K. Experience of implementing separate education in comprehensive schools of the Urals in pre-revolutionary and Soviet Russia. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»* = *Bulletin of Moscow City Pedagogical university. Series “Historical sciences”*. 2018;(3):45–57. (In Russ.)
8. Goshulyak L.D., Presnyakova L.Yu. The educational process in schools of the Middle Volga region in 1943–1954 based on a gender approach. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2009;(3):138–145. (In Russ.)
9. Bogatikova O.N. Separate education in school: history and modern times. *Vospitaniye v sovremennykh usloviyakh: regional'nyy aspekt: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 29 oktyabrya 2021 g.)* = *Education in modern conditions: regional aspect: proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (Penza, October 29, 2021)*. Penza: Izd-vo PGU, 2021:192–197. (In Russ.)
10. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 5446. Op. 44. D. 1088 = *State Archive of the Russian Federation. Fund 5446. Item 44. File 1088*. (In Russ.)
11. GARF. F. A-2306. Op. 69. D. 2997 = *State Archive of the Russian Federation. Fund A-2306. Item 69. File 2997*. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. R-1381. Op. 1. D. 1008 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 1008*. (In Russ.)

13. GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 544 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 544.* (In Russ.)
14. GARF. F. R-5446. Op. 1. D. 210 = *State Archive of the Russian Federation. Fund 5R-446. Item 1. File 210.* (In Russ.)
15. *Sbornik ukazov, postanovleniy, resheniy, rasporyazheniy i prikazov voyennogo vremeni. 1942–1943 = Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and instructions of wartime. 1942–1943.* Leningrad: Lenizdat, 1944:252. (In Russ.)
16. Boldyrev N.I. (comp.). *Direktivy VKP(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii: sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. = Directives of the All-Union Communist Party VKP(b) and resolutions of the Soviet government on public education: a collection of documents for 1917–1947.* Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1947:320. (In Russ.)
17. In the educational and methodological council of the People's Commissariat of Education of the RSFSR. *Sovetskaya pedagogika = Soviet pedagogics.* 1945;(3):61. (In Russ.)
18. GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 632 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 632.* (In Russ.)
19. Mel'nichenko O.V., Sukhova O.A. (eds.). *Istoriya Penzenskogo kraia: monografiya: v 3 t. T. 3. Penzenskiy kray v XX – nachale XXI veka = The history of the Penza region: a monograph: in 3 volumes. Vol. 3. Penza region in the XX – the beginning of the XXI century.* Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2024:768. (In Russ.)
20. GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 344 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 344.* (In Russ.)
21. GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 1010 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 1010.* (In Russ.)
22. GAPO. F. R-1381. Op. 1. D. 1092 = *State Archive of Penza region. Fund R-1381. Item 1. File 1092.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Вера Николаевна Паршина

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: parshina.v.n@mail.ru

Vera N. Parshina

Candidate of historical sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of history
of Russia and methods of teaching history,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Александр Владимирович Каширский

магистрант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: alexallanpoe@yandex.ru

Alexandr V. Kashirskiy

Master's student, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 02.07.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.10.2024

Принята к публикации / Accepted 24.01.2025

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц – прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год. Научные направления (отрасли науки и группы специальностей):

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; e-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «___» _____ 20__ г.